

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЧАТКЕ

Поль
Жак
Бонзон

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

*Мальчик стал спускаться в выбоину,
оставленную машиной,
но поскользнулся и ухватился за пук сухой травы.*

*В ладонь ему вонзилась колючка.
От неожиданности он вскрикнул,
а когда опомнился, услышал топот ног.
Тиду не успел выдернуть колючку,
чтобы ухватить поводок,
и овчарка ринулась в погоню,
как и подобает хорошо натасканному псу.
Кафи был уверен,
что убегают только преступники,
которых необходимо схватить любой ценой.*

— Назад, Кафи! Ко мне!

*Слишком поздно.
В темноте раздалось два выстрела,
а вслед за ними — жалобный визг...*

Поль-Жак Бонзон

**ТАЙНА
ЧЕЛОВЕКА
В ПЕРЧАТКЕ**

КОЛЛЕКЦИЯ
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО"
Москва 1997

УДК 82-93
ББК 84.4 Фр.
Б81

Paul-Jacques Bonzon
Les six compagnons et la brigade volante
Les six compagnons et l'homme au gant

Перевод с французского
Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой

Оформление *Ю. Наурзалиевой*

Иллюстрации *В. Юдина*

ISBN5-89048-039-1

© Морозова Е., Мурашкинцева Е., 1997 г., перевод.
© ТОО «Коллекция «Совершенно секретно», 1997 г.,
составление, оформление, иллюстрации.

**ТАЙНА
«ЛЕТУЧЕЙ БРИГАДЫ»**

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ИСПАНИЮ

Ребята ехали уже больше часа, когда Тиду, возглавлявший маленький отряд на мопеде с коляской, притормозил и остановился.

— Сапожник, дай-ка мне карту!

— Зачем она тебе? Никакой ошибки нет, это автострада номер девять.

— Знаю.

— Хочешь найти место, где поставить палатку?

— Нет, меня интересует другое.

Взяв карту, Тиду развернул ее и стал подсчитывать вслух:

— До Перпиньяна еще пятнадцать километров. А от Перпиньяна до границы — тридцать один. В общем, до Испании совсем недалеко... а сейчас всего семь часов.

— Верно, — отозвался Гий, — но ведь уже темнеет. Мы будем там только через два часа. Как бы границу не закрыли!

— Это нам не грозит. Пертский перевал работает без перерывов, это указано в путеводителе. Если не останавливаться на ночь, мы на рассвете в Сан Мигеле. Лишний денек в Испании, неплохо ведь, а?

Сапожник и Бифштекс горячо поддержали Тиду, Гий уныло покачал головой.

— Лично меня это не прельщает, — заявил он. Мы весь день не слезали с мопедов, и я совершенно вымотался. А жарыща какая! Когда выезжали из Нарбона, меня чуть солнечный удар не хватил!

— Вот видишь! Ночью ехать куда лучше, а фары Стриженный у всех проверил. Завтра утром будем в Сан Мигеле... и сразу плюхнемся в море! Усталость как рукой снимет.

— Здорово! — с восторгом крикнул Сапожник, которого все называли «малыш», потому что он забывал расти.

— Точно! — подхватил Бифштекс. — Мы и вправду перегрелись. Подумать только, вчера утром в Лионе пришлось свитер надевать!

Тут он хлопнул по плечу Гия.

— Встряхнись, старик! Неужели ты так устал? Всего-то ночку осталось продержаться... и мы покатым по испанской дороге!

Гий смущенно улыбнулся.

— Ну, против троих мне не устоять. Решено, едем в Испанию без ночевки... но только сперва перекусим.

— Конечно, — кивнул Тиду. — Я и остановился здесь потому, что рядом лесок. Там прохладнее, чем на шоссе.

Они покатали в рощу и, прыгнув с мопедов, разлеглись на порыжелой траве. Бифштекс, достойный сын отца-мясника, вспомнил о своих обязанностях шеф-повара и быстро приготовил ужин. Впрочем, ребятам

не особенно хотелось есть. Слишком уж жарко было на этих равнинах Лангедока — ни единого облачка, ни намек на тень. Не удивительно, что они совершенно запарились... Но, если говорить начистоту, просто не хватало прежнего запала — ведь их было всего четверо, и отсутствие двоих членов компании явно ощущалось.

Накануне друзья, одолев расстояние от Лиона до Нима, заночевали в чистом поле. За все это время солнце выглянуло лишь однажды — в окрестностях столь памятного для них Монтелимара. Но с утра желанное поначалу солнце стало так припекать, что они готовы были взмолиться о пощаде. Даже великий фантазер Гий, слепо верящий в чудеса, не мог поверить, что в сентябре возможна такая жара.

В этом году друзья несколько припозднились с отъездом: в августе все они устроились на работу, чтобы накопить денег на каникулы в Испании.

А придумала это веселая, боевая Мади — единственная девчонка в компании Круа-Русс, отличный товарищ и верный друг. Идея пришла ей в голову как-то вечером, когда они забрались по Пиратской лестнице в свою знаменитую «пещеру», где некогда находилась ткацкая мастерская.

— Добрая половина лионцев проводит отпуск в Испании, — сказала Мади. — А мы чем хуже? В конце концов, это не так уж далеко. Мы вовсе не обязаны ехать в Севилью или в Малагу. Одна моя одноклассница была в Испании с родителями, и она говорит, что на побережье Коста Брава есть чудесные места... а это совсем рядом с французской границей! Правда, в августе там слишком жарко и на пляжах не протолкнуться.

Компания с восторгом приняла предложение, а особенно ликовал **Стриженный**, который, впрочем, всегда

находил идеи Мади «потрясными» — такое у него было излюбленное словечко.

Увы, всего не предугадаешь! Вот уже наступил вечер второго сентября, и друзья готовились пересечь границу, но в рядах их зияла брешь — не доставало именно Стриженого и Мади. Мама девочки перенесла небольшую операцию, и ей нужен был уход. А Стриженный объявил, что у него слишком мало денег, потому что в первой половине августа он не работал. Конечно, дело было не в этом — надо ли объяснять, что компания всегда устраивала складчину во время совместных вылазок! Просто Стриженому не хотелось расставаться с Мади, и он надеялся, что через несколько дней ее матери станет лучше — и тогда они вдвоем нагонят своих друзей.

— Нет, нет, нет! — заявила Мади, едва лишь зашла речь о том, чтобы отсрочить путешествие. — Не нужно меня ждать. Я не хочу портить вам каникулы. Если мама сможет обойтись без меня, я приеду на поезде. Расписание я уже изучила. Скорый «Лион — Барселона» останавливается в нескольких километрах от Сан Мигеля. Или вы думаете, что я не смогу найти дорогу? Да за кого вы меня принимаете? Я же не маленькая.

— Знаю я тебя, — отозвался Стриженный. — Если мы все уедем, ты с места не сдвинешься. У твоей мамы всегда найдется какой-нибудь предлог, чтобы удержать тебя... Она славная, но уж больно трясется над тобой. Решено, я остаюсь и буду ждать тебя.

Последнее слово было за Тиду — ребята дружно признали вожакom этого провансальского мальчика, который перебрался с родителями в Лион. Тиду поначалу колебался — ему совсем не улыбалось ехать вчетвером. Но Стриженный рассудил верно: если он останется, Мади станет совестно, и они присоединятся к остальным, как только выздоровеет ее мать, — вот тогда и начнутся настоящие каникулы.

Приятно было сидеть в прохладной зеленой рощице. Языки вскоре развязались. Естественно, друзья толковали об Испании — стране незнакомой и, следовательно, загадочной. Ни один из них ни слова не знал по-испански, но им сказали, что в Каталонии почти все говорят по-французски.

В девять Тиду дал сигнал выступать. Несмотря на поздний час, было не так уж и темно, поскольку небо оставалось безоблачным. Вскоре компания достигла Перпиньяна: город показался ребятам очень многолюдным, потому что все жители расселись, по каталонскому обычаю, на террасах кафе.

Дальше начиналась автострада, ведущая к границе.

Для большинства французов сезон отпусков уже заканчивался. Навстречу ребятам двигался поток машин с прицепами, доверху нагруженными чемоданами и лодками. Зато попутчиков практически не было. Включив фары, друзья покатили цепочкой — замыкал группу Тиду на мопеде с коляской, где восседал его любимец Кафи. Разумеется, на коляске тоже горела красная лампочка.

— Перевал очень крутой? — с беспокойством осведомился Гий. — Боюсь, мой моторчик не выдержит.

— Да не дергайся ты, — ответил Бифштекс. — Это и перевалом-то трудно назвать. Всего триста метров вверх по склону... а потом вниз, прямо к морю.

Действительно, подъем был почти незаметным, а повороты не слишком резкими. Близость гор ощущалась только по растительности, которая становилась гуще.

И вдруг перед ребятами, почти не ожидавшими этого, возникла деревушка Перт с ее единственной улицей, которая словно бы соединяла Францию и Испанию.

— Так скоро! — воскликнул «малыш». — Ну, знаете ли! От Пиренеев больше ничего не осталось. Не помню, кто это сказал... но это истинная правда.

Он уже собирался нажать на педали, однако его придержала чья-то рука.

— Полиция!

Ребята слезли с мопедов. Подобные формальности были им не в диковинку — они уже проходили пограничный контроль, когда совершали путешествие в Англию и в Могабию. Но все-таки переход из одной страны в другую — событие волнующее. Ничего запретного они не везли и с чистой совестью предъявили документы — метрику, разрешение от родителей, страховку на мопеды, справку о прививках собаки. Тиду,

сапожник и бишпекс уже двинулись дальше, где их ждали таможенники, которые с интересом разглядывали сидящего в коляске Кафи. Однако Гий почему-то задерживался.

— Что там происходит? — удивился Тиду. — Неужели возникли проблемы?

Они вернулись назад. Обескураженный Гий выворачивал карманы и копался в бумажнике. Увидев друзей, понурился.

— Никак не найду разрешение от родителей!

— А ты уверен, что взял его? — спросил Тиду. — У тебя же ветер в голове! Ты вполне мог оставить его в доме.

— Да нет, сегодня утром оно лежало в бумажнике, вместе с другими документами.

В надежде отыскать драгоценную бумажку, он положил мопед на дорогу и стал выворачивать свой рюкзак. Это было тщетно — разрешение испарилось. Тогда Гий вернулся к полицейскому и умоляюще произнес:

— Клянусь, оно у меня было! Мои товарищи могут мне это подтвердить. Они все его видели.

— Это правда, — сказал Тиду. — Мы все проверили перед тем как выехать из Лиона.

Надеясь уговорить полицейского, он пустился в объяснения.

— Мы собирались недельки три отдохнуть в Сан-Мигеле, это совсем недалеко отсюда. Поймите, нас четверо...

— Невозможно! — оборвал его офицер.

— В Сан-Мигеле он сразу же напишет родителям, и они пришлют новое разрешение. Мы вам обещаем...

— Невозможно! — повторил полицейский. — Да и панские пограничники в Хунквера его не пропустят.

— Как же нам быть? — спросил Сапожник. — Не можем же мы бросить нашего товарища?

— Постарайтесь найти разрешение... или ждите, пока ваш друг получит новое.

К пограничному посту уже подъезжали две машины, и полицейский добавил:

— Здесь стоять нельзя. Освободите дорогу.

ЭХ, НЕ ВЕЗЕТ!

Назревала катастрофа. Всегда спокойный Тиду готов был рвать и метать.

— Слушай, Гий, куда ты мог засунуть эту бумагу? Ты везде искал? Не могла же она улететь из твоего бумажника!

— Я... я ничего не понимаю, — бормотал Гий, в двадцатый раз выворачивая карманы и дрожащими руками копаясь в документах.

Поскольку полицейский велел не мешать движению, они сложили мопеды на обочине, и Гий вновь вытряхнул рюкзак. Для очистки совести остальные сделали то же самое. Поиски никаких результатов не принесли.

Несчастный Гий плаксиво повторял:

— Все это из-за меня! Вечно я попадаю в какой-нибудь переплет! Слушайте, не надо меня ждать, поезжайте одни!

— Ну уж нет! — отрезал Тиду. — Об этом не может быть и речи. Если тебя не пропустят через границу, мы тоже останемся во Франции. Ты позвонишь родителям из первого же кафе. Завтра они сходят в комиссариат и заверят бумагу, которую ты получишь, возможно, уже через день. Нужно только назвать им адрес кафе.

— Ничего не выйдет, — уныло промолвил Гий. — Мои родители сегодня утром уехали в горы, и я не знаю, где они остановятся. У отца отпуск еще не кончился.

Положительно в этой поездке компании не везло! Правда, бесстрашный и изобретательный Сапожник предложил выход.

— Это проще простого! Давайте перейдем границу тайком, по горной тропе... не здесь, конечно, а подальше. В конце концов, что тут плохого? Мы же не какие-то контрабандисты!

— Нет, — возразил Тиду, — это слишком рискованно. Мы не знаем этих мест. И все тропы, конечно, охраняются.

— Ну, хоть взглянем на карту!

Они склонились над захваченной из дома картой. Некоторые горные тропы, ведущие через границу, были отмечены, но можно ли там проехать на мопедах и с коляской для Кафи?

— В любом случае, — сказал Тиду, — мы не должны пускаться в такую авантюру ночью. На пост заступят другие полицейские... возможно, нам удастся как-то с ними поладить.

— Отличная мысль, — одобрительно кивнул Бифштекс. — Но что нам делать сейчас?

— Мы не можем ночевать здесь. Когда мы поднимались, я заметил небольшую рощицу возле каменного мосточка. Там наверняка и ручей должен быть.

Сложив вещи, они сели на мопеды и медленно показывали вниз, высматривая рощу. Примерно километра через три Тиду, возглавлявший отряд, притормозил.

— Вот она!

Ребята спешили. Под каменным мостиком действительно журчал ручей, а справа виднелся сосновый лесок. Туда вела тропинка, по которой пришлось идти пешком, поскольку проехать было невозможно. В двухстах метрах от дороги они обнаружили полянку, идеально подходившую для ночлега.

— Лучшего места не найти, — сказал Тиду. — Вода совсем близко. Остановимся здесь.

Включив фонарик, они быстро натянули палатку.

— Все это из-за меня! — повторял безутешный Гий.

Пытаясь загладить свою вину, он старался больше всех, но практической жилки у него никогда не было, а сейчас он так нервничал, что постоянно спотыкался о колышки и мешал работать другим. Кончилось все это тем, что он зацепился за веревку и растянулся во весь рост на земле, усеянной сосновыми иголками.

Друзья улеглись спать только около одиннадцати. Кафи, как всегда, занял место под боком у Тиду. Пес чувствовал, что происходит нечто необычное. Его хозяин вспылил, что случалось крайне редко. Неужели дела так плохи? И овчарка, подняв умную морду, словно бы спрашивала: «Что произошло? Почему ты так расстроился?»

Но вот Бифштекс глубоко вздохнул и первым погрузился в сон. Потом задремали и Сапожник с Тиду — жара и пережитое волнение все-таки сморили их. Лишь бедняга Гий никак не мог заснуть. Он ворочался в своем спальном мешке, пытаясь вспомнить, куда же он сунул злополучную бумагу. Наконец мысли стали путаться у него в голове, и вскоре тишину палатки нарушало лишь дыхание спящих: размеренное и ровное у четверых мальчишек, быстрое и частое — у Кафи, которому было очень жарко в своей густой шкуре.

Тиду снилось, как он, следуя плану Сапожника, тайно переходит границу и пытается удрать от пустившихся в погоню таможенников. Вдруг кто-то крепко ухватил его за рукав. Толком не проснувшись, он решил, что это в самом деле таможенник — надо было вырваться во что бы то ни стало! Однако таможенник держал его мертвой хваткой, и он рывком сел в своем спальном мешке. Оказалось, что за руку тянул пес.

— Слушай, Кафи, дай мне поспать!

Он снова лег, но овчарка не унималась, упорно теребя хозяина и тихонько рыча.

— Что с тобой? Почуял белку? Оставь ее в покое, ложись и спи.

В ответ Кафи зарычал чуть громче. Тиду пришлось встать и выйти с ним из палатки. Пес наострил уши, а затем повернулся к мальчику — как будто спрашивал: «Неужели ты ничего не слышишь?»

Не дожидаясь разрешения, Кафи устремился в лес. Нрава он был не злобного и никогда не бросался на людей по собственной воле — только по команде, чтобы защитить своих хозяев. Однако Тиду на всякий случай позвал его.

— Ко мне, Кафи! Ко мне!

Через несколько секунд пес вернулся к палатке — но не один. За ним следовали две почти не различимые во мраке тени. Вскинув фонарик, Тиду увидел таможенников в форме.

— Не пытайтесь ослепить нас! — резко крикнул один из них. — Что вы здесь делаете с собакой?

Тиду опустил фонарик, а таможенники включили свой. Увидев перед собой мальчика лет четырнадцати-пятнадцати, они повторили свой вопрос:

— Ты что здесь делаешь ночью? Контрабандой ба-луешься?

Тиду показал им палатку и сложенные рядышком мопеды.

— Нас четверо. Мы тут заночевали, потому что сегодня вечером нам не удалось пересечь границу.

— Что, документов нет?

— Документы в порядке, вот только один из нас потерял разрешение от родителей, и его не захотели пропустить.

Судя по всему, ответ не слишком удовлетворил таможенников. Заметив их враждебность, Кафи с рычаньем обнажил клыки. Из палатки вылезли остальные члены компании, разбуженные громкими голосами.

— Что случилось? — спросил Сапожник, протирая глаза.

Кажется, спросонья он не вполне понимал, где находится, потому что воскликнул:

— Неужели мы оказались на границе?

— Нет, — сухо ответил один из таможенников. —

Но это запретная зона.

— Что еще за зона?

— Мы не обязаны давать вам объяснение. Предъявите документы!

Это было сказано очень властным тоном, и друзья повиновались — каждый показал свою метрику.

— Мы из Лиона, — сообщил Тиду, — из квартала Круа-Русс. Учимся в одном лице... У нас каникулы, и мы...

— Достаточно! Снимайте палатку, и чтобы духу вашего здесь не было!

— Послушайте, — запротестовал Бифштекс, — почему нам нельзя здесь ночевать? Мы ничего плохого не делаем.

— Это запретная зона... Радуйтесь, что так дешево отделались.

Друзья поняли, что настаивать бесполезно. Под внимательным взглядом таможенников они неохотно свернули палатку и двинулись к автостраде, ведя мопеды за руль. Сапожник был вне себя от ярости.

— Запретная зона! — бурчал он. — Запретная зона! Что это означает? Мы во Франции или нет? И зачем документы потребовали? Это дело пограничников, а не таможенников! Зато в рюкзаки даже не заглянули...

И он добавил злобно:

— Что, до Перпиньяна будем тащиться? К черту всех таможенников с их запретными зонами! Давайте останемся в ближайшей рощице, и пусть они только попробуют нас прогнать!

Тиду также негодовало. И был вполне согласен с Сапожником: нужно разбить палатку в любом удобном месте, чтобы хоть немного поспать. Уж больно неудачная выдалась ночь!

Сев на мопеды, они проехали около километра, когда у дороги показался другой сосновый лесок.

— Пожалуй, можно лечь прямо в спальных мешках... Ночь теплая, так что не будем тратить время на палатку.

Через несколько минут они уже лежали рядом. Было около часа, но спать никому не хотелось.

— Запретная зона! — продолжал брюзжать Сапожник. — На швейцарской границе есть свободная зона... не знаю, для чего она, но кемпингов там до черта... Вам не кажется, что эти таможенники какие-то странные?

— В любом случае, не слишком симпатичные, — отозвался Тиду. — Кафи редко ошибается. У него шерсть на загривке вздыбилась, а это о чем-то говорит!

— Гм! — пробормотал Бифштекс. — Таможенники похожи на жандармов и полицейских... работа у них такая — всех подозревать!

И только Гий лежал молчком, а про себя думал: «И все это из-за меня! Ничего такого не случилось бы, если бы я не потерял эту проклятую бумажку. Из-за меня ребятам не везет... кто знает, что еще будет?»

Друзья еще раз обсудили план тайного перехода границы, но пыла у них поубавилось. Каждый спрашивал себя: что же все-таки делать утром.

— Вот что я вам скажу, — заявил Бифштекс, — дела у нас не ладятся потому, что Мадн нет с нами. Стриженный правильно сделал, что остался с ней. Она приносит нам удачу.

После этого замечания разговор совсем увял. Жара спала, подул прохладный ветерок. Ребята умолкли, плотно завернувшись в спальные мешки. Теперь в ночной тишине раздавался лишь рокот моторов — впрочем, машин на дороге становилось все меньше и меньше.

«Мы расположились слишком близко от автострады, — подумал Тиду. — Только задремлешь, тут же какой-нибудь автомобиль... А ведь нам надо выспаться!»

Он поглубже залез в спальный мешок, стараясь не прислушиваться к посторонним звукам, но едва начал проваливаться в сон, как поблизости резко завизжали шины, а потом послышался лязг и грохот.

— Слышали? — вскрикнул Тиду, подскочив на мес-

те. — Похоже, какую-то машину занесло на повороте, и она свалилась в кювет!

Сапожник, Бифштекс и Гий мгновенно вылезли из мешков.

— Наверное, авария серьезная, надо посмотреть. Видно, не судьба нам поспать этой ночью...

ДВА ВЫСТРЕЛА В НОЧИ

Выйдя на дорогу, ребята сначала ничего не увидели и не услышали. Но у Кафи был тонкий нюх. Пес пересек дорогу и вскоре исчез в высоких зарослях кукурузы.

Друзья с фонариками в руках устремились за ним и вскоре обнаружили лежавшую на боку машину — одно колесо у нее все еще крутилось. Внутри барахтался водитель, тщетно пытаясь выбраться. Тиду попробовал открыть переднюю дверцу, но ее заклинило. Тогда он спросил у незнакомца:

— Вы ранены?

— Я... я не знаю. Кажется, нет.

Подоспевшие Сапожник и Гий помогли Тиду взломать дверцу. Затем они осторожно вытащили водителя. Это был совсем молодой парень — на вид лет двадцати, не больше. Его тонкое лицо окаймляла небольшая черная борода. Едва встав на ноги, он стал ощупывать себя, желая убедиться, что ничего не сломано.

— Чудом уцелел! — пробормотал он.

Действительно, чудом. Ведь машина едва не врезалась в громадный платан, а потом несколько раз перевернулась, пока не остановилась в кукурузном поле, метрах в тридцати от дороги.

— Зачем же вы так гнали? — спросил Тиду. — Я слышал, как завизжали шины на повороте. Уверен, что скорость превышала сто километров в час...

— Я... я как-то этого не заметил, — пробормотал парень, которому было явно не по себе. — Я... я спешил.

И, бросив удрученный взгляд на машину, он добавил:

— Вдребезги! Двигатель, правда, не пострадал... я сам заглушил мотор. Но капот полетел к чертям!

Он провел рукой по лбу и вдруг весь передернулся, услышав проезжавший по дороге автомобиль.

— Не надо было мне... — прошептал он.

— Что? — с любопытством спросил Сапожник.

Казалось, этот невинный вопрос привел парня в замешательство.

— Не надо было идти на такой скорости перед поворотом. Но я должен быть в Виллербанне в восемь утра, чтобы не опоздать на работу.

— В Виллербанне? Да это же лионское предместье! Мы тоже из Лиона, из квартала Круа-Русс.

Незнакомец ничего не ответил, как-то странно поглядывая в сторону дороги и словно бы дожидаясь следующей машины. Возможно, он собирался ехать авто-стопом.

— Наверное, можно оставить здесь мою «симку». Она никому не мешает. Ее даже не видно. Я... я вернусь за ней позже.

Он задумался, нахмутив брови, а потом нерешительно спросил:

— Вы... вы не можете мне снять номера?

— А зачем?

— Если машину обнаружат, моим родителям могут сообщить, что я попал в аварию.

— Но они все равно об этом узнают, если вы вернетесь без нее.

— Это совсем другое дело. Я им все объясню.

Друзья переглянулись. Почему незнакомец не желает, чтобы его машину опознали? Быть может, он контрабандист? Провозит запрещенные товары? Такая возможность не исключалась. Совсем недавно в газетах писали, что полиции удалось перекрыть Марсельский порт и преступникам пришлось искать другие пути для контрабанды — в частности, через границу с Испанией.

Тиду совсем не хотелось стать сообщником в таком деле, и он уже собирался задать несколько вопросов подозрительному парню, но тут Кафи зарычал и прижал уши, хотя с дороги вроде не доносилось ни звука.

— Наверное, таможенники, — сказал Гий. — Услышали шум и пришли проверять. Кафи узнал их.

— Таможенники? — переспросил молодой человек.

Метнув взгляд на свою машину, он нерешительно потоптался и вдруг пустился наутек через поля. Оправившись от изумления, Тиду хотел было послать за ним вдогонку Кафи, но раздумал: в конце концов, не его это дело — ловить контрабандистов. А пес между тем внимательно вглядывался в другой конец поля. Друзья не знали, как поступить — может, лучше удрать отсюда? Но ведь они ничего плохого не сделали — наоборот, пришли на помощь человеку, попавшему в аварию. Через несколько секунд из темноты выступили две фигуры — действительно это были уже знакомые им таможенники. Те явно заколебались, но все же подошли к ребятам.

— Опять вы? — злобно осведомился один из них.

— Мы слишком устали, чтобы двигаться дальше, — ответил Сапожник, — поэтому остановились здесь. А когда услышали грохот, прибежали сюда.

— Авария?

— Машину занесло на повороте, и она перевернулась.

— Что-нибудь серьезное? Водитель ранен?

— Там только водитель и был. Он не ранен, мы помогли ему выбраться.

Таможенники стали озираться, вероятно, ища неподвижно лежащее тело.

— И где же он?

— Удрал! А машину бросил. Сегодня утром ему надо быть в Виллербанне... это недалеко от Лиона.

— Он ранен?

— Ни единой царапины.

Таможенники дружно вздохнули. Затем в голосах у них снова появился металл.

— Ладно, ступайте отсюда. И чтобы мы вас больше не видели. Еще раз попадетесь, добра не ждите. Где ваши мопеды?

— У обочины.

— Забирайте их и проваливайте, иначе вас потащат в полицию... как свидетелей.

Под пристальным взглядом таможенников, укрывшихся в тени платана, друзья поплелись к своим мопедам: нужно было уезжать — уже второй раз за ночь! Однако Тиду, которого очень заинтересовало странное поведение таможенников и незнакомого парня, не собиравшийся искать другое место для палатки. Он догадывался, что водитель «симки» убежал недалеко и постарается вернуться к своей машине, чтобы забрать контрабандный товар... если, конечно, в дело не вмешаются таможенники. После двух поворотов он нажал на тормоза и слез с мопеда.

— Дальше не поедem. Было бы любопытно взглянуть, что там происходит. Давайте подберемcя тайком.

— Не надо, — жалобно сказал Гий. — Из-за меня вы

и так пережили массу неприятностей... как бы хуже не было! Таможенники совершенно правы. Впрочем, мы толком не знаем, как случилась авария, поэтому наши свидетельские показания никому не нужны.

— Все же останемся здесь, — не сдавался Тиду.

Неподалеку от шоссе спускался небольшой овраг, заросший кустарником. Расчистив место, ребята в очередной раз развернули спальные мешки.

Три часа ночи... Небо было все так же усеяно звездами, но месяц скрылся за отрогами гор. Духота спала, стало гораздо прохладнее, и сну уже ничего не мешало. Бифштекс и Гий сомкнули глаза, едва лишь залезли в свои спальные мешки, Сапожник, хоть и пытался бороться с дремотой, тоже не устоял. Один лишь Тиду бодрствовал — ему не давали заснуть тревожные мысли. В бегстве парня не было ничего удивительного, но как объяснить действия таможенников? Почему они притворялись, будто ничего не знают про аварию, хотя не могли не слышать грохота перевернувшейся машины? И почему они не стали обыскивать автомобиль, а проявили интерес только к водителю?

— Непонятно, — размышлял мальчик. — Такое впечатление, что они ждали этой аварии... и прятались где-то поблизости, чтобы первыми подоспеть на место.

Он полежал еще немного и, убедившись, что остальные крепко спят, бесшумно вылез из мешка и наклонился к собаке.

— За мной, Кафи!

Не выходя на дорогу, он двинулся по обочине через кусты и вскоре отыскал рожицу, где отряд останавливался во второй раз. Оттуда он стал осторожно подбираться к автостраде, приказав Кафи слушать. Умный пес застыл, наострив уши, а затем мотнул головой, словно говоря: «Ничего подозрительного, Тиду!»

Луна скрылась, и мрак сгустился. Тиду рискнул перейти на другую сторону, и собака тут же напряглась. Тиду припал к высохшей траве, стараясь определить, что именно встревожило пса. Вскоре мальчик разглядел лежавшую на кукурузном поле машину — до нее было примерно пятьдесят метров. Рядом сновала какая-то тень.

«Парень с бородкой! Я так и знал. Он спрятался поблизости и выждал, пока таможенники уберутся».

Но тут слева возник еще один силуэт. Этот человек ходил по полю согнувшись, как будто искал что-то на земле.

«Нет, я ошибся, это таможенники... Или дорожная полиция? Но почему они не включают фонарики?»

Напряженно всматриваясь в темноту, он старался разглядеть, в какую форму одеты эти люди. Трудно было сказать наверняка, но ему показалось, что это скорее штатские — ведь кепи таможенника ни с чем спутать нельзя.

«Значит, парень привел с собой сообщника? Но где же тот был до сих пор?»

Тиду с возрастающим любопытством ждал, что произойдет дальше. Незнакомцы между тем не проявляли никакого интереса к машине. Оба что-то искали на земле, двигаясь по следам, оставленным «симкой».

Несколько раз вспыхивал фонарик, тщательно прикрытый ладонью. Совершенно ясно, что это не жандармы и не таможенники, которым таиться нечего.

«Я должен это выяснить, — решил Тиду. — Если один из них парень с бородкой, я его сразу узнаю».

Мальчик стал спускаться в выбоину, оставленную машиной, но поскользнулся и ухватился за пук сухой травы. В ладонь ему вонзилась колючка. От неожиданности он вскрикнул, а когда опомнился, услышал топот ног.

Тиду не успел выдернуть колючку, чтобы ухватить поводок, и овчарка ринулась в погоню, как и подобает хорошо натасканному псу. Кафи был уверен, что убегают только преступники, которых необходимо схватить любой ценой.

— Назад, Кафи! Ко мне!

Слишком поздно. В темноте раздалось два выстрела, а вслед за ними — жалобный визг. У Тиду кровь застыла в жилах.

«Они застрелили мою собаку!»

КАФИ!

Бедный пес был ранен... и очень серьезно, иначе прибежал бы на зов хозяина. Тиду, похолодев, ринулся через поле, спотыкаясь на каждом шагу.

— Кафи! Кафи!

Уже четверть часа он кружил вокруг этого злополучного места, окликая овчарку. Сердце у него неистово билось.

— Кафи! Голос, Кафи!

В отчаянии он уже хотел бежать за товарищами, чтобы искать вчетвером, но тут справа от него послышались слабые стоны.

— Кафи! Ты здесь?

Да, это были еле слышные хрипы, но Тиду этого хватило. Внезапно он наткнулся на своего пса, лежавшего на земле. Мальчик встал на колени и ласково окликнул собаку, пока еще не смея прикоснуться. Наконец, он решился ощупать Кафи и ощутил пальцами горячую струйку.

— Кровь! Он ранен в живот!

Во время экспедиций компании псу не раз достава-

лось — бывало, страдали уши и лапы, но это все было не страшно. На сей раз дело обстояло куда хуже. Тиду мысленно уже прощался со своей собакой! Сначала он хотел было бежать за товарищами, но ведь Кафи мог в любую минуту умереть. Бросить любимца в тот момент, когда ему грозит смерть? Нет, ни за что на свете!

Застыв на коленях возле неподвижного тела, Тиду со слезами на глазах шептал:

— Кафи! Милый Кафи! Я с тобой... Ты меня слышишь?

Никакого ответа. Бедный пес потерял слишком много крови. Надо было как-то остановить кровотечение... Остаться здесь не имело смысла. Тиду вскочил на ноги и бросился назад, к автостраде. Примчавшись к временной стоянке, он крикнул:

— Вставайте! Скорее вставайте! Кафи ранен. Он... он...

Голос у него пресекался, и он не смог выговорить ужасное слово «умирает».

— Он получил пулю в живот... может быть, две. Бежим к нему!

Тиду привез Кафи в Лион из Прованса, но все ребята считали пса своим и дружно занимались его дрессировкой, в результате чего Кафи стал настоящей розыскной собакой. В сущности, он был седьмым членом компании... ведь прославленное содружество трех мушкетеров тоже состояло из четверых.

Мгновенно освободившись от спальных мешков, Бифштекс, Гий и Сапожник устремились за Тиду. Сначала им показалось, что собака мертва. Когда Сапожник включил фонарик, Кафи даже не пошевелился. Но он еще дышал... правда, очень слабо.

— Давайте осторожно поднимем его и уложим в коляску, — сказал Сапожник.

Пес был тяжелым — больше тридцати килограммов. Пока его несли, он ни разу не застонал и не открыл глаза — очень дурной знак! Тиду тщательно ощупал рану, пытаясь определить, где застряла пуля, однако ничего не обнаружил.

— Надо отвезти его к ветеринару, но Перпиньян слишком далеко. Боюсь, в коляске не довезем.

— Положим его на краю дороги и попробуем остановить машину, — предложил Гий.

Ребята так и сделали. В этот ранний час движение на автостраде почти замерло. Им пришлось ждать десять минут, прежде чем показался первый автомобиль. Все четверо стали махать руками, однако машина прошла мимо. В ней была женщина и куча детей.

— Плохо дело, — покачал головой Бифштекс. — Вряд ли кто-то согласится взять раненую собаку. Побоятся запачкать сиденье.

— Все же попытаемся, — отозвался Тиду.

Прошло еще пять долгих минут. Наконец вдали вновь засверкали фары. На сей раз Тиду отбросил все колебания: он был готов рискнуть жизнью ради своего дорогого Кафи и встал посреди дороги, подняв скрепленные руки.

Машина непременно должна была остановиться. Однако водитель вдруг резко свернул направо и поехал через поле. Неужели он испугался, увидев Тиду? Но почему?

— Какой-то странный здесь народ, — проворчал Гий.

Друзья с любопытством смотрели, как медленно ползет через поле автомобиль. Судя по всему, дорога была ухабистой: огоньки задних фар то поднимались, то опускались. Вдруг они погасли, и машина исчезла во мраке. Затем свет вспыхнул вновь — на сей раз в четырехугольнике окна.

— Все ясно! — воскликнул Сапожник. — Это кто-то из местных... он живет здесь!

— Точно, я вижу дом! — подхватил Бифштекс. — Попросим этих людей помочь нам...

Они повезли коляску с раненым псом через поле. Им казалось, что это совсем рядом, однако лишь через пятьсот метров показалась небольшая ферма с двухэтажным летним домиком. Во дворе стояла старая и довольно облезлая машина. Ребята нерешительно потоптались перед дверью.

— Плевать, — решительно произнес Тиду. — Речь идет о жизни или смерти Кафи.

Он постучал три раза, с замирающим сердцем ожидая ответа. Сначала все было тихо, а затем чей-то голос спросил:

— Кто там?

— Простите, что беспокоим вас посреди ночи. Нам нужна помощь. Наша собака ранена...

Дверь заскрипела на петлях, и друзья невольно пятились, увидев перед собой таможенника в форменной одежде. На какое-то мгновение им показалось, что это один из тех людей, которые дважды заставляли их менять место ночлега. Впрочем, они тут же убедились в своей ошибке: у этого человека было доброе круглое лицо и седоватые усы, а лет ему было пятьдесят пять или шестьдесят.

— Ранена собака? — удивленно переспросил он. — Что случилось? Ее сбил автомобиль?

— Нет, пуля в животе... или даже две!

При слове «пуля» таможенник нахмурился.

— Кто же в нее стрелял? Какой-нибудь охотник? Ночью охотиться запрещено... Где она?

Тиду махнул рукой в сторону коляски. Таможенник склонился над Кафи.

— Бедный пес! Досталось ему... Внесите его в дом. Осмотрим рану при свете.

Ребята потащили Кафи прямо в коляске.

— Видите, — сказал Тиду, — вот здесь, сбоку. Он потерял много крови. Так ослаб, что даже не стонет.

— Пуля, говорите? — спросил таможенник. — А вы уверены? Я не могу ее нащупать. Вы слышали выстрелы?

— Два, один за другим, — объяснил Тиду. — Я вернулся на место аварии. Двое человек кружили вокруг перевернувшейся машины. Услышав меня, они удрали и подстрелили Кафи, который бросился за ними в погоню... Его нужно срочно показать ветеринару, но до Перпиньяна далеко. Бедный пес не выдержит, если мы повезем в коляске.

— Зачем вам ехать в Перпиньян? Сера гораздо ближе.

— Сера? А где это?

— Вы нездешние?

— Мы из Лиона. Хотели провести каникулы в Испании. Но вчера вечером нас не пропустили через границу, потому что одного документа не хватало.

— До Сера восемь километров. Я знаком с хорошим ветеринаром. Он лечил моих собак в те времена, когда я еще занимался охотой... Правда, в пять утра он вряд ли встанет с постели.

Подумав немного, таможенник добавил:

— Знаете, мне лучше поехать с вами. Какая удача, что вы обратились ко мне именно сейчас! Я вернулся с дежурства на Пертском перевале и собирался лечь спать. Отвезу вас на своей машине — собаку будет меньше трясти... сейчас и поедem, только мне надо жену предупредить.

Звать жену не пришлось. Едва он сделал шаг к лестнице, ведущей на второй этаж, как она появилась на лестничной площадке — в домашнем халате и с бигуди в волосах. Взгляд у нее был встревоженный.

— Что там такое, Раймон?

— Эти ребята принесли раненого пса! Я отвезу их в Сера, к ветеринару.

А друзьям таможенник шепнул:

— О пуле ни слова! Моя жена перепугается насмерть! Она всего боится.

Действительно, сойдя вниз и увидев пятна крови на рыжеватой шерсти Кафи, женщина вскрикнула:

— Боже мой! Как же это случилось?

— Мы потом тебе объясним, — сказал таможенник. — А пока принеси старое клетчатое одеяло.

Через пять минут раненого пса поместили между Тиду и Сапожником на заднем сиденье машины, под-

ложив свернутое вчетверо одеяло. Гий с Бифштеком расположились рядом с таможенником.

— Вам повезло, — сказал тот, — дорогу в Сере недавно ремонтировали, она гладкая, как бильярдный стол. Даст Бог, пес выдержит.

Автомобиль медленно двинулся к автостраде по скверной каменистой дороге. Всего пятьсот метров, но никогда еще путь не казался Тиду таким бесконечным. Склонившись над Кафи, он вслушивался в дыхание собаки, заглушаемое рокотом мотора. Ни единого сто-на! В машине все молчали. У Тиду сжалось сердце.

«Только бы ветеринар согласился встать! — подумал он. — А вдруг его нет дома? Может, он в отпуске?»

Дорога на Сере была в самом деле превосходной. И вскоре таможенник объявил:

— Приехали!

Крохотный городок департамента Восточные Пиренеи еще спал. На улицах не было ни души. Остановив машину на площади, таможенник показал ребятам на домик белого цвета.

— Это здесь.

Лампочка при входе освещала табличку с надписью: «Доктор Пальмароль, ветеринарные услуги». Таможенник позвонил. Никто не отозвался. Он нажал на звонок второй раз, затем третий...

— Его нет дома, — сказал Сапожник. — Или он не хочет выходить.

Но тут распахнулось окно на втором этаже, и показалась женская голова.

— В чем дело?

— Доктор Пальмароль дома?

— А что вам нужно?

— Простите, что беспокоим вас в столь ранний час, но это очень срочно. У нас тяжело раненная собака.

— Доктор еще спит. Приходите в восемь.

— Скажите доктору, что его просит Раймон Нуло, таможенник из Морейя.

Женщина — видимо, прислуга — пробурчала что-то нечленораздельное и с раздражением захлопнула окно. Друзья в отчаянии посмотрели друг на друга, а потом Тиду бросил взгляд на машину, где осталась лежать овчарка.

— Не раньше восьми, — прошептал он. — Боюсь, мой бедный Кафи не доживет!

Но тут за ставнями другого окна вспыхнул свет. Через несколько секунд осветилась приемная на первом этаже. Дверь открылась, и на пороге возник мужчина в пижаме.

— Что случилось? — спросил он таможенника. — Я думал, у вас уже нет собаки?

— Так и есть. Мальчики пришли ко мне со своим псом... Его подстрелили недалеко от моего дома.

— Подстрелили? Охотники? Значит, это дробь...

— Нет, пуля, — уточнил Тиду. — Реvolverная пуля.

— Сейчас посмотрим!

Таможенник открыл дверцу машины, и доктор осмотрел Кафи, подсвечивая себе фонариком.

— Да, — сказал он, — похоже на пулю...

— Это опасно? — спросил Тиду.

— Пока не могу сказать, но вы правильно сделали, что сразу же привезли собаку ко мне. Нужна операция. Правда, ручаться ни за что нельзя...

И он приказал ребятам:

— Несите его в операционную! А я пока надену халат и вымою руки.

ФУТЛЯР ДЛЯ ОЧКОВ

В маленькой белой комнате, которая служила ветеринару приемной, стены были увешаны гравюрами, изображавшими животных. Здесь были кошки и собаки всех пород, а на одной красовался могучий бык в разгар корриды.

Усевшись рядышком, друзья уныло молчали. Несколько минут назад они внесли Кафи в операционную, и зрелище это их крайне расстроило: невыносимо было смотреть на бедного пса, привязанного к столу ремнями!

— Не тревожьтесь, — сказал добрый таможенник. — Доктору Пальмаролю можно доверять. Вы же сами видели, он встал с постели, несмотря на ранний час. В округе его хорошо знают. К нему приезжают даже из Перпиньяна... Слушайте, вам пора рассказать мне, как все это произошло.

— В двух словах не объяснишь, — ответил Гий. — Со вчерашнего вечера у нас сплошные неприятности. Начать с того, что нас не пропустили через границу, потому что я потерял разрешение от родителей. Тогда мы спустились вниз по дороге, чтобы отыскать место для ночлега и подумать, как нам быть дальше. Только мы установили палатку в трех или четырех километрах от границы, как явились таможенники и потребовали, чтобы мы уходили оттуда.

— Таможенники? Это еще почему?

— Кажется, мы оказались в запретной зоне?

Таможенник — вернее, бригадир таможенников, ибо у него были отличительные знаки — нахмурил брови.

— Никакой запретной зоны возле границы нет. Во время войны был охраняемый участок, поскольку из Испании привозили оружие... но это все в прошлом! Вы уверены, что разговаривали с таможенниками?

— Они были в такой же форме, как вы.

Бригадир почесал подбородок.

— Значит, это были наши коллеги из «летучки». Они решили просто припугнуть вас, чтобы вы отошли подальше от границы. Сейчас в газетах постоянно толкуют о контрабанде через Пиренеи. Вполне возможно, что главное управление таможенной охраны предоставило этим агентам особые полномочия... Не пойму только, почему же они вас не обыскали?

— Таможенники из «летучки»?

— Из «летучей бригады».

— А вы их знаете?

— Только тех, кто работает вместе со мной, на Пертском перевале... А как все это связано с выстрелами?

— Сейчас объясню, — заговорил молчавший до сих пор Тиду. — Поскольку нас заставили снять палатку, мы перебрались в другое место, примерно на пятьсот метров ниже. Мы расположились недалеко от дороги. Вскоре там произошла авария. Водитель не справился с поворотом, и его машина сошла в кювет, несколько раз перевернулась и остановилась в кукурузном поле.

— Были раненые?

— Нет. За рулем сидел молодой парень. Он не мог выбраться из машины, и мы ему помогли. Он был в шоке, но без единой царапины. На вид ему было лет восемнадцать или двадцать... небольшая черная борода. Он сказал, что живет в Виллербанне, предместье Лиона... Это похоже на правду. Номер его машины заканчивается на «69».

— Так это он...

— Минутку! Когда парень немного пришел в себя, он попросил, чтобы мы помогли ему снять номера. Нам это показалось подозрительным. Он явно не хотел, что-

бы его автомобиль опознали... значит, совесть у него была не чиста.

— И тогда он...

— Нет. Появились таможенники... те самые, что прогнали нас из рощи. Увидев их, парень так перепугался, что бросился бежать через поле.

— Стало быть, чувствовал себя виновным... А что сделали таможенники из «летучки»?

— Их поведение нас крайне удивило. Во-первых, они притворились, будто авария для них — полная неожиданность. Но я уверен, что они слышали визг тормозов и грохот. Никаких других машин поблизости не было. Во-вторых, они не обратили внимания на автомобиль... даже не заглянули в салон и багажник! И спросили только, ранен ли водитель. Именно так и сказали — водитель, словно заранее знали, что больше там никого нет. И были очень довольны, когда мы сказали, что он не ранен, а просто убежал.

— Возможно, они сознавали свою ответственность за то, что произошло. Скорее всего, этот парень прибавил газу, когда заметил их. Авария случилась не по их вине, но это всегда неприятно.

Объяснение выглядело правдоподобным, но ребят оно не вполне удовлетворило.

— А почему они не стали обыскивать машину? — спросил Сапожник. — И зачем посоветовал нам поскорее убираться... иначе, мол, у нас будут неприятности с полицией, потому что мы свидетели. Какие могут быть неприятности в подобном случае?

Бригадир покачал головой, а затем снова обратился к Тиду:

— Ладно, а что с выстрелами?

— Я к этому подхожу. Было три часа ночи. Мы снова залезли в спальные мешки, но тут мне пришло в го-

лову, что надо бы осмотреть место аварии еще раз. Молодой парень ничего не успел взять, и я решил, что он обязательно вернется к своему автомобилю. Мы с Кафи подобрались поближе, и я увидел какую-то тень возле машины.

— Это был он?

— Я не сумел его разглядеть в темноте... К тому же, рядом возникла вторая тень.

— Сообщник?

— Где же он прятался до аварии?

Бригадир задумался.

— Полагаю, все объясняется очень просто. В машине было двое. Одному удалось вылезти и убежать до вашего появления.

— Но дверцу заклинило!

— Возможно, это произошло, когда он захлопнул ее... или же его выбросило силой удара прежде, чем машина встала.

Тут задумался Тиду.

— Эта мысль мне в голову не приходила. Впрочем, думаю, что в таком случае он должен был бы помочь своему напарнику... Как бы то ни было, этих двоих машина совершенно не интересовала — они изучали следы колес. Знаете, в какой-то момент мне показалось, будто это все те же таможенники... только переодетые в штатское.

Бригадир вытаращил глаза и буквально задохнулся от негодования.

— Да ты что! Таможенники имеют право производить досмотр только в форменной одежде... и револьверов у них нет. Конечно же, это стрелял...

Он не успел договорить. Дверь отворилась, и в приемную вошел доктор в забрызганном кровью белом халате. Тиду, побледнев, вскочил со стула.

— Что с Кафи?

— Рана серьезная, но не такая опасная, как я думал сначала. Разрыв мышечных тканей...

— В результате выстрела? — быстро спросил таможенник. — Вы нашли пулю?

— Да, вот она. Револьвер калибра 6,35.

Тиду судорожно сжал в кулаке маленький кусочек металла и лишь затем поднял глаза на ветеринара.

— Мой пес поправится? Можно его увидеть? А забрать с собой?

— Полегче, торопыга! Я надеюсь его спасти, но он потерял очень много крови. Сейчас он отходит после анестезии... и будет лучше, если он на несколько дней останется у меня.

Посмотрев на Тиду, ветеринар добавил:

— Я понимаю, вам это не слишком улыбается, ребята. Судя по выговору, вы нездешние. Проездом здесь?

— Да, проездом, — сказал Тиду, — но это не важно. Мы задержимся до тех пор, когда можно будет его увезти. Мы ни за что не бросим Кафи!

Он горячо пожал протянутую руку доктора.

— Не знаю, как вас благодарить! Если бы не вы...

Ветеринар улыбнулся.

— Пока рано благодарить, опасность еще не миновала. Разрешаю вам навещать собаку в любое время.

Друзья вышли на улицу вместе с таможенником.

— Что вы собираетесь делать? — спросил тот.

— Поставим палатку в каком-нибудь удобном месте недалеко отсюда.

— А почему бы не перед моим домом? Места там достаточно, и колодец есть. Это, знаете ли, очень важно, ведь тут с водой плохо... Жена будет вам рада, ей скучно после отъезда наших троих детей. Только не говорите, что в собаку стреляли, иначе она вообразит

Бог вещь что! Скажите, что пес разодрал бок о колючки.

— Хорошо.

— Ну, тогда едем в Морейя.

Они снова уселись в машину. Было восемь часов утра, и солнце уже сияло на безоблачно-синем небе.

— Подумать только, эти бандиты едва не убили нашего Кафи! — воскликнул Сапожник, сжав кулаки. — Эх, если бы мы могли их выследить!

— Мы это обязательно сделаем, — решительно произнес Тиду. — Это наш долг. — Он повернулся к таможеннику: — Вы не хотите взглянуть на место аварии? Может быть, нам удастся что-то найти.

— Я сам хотел это предложить. Дело меня заинтересовало.

Через четверть часа бригадир остановил свой старенький автомобиль около двух платанов. Тиду хорошо запомнил эту приметку. Но, едва бросив взгляд на кукурузное поле, мальчик вскрикнул от изумления.

— Машина исчезла!

Действительно, «симки» нигде не было видно — вероятно, ее увезли на грузовике, оставившем глубокие вмятины от своих шин. Кто же позаботился о том, чтобы забрать автомобиль? Парень с черной бородкой? Или его сообщник? А может быть, полиция?

— Только не полиция, — сказал таможенник. — Машина стояла в поле и движению не мешала. Скорее всего, это сделали контрабандисты.

На всякий случай они внимательно осмотрели все вокруг в надежде обнаружить какие-нибудь улики, но ничего не нашли. Внезапно Сапожник, ползавший на коленях, понюхал землю и объявил:

— Не чувствуете? Пахнет спиртным!

Затем он повернулся к таможеннику.

— Алкоголь входит в число контрабандных товаров?

— В Испании дешевое вино. Туристы обычно берут с собой несколько бутылок. Как правило, мы закрываем на это глаза... если, конечно, речь не идет о крупной партии.

— А если это крупная партия?

— Такое случается очень редко. Это не слишком выгодное дело. Ваш парень с бородкой, вероятно, провозил спиртное, но вряд ли он замешан в чем-нибудь серьезном.

Озадаченные ребята прекратили поиски, и лишь Тиду не желал отступать. И его упорство было вознаграждено: в рытвине, проделанной «симкой», он обнаружил коричневый футляр для очков, который почти сливался по цвету с пожухлой травой.

— Идите сюда! — крикнул он товарищам и таможеннику.

Когда все подошли, он открыл футляр — внутри не было ничего, кроме замшевой салфетки для протирки стекол. На ней было написано: «Оптика. Перпиньян».

— Парень с бородкой был без очков, — сказал Бифштекс. — Значит, это не его футляр.

— Не факт, — возразил Гий. — Может, он надевает очки только за чтением.

— Зачем лионцу покупать очки в Перпиньяне? И он их не терял, ведь мы сами вытащили его из машины.

— А что я вам говорил? — сказал таможенник. — Весьма вероятно, что в машине находилось двое человек. Водителя зажало между сиденьем и рулем, а пассажира выбросило через дверцу... в этот момент у него из кармана выпал футляр. Кстати, они могли искать около машины именно очки.

АЛЛО! МАДИ!..

Узнав, что ребята собираются разбить лагерь возле дома, мадам Нуло, супруга бригадира, пришла в восторг.

— Вы нам совершенно не мешаете, — заявила она, — напротив, мы будем очень рады. Деревня от нас далеко, и, честно говоря, я чувствую себя здесь довольно одиноко. Когда дети жили с нами, все было иначе. А теперь мне становится не по себе, если муж задерживается на службе.

Потом она заговорила о Кафи:

— Боже мой, разодрал бок о колючки! Кто бы мог подумать? С виду самые обыкновенные кусты, а сколько от них бед!

Пока ребята ставили палатку под смоковницей, рядом с колодцем, она не отходила от них и не закрывала рта. Во всем остальном это была славная, хотя и несколько нервная женщина — такая же симпатичная, как ее куда более спокойный супруг.

— Если вам что-то понадобится, те стесняйтесь... я охотно одолжу вам любую вещь, и Раймон тоже во всем поможет.

Она называла мужа Раймоном, как если бы ребята принадлежали к членам семьи — это совсем не удивляло провансальца Тиду, но для его товарищей такая южная, чтобы не сказать, каталонская, фамильярность была в диковину.

В десять утра друзья уединились в палатке, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Теперь уже не было и речи о поездке в Испанию... даже если бы Гий отыскал недостающую бумажку, а Кафи каким-то чудом полностью исцелился от раны. Сейчас на повестке дня был один вопрос — найти преступников, подстреливших собаку.

— Как мы сглупили! — воскликнул Сапожник. — Зачем надо было ехать в Сере вчетвером? Разумеется, Тиду должен был оставаться с Кафи, однако двое или трое из нас могли бы сесть в засаду возле машины... Ну, прогнали бы нас таможенники еще раз, что с того?

— Не стоит горевать о том, что уже сделано, — сказал Бифштекс. — Сейчас надо заняться пропавшей машиной. Куда она подевалась?

— Мне кажется, — нерешительно заметил Гий, — она где-то недалеко, и если мы обойдем ремонтные мастерские в Перпиньяне...

— Не факт, что она здесь. Ее здорово помяло, но двигатель уцелел — сам парень это говорил. Он сказал, что пришлось заглушить мотор. Возможно, грузовик просто вытащил ее на дорогу.

— Все-таки попробуем поискать в Перпиньяне, — сказал Тиду. — Вдруг нам повезет?

Бифштекс неожиданно вспомнил, что они ничего не ели со вчерашнего дня и почти совсем не спали.

— Давайте передохнем пару часов. Сейчас я быстренько что-нибудь приготовлю. Время еще есть.

Тиду сделал гримасу. Несмотря на голод и усталость, он был настроен выступать немедленно. Но Бифштекс был прав — следовало хоть немного перекусить. Подошедший бригадир одобрительно взглянул на шеф-повара компании, проворно накрывавшего на стол, а затем обратился к Тиду:

— Мне пришла в голову одна мысль... Возможно, никакой контрабанды и не было, а парень испугался потому, что ехал на украденной машине. Автомобили сейчас угоняют сплошь и рядом!

— Украденная машина? Как же он сумел пересечь границу? Пограничники должны были проверить водительские права!

— Их он тоже мог украсть.

Тиду сдвинул брови.

— Тогда зачем ему понадобилось снимать номера? Если он угнал эту машину, то ничем не рисковал. Полиция нашла бы настоящего владельца, а не вора.

Бригадир несколько раз кивнул.

— Это верно.

— К тому же у него несомненный лионский выговор.

— Ну, это ничего не доказывает. Он мог «позаимствовать» машину в Лионе, а потом отправиться на ней в Испанию.

Они еще долго обсуждали эту загадочную историю, пользуясь тем, что мадам Нуло была занята приготовлением обеда. Дело было такое путаное и противоречивое, что разобраться в нем никак не удавалось. Ясно было только одно — для начала надо найти «симку».

— Конечно, можно было бы обзвонить ремонтные мастерские в Перпиньяне, — сказал бригадир, — но их слишком много. Жена удивится и начнет задавать вопросы.

— Ой! У вас есть телефон? — с удивлением воскликнул Гий.

— Мы его поставили, когда младшая дочка вышла замуж и уехала. Жене так спокойнее... особенно, когда у меня ночное дежурство.

Бригадир ушел в дом обедать. Друзья тоже уселись за свою трапезу. Покончив с едой, они оставили посуду немытой, чтобы не терять времени, и вскочили на мопеды.

Уже через час показалась столица французской Каталонии. Ребята узнали, где находится мастерская фирмы «Симка», однако там не оказалось ни одной разбитой машины, и никто не вызывал мастеров на дорогу,

ведущую к Пертскому перевалу. Жара стояла невыносимая, и друзья хотели уже отказаться от дальнейших поисков, но тут Тиду пришла в голову еще одна идея.

— Если парень добирался до Перпиньяна автостопом, он должен был сойти на окраине города, у первой же мастерской — ведь он сам сказал, что очень спешит. Давайте вернемся назад. Обещаю вам: если ничего не найдем, больше искать не будем.

Предположение Тиду подтвердилось. На южной окраине города, где расходятся дороги на Перт и Пор-Вандр, друзья обнаружили ремонтную мастерскую, которую прежде проглядели. Хозяин охотно удовлетворил их любопытство.

— Действительно, сегодня на рассвете я посылал грузовик за «симкой» небесно-голубого цвета. Она попала в аварию на дороге, ведущей к Пертскому перевалу, недалеко от деревни Морейя.

— Машина все еще здесь?

— У нее был сильно помят кузов и крылья, но двигатель не пострадал. Мы ее привели в божеский вид и отдали владельцу. Он укатил на ней сегодня утром. Это ваш знакомый?

— Он из Лиона, как и мы.

— Точно, водительские права были выданы в департаменте Рона.

— Нам хотелось бы поговорить с ним.

— Это будет непросто сделать. Сейчас он уже далеко.

— А адреса своего он не оставил?

Хозяин мастерской расхохотался.

— Меня не интересуют паспортные данные клиентов, лишь бы они платили по счету! Мне показалось, что парень выложил за ремонт свои последние деньги, но это меня не касается.

— Он был один?

— Да... и очень подавлен случившимся.

Поблагодарив хозяина, ребята вышли на улицу.

— Опять не повезло! Что за неудачная экспедиция! — сердито бросил Сапожник. — Все не слава Богу!

— Вовсе нет, — отозвался Тиду. — Если он утром выехал в Лион, то уже к вечеру будет там. Мы знаем номер машины.

— Зато адреса у нас нет.

— Двоюродный брат Мади работает в префектуре. Через него можно узнать адрес... по номеру машины.

— Если только она не краденая!

— Все-таки это дает нам какой-то шанс.

— Верно! — воскликнул Гий. — Надо написать Мади.

Усевшись на террасе кафе, они попросили принести бумаги и чернил. Тиду начал было строчить послание, но вдруг остановился.

— Письмо, отправленное сегодня, придет только послезавтра. Надо ковать железо пока горячо. У родителей Мади телефона нет, но он есть у мадам Браве, их соседки по лестничной площадке.

В кафе не оказалось телефонного справочника департамента Рона. Ребятам пришлось отправляться на центральный почтамт.

— Наверное, разговор с Лионом из Перпиньяна обойдется недешево, — сказал Тиду Бифштексу, который заведовал общей кассой в отсутствие Мади. — Но ты не волнуйся, я буду краток!

Едва телефонистка объявила Лион, все четверо гурьбой устремились к кабине.

— Алло! Мадам Браве? Простите за беспокойство, но вы не можете позвать Мади Тавернье? Да, да. Мади... это ее друг Тиду. Спасибо! Конечно, я подожду...

— Только бы Мади была дома! — ворчливо произнес Бифштекс. — Иначе это выброшенные на ветер деньги...

В трубке длилось молчание. Затем друзья услышали, как хлопнула дверь, и запыхавшийся голос произнес:

— Алло, Тиду! Это ты? Откуда ты звонишь? С вами что-то случилось?

— Всекие неприятности на границе... Кафи тяжело ранен. Мы хотим найти человека, который его подстрелил, и ты можешь нам помочь. Это молодой парень с черной бородкой, лет восемнадцати-двадцати. Он живет либо в Лионе, либо в Виллербанне... Должен приехать сегодня вечером. Запиши номер его машины: «симка» небесно-голубого цвета, 349 МТ 69. Повторяю: 349 МТ 69... Я вспомнил, что твой кузен работает в префектуре. Ты вполне успеешь позвонить ему до закрытия конторы. Да, придется наведаться по адресу, который он тебе даст... Только одна не ходи! Кто знает, что у этого парня на уме? Пусть Стриженный тебя сопровождает. Мы на вас очень рассчитываем!

Постарайтесь все разузнать об этом парне, соседей поспрашивайте... в общем, сделайте все возможное и оповестите нас как можно скорее. Пишите по адресу: департамент Восточные Пиренеи, Морейя, господину Нуло, таможеннику. У него есть телефон, но звонить туда нельзя. Его жена ничего не знает, мы скрыли от нее, что Кафи ранен. Да, конечно, сегодня же мы pošлем самое подробное письмо... Пока!

Тиду повесил трубку. Теперь друзьям надо было отправляться в Сере, к ветеринару, — всем не терпелось узнать, как чувствует себя Кафи. Однако Тиду все же предложил:

— Давайте зайдем в «Оптику». Я покажу футляр для очков, может быть, хозяин его узнает...

Они выяснили, что магазин находится возле почты. За прилавком стояла женщина в очках — словно живая реклама своего товара. Изучив футляр, она заявила:

— Да, он из моего магазина, но покупателя я не запомнила... Одно могу сказать: футляр был приобретен довольно давно, потому что мы уже несколько месяцев подобных не заказывали. Отнесите его в бюро находок... может быть, владелец обратится туда.

Ребята на многое и не надеялись, но такой сокрушительной неудачи не ожидали.

— Слыхали? — хмуро осведомился сапожник. — Очки и футляр были приобретены несколько месяцев назад. Значит, они не могут принадлежать нашему лионскому парню... Разве что он потерял или разбил свои очки по дороге в Испанию. В этом случае он мог купить их в Перпиньяне... но сомневаюсь, чтобы он торчал за границей столько времени!

— Кто знает? Подождем ответа Мади.

— Мади ничего нам не скажет, — проворчал Сапожник. — Голову даю на отсечение, эту голубую «симку» украли, поэтому найдут только ее настоящего владельца.

НЕОЖИДАННЫЙ ПРИЕЗД

Уже темнело, когда друзья вернулись в дом таможенника. Они сделали крюк в Серре, чтобы навестить Кафи. Пес очнулся после наркоза, но был так слаб, что почти не среагировал на появление хозяина. Ветеринар считал это совершенно нормальным после столь тяжелой операции и уверял, что собака быстро придет в себя. Тиду же был настроен менее оптимистично.

— Ну как? — спросил бригадир, проскользнув в палатку. — Удалось что-нибудь выяснить в Перпиньяне? Нашли машину?

— Ее отремонтировали, и парень сразу же уехал.

— Один?

— Хозяин мастерской говорит, что никого больше не видел. Сейчас наш приятель должен быть в Лионе.

— А вы уверены, что он отправился именно туда? Знаете, я все больше склоняюсь к мысли, что машина краденая... Было бы рискованно вернуться за ней, да еще в таком помятом виде.

— Нет, — убежденно возразил Тиду, — я почти не сомневаюсь, что машина принадлежит этому парню. По двум причинам: во-первых, ему не нужно было бы снимать номера, а во-вторых, он не стал бы тратить последние деньги на ремонт. Хозяин мастерской так и сказал: парень отдал все, что у него было. Угонщик скорее всего присмотрел бы себе другой автомобиль...

— Согласен, — кивнул таможенник, — но ведь он мог везти какие-нибудь тяжелые и громоздкие вещи, которые так просто не перетащишь. Хозяин осмотрел его багажник?

— Про это он ничего не говорил... Как бы то ни было, скоро все окончательно прояснится. Мы дозвонились из Перпиньяна до Мади, нашей подруги, которая осталась в Лионе.

— Вы дали ей мой номер? Если бы я мог подоспеть к телефону первым... но моя жена всегда бросается к аппарату, едва слышит звонок. Она трясется за детей: ей постоянно мерещится, будто они попали в аварию или тяжело заболели.

— Не беспокойтесь, Мади не будет звонить сюда. Она напишет нам, мы дали ей ваш адрес.

Сумерки быстро сгущались, несмотря на безоблач-

ное небо. Бифштекс поспешно принялся готовить ужин — провизию ребята закупили в Перпиньяне. Мадам Нуло ни на шаг не отходила от палатки и трещала без умолку. Ее явно удивляло то, как ловко мальчишки управляют по хозяйству.

— Неужели вам не страшно ночевать в палатке? — спросила она. — Знаете, когда муж на дежурстве, я закрываю все ставни. К счастью, через два года Раймон выйдет на пенсию, и тогда мы поселимся в пригороде Перпиньяна, где уже купили маленький домик. Там у нас будут соседи, а с ними все-таки куда спокойнее!

Перебив посуду колодезной водой, друзья с наслаждением угнездились в спальных мешках — шутка ли, пережить столько волнений после бессонной ночи! Едва закрыв глаза, Сапожник испустил такой могучий вздох, что палатка едва не обвалилась. Он заснул мгновенно, и Гий с Бифштексом тут же последовали его примеру. Только Тиду продолжал ворочаться, думая о Кафи. Он то и дело машинально протягивал руку в поисках теплого мехового тела своего друга и нащупывал лишь пустоту. Эти подонки ему дорого заплатят! Конечно, его пса уже подстрелили, но можно будет оградить хотя бы других собак... Наконец, глаза у Тиду стали слипаться, и вскоре он тоже провалился в сон.

Когда на следующий день Сапожник потянул его за рукав, шел уже двенадцатый час. Солнце высоко стояло в небе, сияющем какой-то невероятной голубизной — казалось, здесь облаков просто не бывает в природе.

— Подъем, Тиду!

Несмотря на столь поздний час, все зевали и жаловались на дурной сон.

— С добрым утром! — услышали они голос мадам Нуло, явно поджидавшей их пробуждения. — Молод-

цы, здорово отоспались! И правильно, у вас же каникулы! Знаете, я тоже спала сегодня, как сурок, хотя муж был на дежурстве. Это благодаря вам. Постарайтесь не слишком шуметь, Раймон недавно лег. Бедный мой старичок, ночные дежурства ему уже в тягость! Ах, если бы его повысили в чине, он мог бы перейти в управление и спокойно досидеть там до пенсии!

Это был настоящий словесный поток. Женщина не умолкала ни на минуту, совершенно не замечая, что ребята, поглощенные своими мыслями, почти не слушают ее.

Наконец она ушла в дом, и Бифштекс тут же спросил:

— Как вы думаете, когда можно ожидать ответа от Мади?

— Конечно, не сегодня, — ответил Гий. — Быть может, завтра... но вряд ли она что-то выяснит. Я согласен с бригадиром — эту машину угнали. Следовательно, имя и адрес владельца не имеют никакого значения.

— Тогда что же? — вскинулся нетерпеливый Сапожник. — Вы знаете, я не люблю впутывать полицию в наши дела... однако сейчас...

— Нет, — поспешно возразил Гий. — Дождемся сначала ответа Мади. И в любом случае не будем ничего предпринимать, не посоветовавшись с таможенником.

— Мы зря ломаем голову, — вмешался Бифштекс. — Давайте лучше займемся завтраком.

Несмотря на плохой сон, аппетит у всех разыгрался зверский. Ребята с жадностью накупились на салат из помидоров — таких огромных и сочных, какие бывают только в Руссийоне. На десерт у них был местный виноград — золотистый и необыкновенно сладкий. Они собирались мыть посуду, когда появился

бригадир — он проспал до полудня и только что встал из-за стола. Ребята тут же стали советоваться с ним, стоит ли обращаться с заявлением в полицию. Он тоже полагал, что лучше дождаться ответа от Мади. В конечном счете фактов было совсем немного. Да, произошла авария — но без человеческих жертв. Контрабандный товар? Это всего лишь подозрения. А из-за раненой овчарки жандармерия дела заводить не станет.

— Так что же? — вновь спросил Сапожник. — Не вернуться ли нам на кукурузное поле? Порыскаем там еще, быть может, что-то и найдем.

— Пожалуй, — согласился бригадир, — только пождем, пока уйдет моя жена. Она собиралась навеситить свою подругу в деревне. Если мы выйдем вместе, расспросов не оберешься.

Дождавшись ухода мадам Нуло, ребята вместе с таможенником двинулись по тропинке, ведущей через поле. В этом году кукуруза созрела поздно, и только сейчас поднялась в человеческий рост. Они шли гуськом осторожно, чтобы не повредить стебли. До места аварии оставалось метров пятьдесят, когда шагавший впереди Бифштекс резко остановился.

— Вы слышите? Там кто-то есть!

— Точно, — воскликнул Гий, поднявшись на цыпочки. — И он уже удирает со всех ног! Видите, как шевелятся стебли?

Кто же опередил их? Ах, если бы с ними был Кафи!

Друзья переглянулись. Все подумали о парне с черной бородкой. Бесстрашный Сапожник хотел ринуться в погоню, но таможенник удержал его.

— Нет, это рискованно!

Впятером они принялись исследовать место аварии, а особенно тщательно — рытвины, оставленные маши-

ной. В сущности, надеяться было не на что, ведь они уже сто раз здесь все облазили. Одно очевидно: неизвестные люди также не нашли того, что искали, иначе не вернулись бы сюда снова.

Целых два часа рыскали ребята с мистером Нуло вдоль дороги, осмотрели все рытвины и канавы, заглянули даже в те места, где стебли кукурузы не были помяты машиной, но не обнаружили ровным счетом ничего. Неужели этот предмет был таким крохотным? Все-таки вряд ли незнакомцы с таким упорством искали футляр для очков.

Закончив бесполезные поиски, компания направилась к дому таможенника по каменистой дорожке, и тут Бифштекс опять услышал шум — на сей раз за спиной. Он повернулся и вскрикнул от изумления.

— Ну и ну! Да ведь это же...

Тиду, Гий и Сапожник, в свою очередь, вытаращили глаза.

— Стриженный! Мади!

Все четверо ринулись навстречу своим друзьям. Каким образом удалось Стриженому и Мади добраться всего за полдня, тогда как им понадобилось для этого двое суток? И выглядели оба чрезвычайно свежими.

— Простите, что без предупреждения, — поспешно проговорила Мади, — но мы очень волновались за вас и Кафи. В общем, сегодня утром мы сели на семичасовой поезд, а мопеды сдали в багаж. Из Перпиньяна добрались уже своим ходом.

Затем они повернулись к таможеннику:

— А вы, конечно, господин Нуло? Простите, что побеспокоили вас.

Тиду был так потрясен, что забыл представить своих друзей — впрочем, эту оплошность исправить было легко.

— Мад, наша подруга, — сказал он бригадиру. — Это ей мы вчера звонили. А вот Стриженный. Простите его за то, что он не снял кепку. После перенесенной в детстве болезни у него волосы не растут, вот почему мы дали ему такое прозвище.

Таможенник дружелюбно протянул руку вновь прибывшим, а затем кивнул в сторону дома.

— Пойдемте ко мне, мы можем все спокойно обсудить, пока жены нет. Я в курсе ваших дел.

Они прошли на кухню. Таможенник достал стаканы и бутылку виноградного сока.

— Ну, говорите! — нетерпеливо начал Тиду. — Удалось вам разыскать парня с черной бородкой?

— Да, — с торжеством произнесла Мад. — После нашего вчерашнего разговора я тут же позвонила двоюродному брату, и через пять минут он сообщил мне имя владельца машины — это некий Жан Фожье, который живет в Виллербанне, в тупике Ормо... Купил подержанную машину в июне этого года. Было всего шесть часов, и я побежала к Стриженному. Мы отправились в Виллербанн и нашли тупик Ормо... это рядом с каналом Жонаж. Прежде чем постучаться в дом номер пятнадцать, мы, естественно, расспросили соседей. Нам сказали, что Жан Фожье живет вместе с родителями и совсем недавно вернулся из отпуска.

— А еще мы узнали, — добавил Стриженный, — что он работает на заводе, ему двадцать лет, и он носит черную бородку.

— Сомнений нет, — сказал Тиду, — это тот самый парень. Значит, он приехал в Лион на машине. Вы с ним поговорили?

— Нам не хотелось идти к нему домой, — ответила Мад. — После того что ты рассказал мне по телефону, Тиду, я немного побаивалась. К счастью, через не-

сколько минут он сам вышел на улицу. Мы решили не терять времени и...

— И задали ему вопрос в лоб, — подхватил Стриженный, — чтобы посмотреть, как он будет реагировать! Конечно, это было рискованно, но все прошло как нельзя лучше. Я напрямик спросил, что с ним произошло недалеко от границы с Испанией. Он смутился, а потом пробормотал: «Откуда вы это знаете? И кто вы такие?» Тут мы спросили его, зачем он пытался убить овчарку наших друзей. Парень вытаращил глаза. «Я? Пытался убить овчарку?» Вряд ли это была игра — он действительно ничего не понимал. Да и вообще... не похож он на бандита. Я плохо его себе представляю с револьвером в руке. Конечно, внешность бывает обманчива. Он снова спросил, как мы его разыскали. Когда

Мади сказала, что раздобыла его имя и адрес в префектуре, он вздрогнул. «В префектуре? — повторил он. — Это что же, полиция?» — «Нет, не полиция, а дорожное управление». Парню явно не хотелось разговаривать на улице, и он пригласил нас в кафе. Когда мы сели за стол, он сказал: «Слушайте, с чего бы я стал убивать собаку тех самых ребят, которые вытащили меня из машины? К тому же это огромная овчарка, с ней голыми руками не справиться». — «В нее выстрелили из револьвера». При слове «револьвер» парень просто подскочил от негодования. «И они решили, что это сделал я? Вот что, если вы обещаете держать язык за зубами, я объясню вам, как было дело». Он сказал нам, что работает на маленьком заводе в Виллербанне. Ему двадцать лет, он с детства мечтал о собственном автомобиле и вот в июне присмотрел «симку» — подержанную, но в приличном состоянии. Впервые в жизни он поехал за границу на своей машине.

— Один?

— Не знаю. А что, это важно?

— Очень важно! Дальше!

— Так вот, когда он ехал из Испании, в нескольких километрах от границы на дороге внезапно появились двое таможенников. Он испугался, потому что вез дюжину бутылок вина для своих товарищей по цеху. Контрольный пункт в Перте миновал благополучно, а тут просто голову потерял. Вместо того чтобы остановиться, нажал на акселератор и погнал вперед на бешеной скорости. Он едва не вылетел в кювет на одном из поворотов, но сумел удержать машину, зато следующий поворот оказался для него полной неожиданностью, и он пришел в себя уже на кукурузном поле. Ему показалось, что таможенники успели записать номер машины, вот почему он попросил вас снять его, но тут яви-

лись таможенники, и он удрал, оставив вас объясняться с ними. Все так и было, как он говорил?

— Да, все точно, — кивнул Тиду.

— Какое-то время он прятался в кукурузе, а потом рискнул вернуться на место аварии. Таможенники уже ушли, причем в багажник даже не заглянули... правда, дверцу заклинило. Тогда парень остановил первую попавшуюся машину и добрался до Перпиньяна. Было семь утра. Хозяин мастерской послал за «симкой» грузовик. К счастью, двигатель совершенно не пострадал, поэтому парень уже к вечеру был в Лионе. Родителям он ничего не рассказал, а машину запер в гараже. Мать стала бы переживать, а отец отругал бы его за то, что он вез эти несчастные бутылки. Выложив им все, он тревожно спросил: «А что, этим делом заинтересовалась полиция? Ваших друзей допрашивали? Конечно, я поступил, как глупый мальчишка. Надо было остановиться и поговорить с таможенниками. В конце концов, что я такого сделал? Подумаешь, несколько бутылок вина... ну, заплатил бы небольшой штраф, и все! Не понимаю, почему они не обыскали багажник? Теперь вообразят Бог весть что!» Тут уже он стал расспрашивать нас. Ему хотелось знать, каким образом мы вышли на его след и сумели так быстро раздобыть адрес. На прощанье он поклялся нам, что даже не думал убивать Кафи, да и револьвера у него нет.

— И вы ему поверили?

— Да, — сказала Мади, — хотя всех подробностей еще не знали. Интуиция меня редко подводит. Обычно я как-то чувствую людей. Парень совершенно не похож на бандита. Он производит впечатление человека застенчивого и даже робкого. Хоть в чем-нибудь он соврал?

— Да вроде нет, — признался Сапожник. — Он в

самом деле вез бутылки с вином... на месте аварии пахло алкоголем. Остается лишь один неясный пункт — был ли он один? Когда в Кафи стреляли, вокруг машины сновали двое людей.

— Возможно, это были таможенники?

— Нет, — покачал головой Тиду, — или же они переоделись в штатское. Я разглядел бы мундир и кепи.

— Это невозможно! — с нажимом произнес бригадир. — Я уже говорил вам, что таможенники имеют право производить досмотр только в форменной одежде.

Все недоуменно переглядывались. В рассказе парня не было ни одной недостоверной детали. Да, он слегка нарушил правила, но явно не был профессиональным контрабандистом. В Кафи стрелял не он и уж тем более не он рыскал только что в кукурузном поле. Но с машиной его была связана какая-то тайна.

Внезапно Тиду осенило, и он быстро повернулся к Мади.

— Слушай, если я правильно понял, парень едва не вылетел в кювет на предыдущем повороте?

— Да, он об этом упоминал.

— В таком случае загадочный предмет, который пытаются найти эти незнакомцы, вывалился из машины раньше... выше того места, где произошла авария! Вернемся на автостраду!

СТРАННАЯ НАХОДКА

Это было изумительно простое решение загадки. И бригадир таможенников, и члены компании с восхищением смотрели на Тиду.

— Потрясающая мысль! — вскричал Стриженный. — Там нужно все осмотреть.

— Да, да, — кивнул таможенник, — не мешкайте с этим. Но я с вами не смогу пойти... Жена вот-вот вернется. Я сообщу ей о приезде двух ваших товарищей и постараюсь как-нибудь это объяснить. Скажу, например, что вчера вы позвонили им из Перпиньяна, чтобы раздобыть недостающую бумагу, а они решили присоединиться к вам... Не забудьте, моя жена считает, что вы приехали сюда отдохнуть и посмотреть город!

Ребята вновь отправились к автостраде. Тиду показал Стриженому и Мадю кукурузное поле и то место, где перевернулась «симка». Затем они стали подниматься вверх по дороге, двигаясь по обочине, заросшей густым колючим кустарником. Не прошли они и двухсот шагов по направлению к Перту, как Сапожник остановился.

— Взгляните на эти поломанные и измятые кусты! Парень не соврал — его машину действительно занесло. «Симка» едва не перевернулась в этом месте.

— Да, парень чудом вырулил на шоссе, — добавил Бифштекс. — Его путешествие могло закончиться уже здесь. Смотрите, какая рытвина!

Эта рытвина оказалась не такой глубокой, как другая, но искать в кустах было несравненно труднее. Распределив участки, ребята принялись методично обследовать заросли. Внезапно Гий наступил на что-то железное. Наклонившись, он развел руками рыжую траву и увидел металлический прут длиной сантиметров в сорок.

— Идите сюда!

Прут был запаян с обоих концов и перехвачен спайкой посередине. Едва увидев его, Стриженный авторитетно заявил:

— Это брус от кузова машины. Отвалился при ударе. Ваши незнакомцы явно искали что-то другое.

— Странно! — сказал Тиду, внимательно осмотрев металлический стержень. — Не похоже, чтобы он отвалился... никаких следов разрыва... припой очень ровный и совсем свежий! А знаете, внутри эта штука полая...

— Сейчас проверим, — загорелся Сапожник.

Достав перочинный нож, он попытался вскрыть шов, идущий посредине, но ничего не добился. Каждый поддерживал странную железку в руках, но когда из-за поворота показалось несколько машин, спускавшихся с Пертского перевала, Тиду предложил вернуться в Морейя.

— Не нужно здесь оставаться, мы привлекаем к себе внимание. Сапожник, возьми стержень и хорошенько спрячь, иначе жена таможенника непременно заинтересуется нашей находкой. Мне эта штука кажется подозрительной... сначала надо вскрыть ее, а догадки будем строить потом.

Подобная осмотрительность оправдала себя. Мадам Нуло уже вернулась из деревни и поливала цветы. Тиду представил ей Стриженого и Мадю.

— Добро пожаловать, — сказала мадам Нуло, протягивая руку. — Муж мне все рассказал. Значит, вы тоже решили провести каникулы в Испании? А что с этой злополучной бумажкой? Вы ее привезли?

— Пока нет, — смутилась Мадю, — но нам ее вышлют по почте.

— Ах, какое же несчастье приключилось с вашей собачкой! Подумать только! Обыкновенная колючка!

При слове «колючка» Стриженный и Мадю быстро взглянули на своих друзей. Оба сразу смекнули, что не следует волновать славную женщину разговорами о выстрелах.

Узнав, что Стриженный облысел после болезни, ма-

дам Нуло заахала и заохала, а потом принялась рассказывать бесконечную историю о девочке, которой обварили голову так, что она навсегда лишилась волос. Ребята изнывали от нетерпения, однако добрая женщина продолжала трещать, не замечая даже, что вода из наклонившейся лейки стекает ей на ноги. Казалось, этот словесный поток не иссякнет никогда, но вот наконец жена таможенника все же ушла в дом, сообщив Мади, что приготовит для нее комнату дочери.

Наконец-то друзья смогли уединиться в палатке, чтобы получше рассмотреть загадочный стержень. Невзирая на протесты Мади, Сапожник вновь достал перочинный нож и объявил:

— Мы должны узнать, что там внутри.

Вторая попытка оказалась столь же безуспешной, как и первая. Утирая пот со лба, «малыш» буркнул:

— Здесь нужны кусачки и молоток...

— Как бы то ни было, этот стержень был приварен к машине недавно, — убежденно сказал Тиду. — «Симка» старая, а он как новенький! Ого, смотрите-ка!

Послунив палец, он протер пыль с металлической поверхности, и на ней выступили какие-то буквы.

— Бар... селона, — стал медленно читать Тиду. — *Ferrocarriles... españoles...*

— И что это означает? — спросил Сапожник.

— Кажется, это «испанская железная дорога», — возбужденно проговорил Тиду. — Стало быть, эта штука была запаяна в каком-то депо в Барселоне... Как же она оказалась на машине? А что, если в ней провозят контрабанду? Золото, бриллианты или наркотики... Автомобиль для таких дел подходит идеально! Все слышали про капот из золота, про героин в запасном колесе...

— Иначе говоря, — подхватил Сапожник, — лионский парень на голубой «симке» связан с контрабандис-

тами. Он все здорово придумал! Купил дюжину бутылок вина, чтобы отвлечь внимание от главного товара... Но где же он скрывал стержень? Скорее всего, под днищем машины. Ты угадал, Тиду! Он потерял стержень, когда его машину занесло в первый раз.

— И этот факт доказывает полную невиновность парня на голубой «снимке»! — воскликнула Мади.

— Почему же?

— Если именно он спрятал стержень, то не стал бы рассказывать нам, как его машину занесло в первый раз.

— Верно! — одобрительно сказал Стриженный. — Но как все это объяснить?

— Возможно, таможенник прав, и парень был в машине не один. Сам он ничего не знал, а вот те, кого он вез, были в курсе дела... поэтому и не стали открывать багажник, когда явились на место аварии!

— Минуточку! — перебил Гий. — Если они находились в машине, то вспомнили бы, как машина едва не свалилась в кювет... и обыскали бы там все раньше нас!

Друзья озадаченно умолкли.

— Знаете, — задумчиво произнес Сапожник, — меня больше всего интересует, как они ухитрились спрятать стержень. Что скажешь, Стриженный? Ведь ты у нас по этому делу мастак...

Стриженный покачал головой.

— Мне ничего в голову не приходит. Главное, я не могу понять, как эта штука держалась на машине... Никаких следов приварки.

Сапожник вдруг хлопнул себя по лбу.

— Подождите!

Он в третий раз вытащил перочинный нож, однако на сей раз не стал ковырять стержень, а приложил к нему лезвие. Удивительная вещь! Нож словно бы прирос к металлической поверхности.

— Магнит! Теперь все ясно! Этот стержень могли прикрепить к чему угодно... хоть к крыше, хоть к днищу!

— Потрясно! — воскликнул Стриженный, пожимая Сапожнику руку. — Что мы будем делать теперь? Заявим в полицию?

— Нет, только не сейчас, — быстро проговорила Мади. — Во-первых, мы еще не открыли этот полый стержень и не знаем, действительно ли там контрабанда... золотые монеты или что-нибудь похлеще. Во-вторых, я не хочу, чтобы у лионского парня были неприятности... особенно если он ни в чем не виноват.

— Что это ты его так пылко защищаешь? — с ухмылкой осведомился Бифштекс и подмигнул остальным. — Тебе так понравился этот красивый малый?

— Перестань скалиться! Я убеждена, что он не причастен к этому делу. Теперь представьте себе: мы являемся в полицию и говорим, что владельцем машины является Жан Фожье. Завтра же утром его арестуют по подозрению в контрабанде, а вечером во всех лионских газетах будет названо его имя... Конечно, потом последуют разъяснения и опровержения, но сделанного уже не вернешь.

— Ты права, — неохотно признал Бифштекс. — Только мне кажется, что этот парень вам не все рассказал. Многие детали его путешествия в Испанию остаются неясными.

— Именно поэтому надо прежде всего поговорить с ним самим.

— А почему бы не посоветоваться с бригадиром? — спросил Бифштекс. — Ведь эти дела по его части...

— Ни за что! — резко сказала Мади. — Это то же самое что предупредить жандармов. Господин Нуло сразу же доложит обо всем таможенному инспектору. И осуждать его нельзя — такая уж у него работа.

— Я согласен с Мади, — произнес Стриженный. — Он добросовестно исполняет свой долг, а мы и без того доставили ему много хлопот. Мало вам попавшей в аварию машины и раненого Кафи?

— Да, Мади права, — сказал Тиду. — я тоже считаю, что нам нужно поговорить с лионским парнем, а уж потом мы решим, что делать. Если он ни в чем не виноват, постараемся сами раскрыть эту тайну... хотя бы для того, чтобы отблагодарить бригадира Нуло, который нам так здорово помог.

— Ты думаешь, мы сумеем накрыть банду? — спросил Гий.

— Да, если проявим выдержку. Когда дело идет успешно, контрабандисты почти всегда используют одни и те же приемы. Уверен, что этот полый стержень — не первый и не последний из тех, что были провезены через Пертский перевал. И все вместе мы вполне способны выследить этих негодяев.

МАДИ УПОРСТВУЕТ

Мальчики проснулись рано и вновь стали обсуждать ситуацию, пока не появилась Мади, которая задержалась в доме из опасения потревожить мадам Нуло.

— Ну как, все согласны, что нам надо поговорить с парнем из Виллербанна? Сначала я думала написать ему, но ночью мне пришло в голову, что это способ ненадежный. Письмо могут вскрыть или потерять... и в какие руки оно тогда попадет? К тому же всегда возможна задержка с доставкой. А мы должны действовать быстро.

— Ты хочешь ему позвонить? Это еще более ненадежный способ. В Морейя нет автоматов. Телефонистка может услышать разговор.

— Я знаю. Вот почему нам нужно поехать в Перпиньян. Мы позвоним ему оттуда.

— Разве у него есть телефон?

— Не думаю. Но он сказал нам, что работает на заводе «Барнуен и Си». Мы позвоним ему прямо туда. Ну, поторапливайтесь! Я помогу вам приготовить завтрак, а потом садимся на мопеды! А причесаться можете по дороге!

Ребята никогда еще не видели Мади такой взвинченной. Она так жаждала доказать невиновность парня с бородкой, словно всю жизнь была с ним знакома. Бифштексу очень хотелось отпустить очередную шуточку на сей счет, однако он вовремя прикусил язык.

Она сумела так расшевелить компанию, что в полдевятого ребята уже катили по дороге на Перпиньян, а в четверть десятого остановились у почты. В телефонном справочнике департамента Рона они разыскали телефон завода «Барнуен». Несколько минут ожидания, и их пригласили в кабину. Трубку взяла Мади.

— Алло! Это завод «Барнуен»? Мне нужно поговорить с одним из ваших рабочих... его зовут Жан Фожье.

— Сожалею, но его нет на месте.

Мади нахмурилась и бросила взгляд на Тиду, который зашел в кабинку вместе со Стриженным.

— Нет на месте? А разве он не вышел на работу после отпуска?

— Рабочие завода «Барнуен» объявили забастовку... бессрочную забастовку с сегодняшнего утра. Вы никого здесь не найдете, так что больше не звоните.

Раздался щелчок: неизвестная собеседница — скорее всего, секретарша — с треском повесила трубку.

Трое друзей разочарованно переглянулись. Что же делать? Судя по всему, родители парня были скромно-

го достатка, но вдруг у них все-таки есть телефон? Тиду еще раз просмотрел справочник. Здесь были указаны номера шести Фожье из Виллербанна, но в тупике Ормо не проживал ни один из них.

— Эврика! — воскликнул Стриженный. — Парень пригласил нас в кафе рядом с тупиком Ормо. Там наверняка имеется телефон. Если парень часто туда заходит, хозяйка не откажется позвать его. С виду она очень приветливая.

Тиду в третий раз открыл справочник. Стриженный запомнил название кафе — и номер был указан! Мадн вновь заказала разговор, а потом закрылась в кабинке со Стриженным и Тиду.

— Алло! Это бар «На перекрестке»? Прошу прощения, мадам, мне необходимо поговорить с Жаном Фожье, он живет по соседству. Вы не могли бы его позвать? Большое спасибо, я подожду.

Прошло несколько минут, а потом в трубке послышался запыхавшийся голос:

— Алло! Говорит Жан Фожье... Кто меня спрашивает?

— Мы с вами уже говорили... о том, что случилось, когда вы возвращались из Испании.

Наступила короткая пауза. Затем Фожье спросил гораздо тише и с явной тревогой:

— Что-нибудь произошло?

— Мы сейчас в департаменте Восточные Пиренеи. Нас вызвали сюда друзья. Дело осложняется.

— Опять из-за овчарки?

— Нет, это куда более серьезно.

— Скажите мне, в чем дело!

— Мы убеждены, что вы к этому не причастны. И мы хотим помочь вам. Но нам нужны дополнительные сведения о вашем путешествии в Испанию.

— Что именно вас интересует?

— Ну... это трудно объяснить по телефону. Лучше было бы...

Мади смешалась. В сущности, спрашивать пока было не о чем, да и сам разговор по телефону терял всякий смысл — не могла же она сказать, что речь, скорее всего, идет о наркотиках!

— Лучше бы что? — настаивал парень.

И тут Стриженого осенило. Раз завод бастует, Жан Фожье вполне мог бы приехать. Взяв у Мади трубку, мальчик спросил напрямик:

— Вы сейчас свободны?

— Мы объявили забастовку... это продлится несколько дней, а может быть, и недель.

— Машину отремонтировали?

— Кое-что нужно доделать, но она на ходу.

— Может быть, вам лучше бы...

— Приехать? Все настолько серьезно?

— Очень серьезно, но по телефону это объяснить нельзя.

Наступила пауза — очевидно, парень обдумывал услышанное. Внезапно он решился:

— Хорошо, я еду. Только пообедаю и сразу сяду за руль. К вечеру доберусь. Где вас искать?

— В Морейя, рядом с тем местом, где ваша машина перевернулась. Спросите дом таможенника Нуло, в стороне от деревни.

— Как вы сказали? Таможенника?

— Не беспокойтесь, он вас не знает. Мы остановились у него. Ждем вас.

Стриженный повесил трубку, не желая отягощать бюджет компании слишком продолжительными переговорами. Выйдя из кабинки вместе с Тиду и Мади, он объявил:

— Ну, мы отловили этого парня. Обещал к вечеру приехать. Это доказывает, что больших грехов за ним не числится.

Ребятам казалось, что с приездом лионца все загадки разрешатся. Они отправились в Сере, поскольку Тиду не терпелось узнать, как чувствует себя Кафи. Накануне мадам Нуло звонила по его просьбе ветеринару. Самого врача не оказалось на месте, а ассистентка ответила, что состояние собаки удовлетворительное. Но что означала эта неопределенная формулировка?

Приехав в маленький тихий городок, Тиду с волнением остановился у входа в белый домик.

— Как мой пес? — спросил мальчик, едва ассистентка доктора открыла дверь. — Ему действительно лучше?

Впрочем, никаких заверений и не потребовалось. Девушка сказала с улыбкой:

— Слушайте!

И ребята услышали лай — правда, не такой басовитый и громкий, как обычно, но это был, несомненно, голос Кафи! Ассистентка открыла дверь, ведущую во дворик с пальмой посредине, и пес тут же заковылял к хозяину. Спина и живот овчарки были стянуты широкими бинтами, что делало ее похожей на парашютиста.

— Кафи! Мой дорогой Кафи!

Пес похудел и слегка облез, однако сомневаться не приходилось — всеобщий любимец выжил после тяжелого ранения.

— Ну, что я вам говорил? — воскликнул ветеринар, который появился во дворике, заслышав радостные восклицания ребят и восторженный лай своего пациента. — Он очень быстро поправляется! И со вчераш-

него дня требует вас. Я уж собирался звонить, чтобы вы его забрали.

— Неужели я могу его забрать? — спросил Тиду. — Значит, он уже здоров?

— Не совсем. Но аппетит к нему вернулся, и лечить его больше не нужно. Я сделаю ему повязку полегче, а вы следите, чтобы он ее не сорвал.

— Не беспокойтесь, доктор, я прикажу ему не чесаться, и он меня послушает.

— Через пять или шесть дней привезите его, чтобы я снял швы.

— Ему можно ходить?

— Конечно. Только пусть пока не бегает, даже если очень захочет.

Тиду воспринимал случившееся, как самое настоящее чудо. Это было настолько неожиданно, что ему и в голову не пришло прицепить к мопеду коляску.

— Не волнуйся, — сказал Стриженный, — сейчас я ее доставлю.

Через полчаса он вернулся, и Кафи самостоятельно залез в привычную коляску, где совершил столько увлекательных путешествий.

В полдень компания — на сей раз в полном составе — подкатила к дому таможенника.

— О, какой красивый пес! — восторженно всплеснула руками мадам Нуло. — Той ночью я его почти и не разглядела. Подумать только, едва не погиб от колючки! Может быть, вы просто вообразили Бог весть что, деточки? Я и сама прихожу в ужас от любого пустяка.

Вдруг на глаза у нее навернулись слезы.

— Ну вот, собака ваша поправилась, и теперь вы, конечно, отправитесь в Испанию! Ах, какая жалость! Мне будет вас очень не хватать. Как с вами было спокойно и хорошо!

Она вновь начала болтать, а таможенник, заинтригованный таинственным видом ребят, с нетерпением ждал, когда же супруга удалится на кухню.

Наконец все собрались в палатке, и бригадир Нуло сразу же спросил:

— Как обстоят дела? Жена сказала мне, что вы рано утром уехали в Перпиньян. Что вы там делали?

— Вчера вечером мы решили переговорить еще раз с парнем из Лиона.

— А зачем?

— Мы почти убеждены, что его машину использовали для провоза контрабанды. Мы дозвонились до него.

— Вы могли позвонить отсюда.

— Ну... мы хотели еще кое-что купить в городе.

— Вы его легко нашли?

— Без особого труда.

— Значит, вы ему сообщили, что он, возможно, замешан в подозрительном деле. И как он отреагировал на это?

— Встревожился. И решил приехать сюда.

— Каким образом?

— На машине. Обещал, что к вечеру будет.

Таможенник сдвинул брови.

— Боюсь, здесь вы дали маху, мои юные друзья. Если этот парень так или иначе связан с сомнительными людьми, то вы его спугнули. Он не приедет сюда и постарается как можно скорее скрыться из Лиона.

— Этого не может быть! — запротестовала Мади.

— Он обещал приехать, чтобы спокойно смыться из города. Вас обвели вокруг пальца.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ В ПАЛАТКЕ

Мади не находила себе места. Слова бригадира потрясли ее, девочка спрашивала себя: неужели молодой лионец входит в международную банду торговцев наркотиками. С другой стороны, она никак не могла поверить, что этот симпатичный и искренний на вид парень так нагло врал ей.

«Нет, это невозможно! — мысленно восклицала она. — Он не удерет, я уверена! Он непременно придет».

Никогда еще время не тянулось для нее так медленно. Огорченный ее терзаниями, Тиду быстренько произвел все необходимые расчеты и объявил, что Фожье придет только к ночи, поскольку в начале сентября все дороги забиты машинами. К тому же, небогатый лионец наверняка свернет с платной автострადы и сделает крюк.

Все эти доводы не слишком успокоили Мади. Она ждала с возрастающим нетерпением, однако в восемь вечера Фожье так и не приехал. Не появился он и позже, когда таможенник сел в машину, чтобы отправиться на ночное дежурство.

— Ну, теперь все ясно, — сказал на прощанье бригадир ребятам. — За десять часов вполне можно было проделать 450 километров, даже не особенно торопясь.

Не желая признавать свое поражение, Мади решила бодрствовать всю ночь, однако от этой идеи все же пришлось отказаться. Что подумает мадам Нуло? Вероятно, муж сообщил ей о возможном приезде еще одного лионца, но она все равно спросит, зачем нужно ждать его на дороге.

Итак, Мади легла спать в десять часов, как и нака-

нуне, а мальчики ушли в свою палатку. Но через час, когда мадам Нуло заснула, девочка тихонько выскользнула из дома и присоединилась к товарищам. Рассевшись на спальных мешках, компания стала держать совет. Кафи, устроившись рядом с хозяином, внимал жаркому спору.

— Мы уже прикидывали, что нам делать завтра, если парень не объявится, — сказал Сапожник. — Бифштекс считает, что нужно позвонить ему еще раз. А я думаю, что это пустая трата времени и денег. Мади, что же он все-таки обещал?

— Тиду и Стриженный слышали весь разговор. Они могут подтвердить, что парень сразу же принял решение и без колебаний объявил, что приедет. Я согласна с Бифштексом: мы должны еще позвонить ему.

— А почему он сам не позвонил, если что-то ему мешало выехать? Он же знает наш адрес...

— Зато не знает, что у таможенника есть телефон. К тому же говорить о таких вещах небезопасно... Вероятно, завтра мы получим письмо.

— Весьма сомнительно. Сказать-то можно что угодно, а письмо — это уже улика.

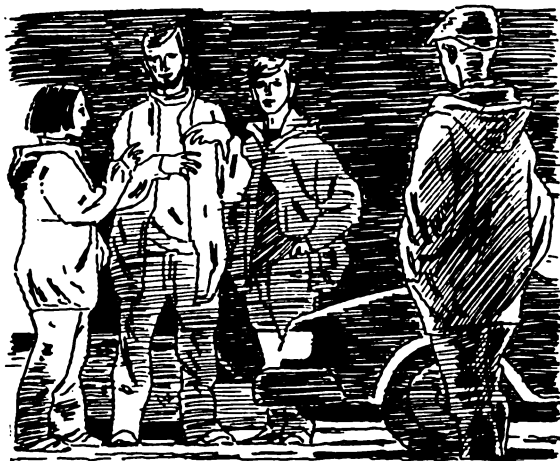
Наступила пауза. Мади чувствовала, что теряет почву под ногами и может рассчитывать лишь на поддержку Стриженного. Внезапно она вздрогнула. Вдали показались фары какой-то машины, и луч света скользнул по палатке.

— Это возвращается бригадир, — уверенно произнес Сапожник, — наверное, что-то забыл... или узнал какие-то новости на Пертском перевале.

— Надо все-таки посмотреть...

Мади вышла из палатки, за ней последовали мальчишки и даже Кафи не усидел на месте.

— Машина идет медленно, — сказала она, — такое

впечатление, что водитель не знает дороги. Нет, это не таможенник.

Рванувшись вперед, она сначала ничего не увидела, потому что ее ослепил свет фар. Но когда автомобиль подъехал ближе, она явственно разглядела светлый капот.

— Это он!

Машина остановилась, и подбежавшие ребята сразу узнали сидевшего за рулем парня с черной бородкой. Вид у него был усталый.

— Я знала, что вы не обманете! — воскликнула Мади. — Но почему вы так задержались?

— У меня спустило колесо на автостраде номер 7. А потом я угодил в пробку из-за аварии. Между Нарбоном и Перпиньяном столкнулись два грузовика.

— Поставьте машину подальше от дома и приходите сюда, но только постарайтесь не шуметь. Не хотелось бы разбудить жену таможенника. Мы ее в это дело не посвящали.

Когда все вновь разместились в палатке, Бифштекс зажег самодельную керосиновую лампу, сделанную из бутылки, и ребята смогли, наконец, рассмотреть как следует лионского парня. У него было очень симпатичное и располагающее к себе лицо. И он отнюдь не выглядел напуганным, хотя, конечно, был встревожен. В общем, всем стало ясно, что Мади оказалась права — Жану Фожье вполне можно верить.

— Ну, говорите же! — воскликнул он. — Меня в чем-то подозревают, я правильно понял? Но что такого я сделал?

Таможенник ошибся в своих предположениях — совесть у парня была чиста, иначе бы он не приехал. И ребята решили ничего от него не скрывать.

— Вам знакома эта штука? — спросил Тиду, достав из-под спального мешка загадочный стержень.

Парень был явно удивлен.

— Нет. А что это такое?

— Это магнитный стержень, запаянный с обоих концов. Внутри находится контрабандный товар.

Жан Фожье побледнел.

— Контрабандный товар?

— Мы нашли стержень в том месте, где вашу машину занесло в первый раз. Его наверняка прикрепили к днищу.

— И вы подозреваете меня в том, что я...

— Нет, — перебила Мади. — Если бы мы думали, что вы связаны с перевозкой золотых монет или чего-нибудь еще, то не стали бы звонить вам, а сразу обратились в полицию.

Парень ответил ей благодарной улыбкой, а затем с тревогой спросил:

— Тогда зачем же вы вызвали меня сюда?

— Чтобы разобраться в этом деле и одновременно отвести подозрение от вас, — ответил Тиду. — Вот что произошло с того момента, как вы исчезли.

Тут он, как всегда точно и подробно, изложил факты. Парень слушал его очень внимательно и перебил лишь в самом конце рассказа.

— Это не моих рук дело! — негодуя воскликнул он. — Если бы я провозил контрабанду в таком стержне, то никогда не упомянул бы о том, что еще до аварии мою машину занесло.

— Именно к такому выводу мы пришли, — кивнул Тиду. — Однако как все это объяснить?

— Ничего не понимаю... Ясно, что мне подсунули эту штуку в Испании, но каким образом они ухитрились это сделать без моего ведома?

— Однако сделали же! Кто-то, улучив момент, прикрепил стержень к днищу вашей «симки». Попробуйте вспомнить. Прежде всего, какой у вас был маршрут?

— Я пересек границу в Бург-Мадам. Побывал в Сарагосе и Мадриде, затем свернул в Валенсию и три дня провел в Тарагоне... там отличный пляж. Вернулся я через Пертский перевал.

— Вы нигде не задерживались на полпути между Тарагоной и границей?

— Нет. Но мне пришлось остановиться в пригороде Барселоны, чтобы отрегулировать коробку скоростей. Машина у меня старая, я купил ее по случаю. Я потерял там больше шести часов. В принципе я собирался пересечь границу после полудня, чтобы уже к вечеру быть в Лионе.

— А как прошли таможенный досмотр?

— Меня спросили, что я везу из Испании. Я ответил: пару бутылок вина. Таможенник был довольно пожилой, и он не стал осматривать багажник. Я начал спускаться вниз и вдруг заметил двоих людей в форме.

— Почему вы так испугались?

— Так ведь я вез дюжину бутылок. Мне говорили, что само по себе это небольшое нарушение, а вот за ложную декларацию можно серьезно поплатиться. Конечно, мне не следовало нажимать на акселератор, но в тот момент я потерял голову.

Подумав немного, парень добавил:

— Все-таки я никак не пойму, когда мне подсунули этот стержень с контрабандой. И кто должен был его забрать? И когда? Я намеревался ехать до Лиона без остановок. И кто мог знать, что я возвращаюсь именно в Лион? Конечно, по номеру видно, что «симка» зарегистрирована в департаменте Рона, однако что это дает?

Подобные вопросы ребята уже задавали себе, но ответить на них так и не смогли.

— А вам случалось кого-нибудь подвозить в Испании? — осведомился Тиду.

— Недалеко от Мадрида я подобрал старуху испанку, опоздавшую на автобус. Между Валенсией и Кастелоном меня остановили двое молодых французов, но мы с ними перекинулись всего парой слов.

Вновь наступило молчание. Внезапно в голову Тиду пришла одна простая мысль.

— В Испании бензин дешевле, чем у нас?

— Да, подешевле.

— Наверное, многие французы заливают полный бак перед возвращением?

— Так и есть. Я сам это сделал на автозаправке в Хунквера.

— В Хунквера?

— Это последняя испанская деревушка перед Пертским перевалом. На станции было несколько машин.

— И вам пришлось ждать своей очереди? Знаете, я убежден, что стержень вам подсунули рядом с границей, а не в Барселоне или Тарагоне.

— Почему?

— Потому, что там никто не мог знать, где именно вы собираетесь пересечь границу. Посмотрите на карту. У вас был выбор между Сербером, Бург-Мадам и Пертом. Иное дело Хунквера... Отсюда вы могли проехать только через Пертский перевал.

— Допустим, — согласился лионец. — Но кто должен был забрать стержень... да так, чтобы я этого не заметил?

— Люди, которые были в курсе того, что вы, сами того не ведая, везете контрабанду... или их сообщники по другую сторону границы. Они знали, что машина остановится — знали по той простой причине, что сами собирались остановить ее.

Поколебавшись, Тиду добавил:

— Но посреди ночи машину могли остановить только таможенники!

Ребята и лионский парень уставились на него в изумлении.

— Конечно, если бы меня услышал бригадир, — продолжал Тиду, — он поднял бы страшный крик. Вполне естественно — ему дорога честь мундира. Но подумайте хорошенько! Почему эти псевдотаможенники не стали осматривать машину? Почему так облегченно вздохнули, узнав, что водитель остался невредим? Возможно, боялись полицейского расследования? А когда я вернулся на место аварии вместе с Кафи, они рыскали по полю, а на автомобиль по-прежнему не обращали никакого внимания! Между прочим, теперь я уверен,

что это были те же самые люди... я не сразу узнал их, потому что они сняли кепи и, возможно, мундиры тоже. Кому еще было известно, что на этом месте произошла авария? С дороги машину не было видно. И кто, как не они, мог стрелять в Кафи? А это доказывает, что они боялись разоблачения. Один из них потерял футляр для очков. Очки были куплены в Перпиньяне, значит, в деле замешан кто-то из местных.

Тиду так разгорячился, что даже вспотел. Когда он закончил, все дружно одобрили его версию, и только Сапожник заметил скептически:

— На первый взгляд ты все сумел объяснить, Тиду, но одна вещь остается неясной. Эти таможенники из «летучей бригады» не могли останавливать все машины. Конечно, посреди ночи автомобилей не так много, но если задерживать всех подряд, возникли бы пробки, как на границе.

— Кто тебе сказал, что они задерживали всех?

— А как иначе распознать машину с контрабандным товаром?

— Согласен, это уязвимый пункт. Полагаю, необходимые сведения они могли получить от своих сообщников в Испании.

— Я другого не пойму, — вмешался простодушный Гий. — Зачем им понадобились такие сложности с переодеванием, когда гораздо проще было бы провезти контрабанду на своей собственной машине. Способ настолько хорош, что для его осуществления даже не нужна компания.

Тиду улыбнулся.

— Конечно, проще. Но и опаснее! Контрабандисты хотят получать прибыль, а не сидеть за решеткой. И они пошли на хитрость. Допустим, более бдительный таможенник находит стержень под машиной у ничего

не подозревающего туриста. В этом случае негодяи теряют деньги, но не свободу!

— Верно! — одобрительно произнес Бифштекс.

— Таким образом, мы имеем дело с хорошо организованной бандой, имеющей сообщников по обе стороны границы. Ради одного стержня с контрабандным товаром затевать такую авантюру нет смысла... этот стержень — не первый и не последний среди прочих. К сожалению, рассчитывать мы можем лишь на самих себя. Даже просто посоветоваться с бригадиром Нуло — и то нельзя. Ведь он немедленно заявит в полицию. И тогда... кто знает? Возможно, в этот момент вас, Жан, уже допрашивал бы инспектор в комиссариате, а там «обрабатывать» умеют.

— Спасибо вам, — воскликнул лионец.

— Благодарить будете потом, — сказал Тиду, — сначала нужно вытащить вас из этого дела. Не исключено, что нам придется побегать! И ваша машина может очень пригодиться.

— Как же вы намерены действовать? Ведь у нас ничего нет, ни единой зацепки.

— Нет, одна зацепка есть.

И Тиду вытащил из кармана футляр для очков.

— Мой пес еще не вполне окреп, однако на его нюх можно положиться. Мы натаскивали его как полицейскую собаку...

ДЮЖИНА ОКУРКОВ

Вернувшись в пять утра с дежурства и увидев автомобиль небесно-голубого цвета, бригадир не поверил своим глазам. Стало быть, Мади была права — лионский парень действительно приехал.

Таможенник бросился к палатке, где ребята и Жан Фожье спали без задних ног, что было немудрено, — дискуссия завершилась только в полночь. Громкий лай Кафи пробудил сонное царство. Когда все вылезли из спальных мешков, бригадир уставился на Жана Фожье.

— Я вас узнал, — сказал он, — вернее, вашу бородку вспомнил. Я был на дежурстве той ночью.

— Да, я вас тоже узнал, — ответил лионец.

— А я думал, вы не приедете. Значит, вы не...

Бригадир запнулся, не сумев подобрать нужного слова. Тиду пришел ему на помощь.

— Да, он не замешан в этом подпольном бизнесе. Он приехал, чтобы снять с себя подозрения и помочь нам. Благодаря его рассказу мы примерно представляем, как провозится контрабанда. Вот что мы выяснили.

Тиду поделился своими предположениями с бригадиром, но вместо слова «таможенники» говорил просто — «эти люди».

— Итак, — задумчиво произнес бригадир, — вы все-таки полагаете, будто речь идет о торговцах наркотиками? И они, по-вашему, провозят свой товар прямо под носом у таможи? Мне кажется, юные друзья, вы слегка перегибаете палку. Контрабанда существовала всегда, однако Пертский перевал охраняется очень бдительно, такие вещи здесь не пройдут. И что же, вы напали на след?

— Возможно. Моя овчарка может найти владельца футляра для очков.

— А если его обронил случайный прохожий, что тогда?

— Тогда мы будем знать, что это ложный след.

Таможенник скептически оглядел Кафи и направил в дом. Было еще темно, и друзья вновь залезли в спальные мешки, но ненадолго — около семи по туго

натянутой палатке уже барабанила Мади. Поднявшись ни свет ни заря и ухитрившись не разбудить мадам Нуло, она пришла к мальчикам с вопросом о сегодняшних планах.

— Все зависит от Кафи, — объяснил Тиду. — Он спал отлично, но силенок ему еще не хватает. Мы отвезем его на кукурузное поле в коляске.

— Тогда давайте быстрее завтракать.

Вымыв посуду, компания покатила коляску с Кафи на кукурузное поле. Тиду дал овчарке понюхать футляр и замшевую салфетку, на которой обязательно должен был сохраниться запах владельца, протиравшего стекла своих очков. Славный пес тут же завилял хвостом и, не дожидаясь приказа, выпрыгнул из коляски. Обнюхав поломанные стебли кукурузы, он решительно двинулся к автостраде и остановился в том месте, где «симка» вылетела на обочину.

— Мы попали в точку! — торжествующе крикнул Бифштекс. — Вовсе не прохожий обронил футляр. Кафи почуял следы тех двоих, что выгнали нас из рощи. Голову даю на отсечение, футляр принадлежит одному из них.

— Я тоже так думаю, — кивнул Тиду. — Теперь надо выяснить, что эти люди делали дальше.

И он обернулся к собаке.

— Ищи, Кафи, ищи!

Пес не заставил себя просить. Еще раз вернувшись к месту аварии, он уверенно направился вверх, к Пертскому перевалу. Увы! Вскоре силы его иссякли. Измученный, со взмокшей от напряжения шерстью, он сел и посмотрел на хозяина, как бы говоря: «Прости, Тиду, я больше не могу».

С явной неохотой оставив соблазнительный след, он заковылял к своей коляске. Тиду ласково погладил его.

— Милый Кафи! Я не сержусь на тебя, ведь ты едва оправился после операции! И ты поможешь нам, я уверен!

И он добавил, обращаясь к друзьям:

— Экие мы недотепы! Надо исследовать рощу, где мы остановились на ночлег в первый раз.

Они стали подниматься по автострате, и метров через пятьсот Бифштекс ткнул пальцем влево.

— Вот здесь мы и были!

Неужели Кафи догадался, что хозяева привезли его на то место, куда вели следы? Как бы то ни было, пес сам выскочил из коляски и стал усиленно обнюхивать траву. Почти уткнувшись в землю носом, он углубился в рощицу и привел компанию на крохотную поляну, а затем закружил на одном месте.

На сей раз никаких сомнений не осталось — владельцем футляра для очков был один из таможенников. Он долго стоял здесь — возможно, вместе со своим напарником. Порывшись в сосновых иголках, ребята обнаружили не меньше дюжины окурков.

— Они разные! — воскликнул Сапожник. — Смотрите!

Действительно, окурки были двух сортов: часть от папирос, а остальные — от сигарет с фильтром.

— Значит, их было двое, — сказал Стриженный. — И они прятались!

Зачем было настоящим таможенникам скрываться в роще, откуда дороги почти не видно? Если им поручили контроль за автострадой, они должны были дежурить поблизости от шоссе. Но этих людей машины совершенно не интересовали — и тем не менее именно они пытались остановить лионского парня!

История оставалась загадочной, но один пункт прояснился: таможенники выдумали мифическую запрет-

ную зону, чтобы вынудить ребят перебраться на другое место. Отсюда следовало, что эта рощица играла важную роль в замыслах банды — вероятно, кто-то дежурил здесь каждую ночь.

Друзья обшарили всю полянку в надежде обнаружить какие-нибудь улики, но поиски результатов не принесли. Пришлось возвращаться не солоно хлебавши. Мадам Нуло приветливо встретила молодого бородача — этот симпатичный парень ей явно понравился. Увидев помятый капот его машины, она со смехом спросила, не участвует ли он в автомобильных гонках. Славная женщина не подозревала, что «симка» перевернулась в кукурузном поле всего в нескольких десятках метров от ее дома.

В полдень на крыльцо вышел еще заспанный таможенник.

— Ну как? — спросил он, зевая.

Тиду рассказал о достижениях Кафи.

— Футляр для очков принадлежит одному из тех людей, что рыскали вокруг попавшей в аварию машины. Они же прятались в сосновом лесу, в отдалении от дороги.

— Видите, — с облегчением вздохнул бригадир, — это вовсе не таможенники из «летучей бригады». Те заняли бы пост у самой автострады... Впрочем, это нам все равно мало что дает.

— Посмотрим, — бросил Сапожник. — Кажется, в роще кто-то дежурит каждую ночь. Мы собираемся устроить там засаду.

Бригадир покачал головой.

— А вдруг...

Он недоговорил. Жена крикнула ему, что обед готов. Компания тоже вознамерилась перекусить, но Бифштекс заявил, что провизии не хватает. По его настоянию Мади со Стриженым отправились в деревню — к мяснику и бакалейщику. Лишь час спустя все расселись у газового примуса.

— У бригадира Нуло озабоченный вид, — сказала Мади. — Конечно, он знает не все, но о многом догадывается. Надо действовать очень быстро. Представьте себе, какой будет шум, если контрабанду обнаружат в нашей палатке, почти у него дома! Тиду, если ты считаешь, что стержень подсунули в Хунквера по ту сторону границы, нам нужно туда съездить. В любом случае мы хоть кусочек Испании увидим.

— Отличная мысль! — горячо произнес лионец. — Я покажу вас станцию, где заправлялся. Поедем на моей «симке».

— Нет, только не на вашей машине! — отрезал Тиду. — Уж очень она приметная — и цветом, и вмяти-

нами на капоте. Лучше сядем на мопеды. Гий одолжит вам свой... он все равно не может ехать с нами.

Гий и Кафи проводили компанию грустными взглядами. Маленький отряд стал подниматься к Пертскому перевалу, и вскоре ребята впервые ступили на испанскую землю. Впрочем, это оказалось недалеко, ведь Хунквера находится всего лишь в шести километрах от границы. Лионский парень без колебаний показал на автозаправку в сотне метров от полицейского поста. В самой станции не было ничего примечательного, разве что автомобилей было маловато. Управлялись здесь трое: один довольно пожилой, видимо, хозяин, второй — молоденький и явно неопытный парнишка, а третий — мужчина лет тридцати. Все трое были одеты в синие комбинезоны с фирменным значком.

— Я не узнаю того, кто меня обслуживал, — сказал Жан Фожье. — Впрочем, я особо к нему и не пригляделся... А может, ночью работает другая смена.

Некоторое время лионцы наблюдали за тремя служащими бензоколонки — в их поведении не было ничего подозрительного.

— Двоим из нас нужно вернуться сюда сегодня ночью, — предложил Бифштекс. — Только вот где спрятаться?

— За сараем! — сказал Сапожник, показывая на ветхое строение, где раньше жили путевые рабочие. — Но если произойдет что-то интересное, как предупредить остальных? Эх, зря мы не захватили наши уокитки!

— Я об этом подумал! — мгновенно отозвался Стриженный. — И вчера утром сходил за ними на Пиратскую лестницу.

Было только четыре часа дня. Чтобы убить время, ребята отправились в маленький и очень живописный

городок Фугерас, где полюбовались внушительным средневековым замком. Затем они вернулись к автозаправке. Сапожник, стараясь не привлекать к себе внимания, тщательно осмотрел заброшенный домик. Если бы удалось забраться внутрь, это было бы идеальным местом для укрытия. Однако на покосившейся двери висел новенький замок — не могло быть и речи о том, чтобы взломать его.

Через четверть часа друзья вновь пересекли границу и спустились в Морейя. Гий играл на губной гармошке, а Кафи внимал ему с видимым удовольствием. Бригадир с женой тоже сидели во дворике. Когда мадам Нуло удалилась в дом, таможенник заглянул в палатку.

— Ну как? Что вы видели в Испании?

— Автостанцию, у которой я останавливался, — ответил лионез.

— И еще мы нашли место, где можно спрятаться, совсем рядом с заправкой, — добавил Сапожник. — Мы поедем туда сегодня ночью.

— Сегодня ночью? А что там будет?

— Возможно, ничего, — сказал Тиду, — но нужно использовать этот шанс. Вот мой план. Вечером мы с Сапожником еще раз пересечем границу, чтобы понаблюдать за бензоколонкой. Мы возьмем с собой один из наших уоки-токи. Гий с Бифштеком затаятся в роще. Что касается Стриженого и Жана... можно я буду называть вас Жаном? Вы останетесь со вторым уоки-токи по эту сторону границы, стараясь держаться как можно ближе к бригадиру Нуло.

— Я согласен, — быстро произнес лионский парень. — Моя машина понадобится?

— Да. Вы со Стриженым поедете на голубой «симке». Это совершенно необходимо.

— А как же я? — спросила Мади.

— Тебе лучше не ходить с нами. Кто знает, как обернется дело. Ты будешь сидеть у телефона, и мы сможем в любой момент позвонить тебе.

— Прекрасно! — кивнул бригадир. — Жена перепугается до смерти, если обнаружит, что Мади нет в спальне.

— Теперь Кафи, — продолжал Тиду. — Вы повезете его на машине. Сейчас он еще не в состоянии нас защитить, однако его нюх может сослужить нам службу.

— А что мы с Гиём будем делать в сосновом лесу без уоки-токи? — обиженно произнес Бифштекс.

— Конечно, третьего аппарата нам очень не хватает, — признал Тиду. — Совсем как в прошлом году на Эйфелевой башне! Но это не так важно. Главное, вы должны выяснить, чем именно занимаются в роще двое тамо... я хотел сказать, незнакомцев. Предположим, мы с Сапожником увидим подозрительный автомобиль в Хунквера... тогда мы подадим сигнал вам, Стриженный и Жан, а уж вы должны будете предупредить бригадира Нуло.

— Послушать вас, — хмыкнул таможенник, — так сегодня ночью и в самом деле что-то произойдет! Может быть, стоит сообщить об этом начальству?

— А что вы скажете? Пока у нас нет никаких улик.

— Но если вы так уверены, что здесь орудует банда контрабандистов...

— Да мы ни в чем не уверены! Если сегодняшняя ночь пройдет спокойно, завтра нужно будет пойти в полицию и рассказать то, что нам известно. Итак, если Стриженный и Жан покажут вам какую-нибудь машину, осмотрите ее очень внимательно. Почти наверняка вы не найдете ничего, но тут главное потянуть время!

Бригадир только покачал головой. Видимо, он счи-

тал, что у ребят не на шутку разыгралось воображение.

— Тиду, а что будете делать вы с Сапожником? — спросил лионский парень.

— Мы покатим на полной скорости, но мопедам трудно угнаться за автомобилем, особенно на подъемах. Если мы запоздаем, езжайте следом за подозрительной машиной на «симке». Когда незнакомцы выйдут на дорогу, остановитесь, как если бы приказ относился и к вам. Незнакомцы наверняка прикажут вам освободить дорогу.

— А вдруг они опознают мою голубую «симку»?

— Держите фары включенными. Свет ослепит их, и они ничего не сумеют разглядеть. Увидев, что вы не собираетесь уезжать, они подойдут к вам. Тогда выпускайте Кафи! С его помощью вы схватите этих людей.

— Ого! — присвистнул таможенник. — А вы не боитесь, что...

— Нет, — решительно произнес Тиду. — Кафи не совсем поправился, но клыки у него прежние. К тому же на подмогу к Стриженому и Жану прибегут из рощи Гий с Бифштеком, а через пару минут, возможно, подоспеет и мы с Сапожником!

Бригадир вновь покачал головой, но на сей раз с нескрываемой тревогой.

— Мои юные друзья, я не могу допустить, чтобы вы ввязались в такую авантюру! Убежден, что это чистой воды фантазия, однако чем черт не шутит...

— Ну, пожалуйста, господин Нуло! — умоляюще сказала Мади. — Не говорите об этом никому и позвольте нам попробовать! Мы это делаем ради Жана... ведь у него могут быть большие неприятности.

Добрый таможенник вздохнул. За всю долгую службу ему не приходилось сталкиваться с подобной дилем-

мой. И он, скрепя сердце, уступил симпатичным фантазерам, ибо — к счастью для компании — не допускал и мысли, что эта невероятная версия может оказаться вполне реальной.

ОПЯТЬ НЕ ВЕЗЕТ!

План Тиду был настолько прост и логичен, что все члены компании и лионский парень приняли его без возражений. Оставался, правда, один слабый пункт, связанный с арестом контрабандистов. Если бы Кафи был вполне здоров, это не составило бы труда — одного рыка овчарки достаточно, чтобы пресечь любую попытку к сопротивлению. Но Кафи еще не оправился от раны.

Весь день Тиду терзался противоречивыми чувствами. С одной стороны, ему хотелось, чтобы сегодняшней ночью ничего не произошло — в этом случае его пес будет спокойно набираться сил и в скором времени избавится от повязки. С другой стороны, мальчик понимал, что терпение славного бригадира на исходе и нужно как можно скорее разрешить мучившую всех загадку.

Впрочем, нервничал не только Тиду. Вся компания была взвинчена, не говоря уже о Жане и таможеннике, который бесцельно расхаживал по саду, не замечая, что топчет анютины глазки, любовно взращенные супругой.

— Да что с вами такое? — изумленно вопрошала мадам Нуло. — Раймон себе места не находит! И он еще утверждает, будто я все принимаю слишком близко к сердцу! На себя бы посмотрел! А может, у вас какие-то неприятности?

Она долго не уходила, пытаясь понять, что происходит, но затем все же удалилась на кухню. Постепенно темнело. Пора было ужинать. Есть никому не хотелось — только Кафи кружил вокруг Бифштекса, всем своим видом показывая, что мешкать с таким важным делом не следует. Рассевшись вокруг примуса, друзья и Жан примолкли, словно бы вдруг усомнились в успехе своего предприятия.

Около десяти вечера бригадир направился к своей старенькой машине, чтобы ехать на дежурство. Перед этим он предупредил ребят:

— Не выходите из палатки, пока моя жена не ляжет спать!

Они так и сделали. Впрочем, риска здесь не было никакого: если и суждено чему-то случиться, то это произойдет в середине ночи, когда движение на дороге почти прекратится.

Не желая возбуждать подозрений у жены бригадира, Мади легла раньше чем обычно. В четверть двенадцатого она вышла из дома в пижаме и объявила:

— Можете ехать! Мадам Нуло спит.

Ребята и Жан выкатили «симку» на автостраду, чтобы не привлекать внимания шумом мотора. Потом Бифштекс с Гием пешком направились в рощу, а Тиду с Сапожником двинулись на мопедах вслед за голубым автомобилем, куда уселись молодой бородач и Стриженный. Впервые небо над Руссийоном покрылось облаками и повеяло прохладным ветерком. Через десять минут машина достигла Пертского перевала. На пограничном посту все было спокойно и тихо. Четверо таможенников занимались своим привычным делом. Трое — среди них и бригадир Нуло — осматривали машины, идущие из Испании, а один проверял документы у тех, кто двигался в противоположном направлении.

Жан поставил машину между двумя домами, совсем недалеко от поста. Затем Тиду и Стриженный в последний раз удостоверились, что уоки-токи работают нормально.

— Не теряйте из виду бригадира Нуло, — сказал Тиду. — Если мы сообщим вам номер подозрительной машины, сразу же известите его. Он должен осматривать ее как можно дольше, чтобы мы подоспели вовремя.

Четверо друзей обменялись рукопожатием, и Тиду с Сапожником, показав свои документы, без помех пересекли границу.

Через десять минут мальчики уже были в Хунквера. Они проехали мимо заправки не останавливаясь, а затем слезли с мопедов и вернулись на свой наблюдательный пост пешком, держась темной обочины.

Никто их не заметил. Укрывшись за бывшим домиком путевых рабочих, они не сводили глаз с неоновой вывески, где было написано по-французски: «Последняя бензоколонка перед границей». Испанцы немножко лукавили — выше находилась еще одна заправка.

Клиентов по-прежнему обслуживали трое: дородный пожилой хозяин, которого ребята приметили еще днем, и двое незнакомых заправщиков — видимо, они вышли в ночную смену. Ничего подозрительного в их действиях не было. Они спокойно занимались туристами, а хозяин появлялся лишь в те моменты, когда возникала очередь.

Полночь еще не наступила. Судя по всему, ждать предстояло до трех-четырех ночи, когда поток машин сойдет на нет.

— Какой холодный ветер! — пожаловался Сапожник. — Надо было взять свитер!

Полпервого ночи! Час! Движение постепенно замирает. Один из служащих бензоколонки — тот, что был по-

моложе, — переоделся и ушел домой. На автостанции остались только хозяин, выходявший все реже и реже, и второй заправщик, который не покидал своего поста.

Полвторого! По-прежнему ничего. Вытащив антенну своего уоки-токи, Тиду обменялся парой слов со Стриженным. На границе тоже все было тихо.

Два часа! Ожидание становилось невыносимым.

— Сегодня мы пролетели! — буркнул непоседливый Сапожник. — Может, контрабандисты орудуют не каждую ночь... или ты ошибся, Тиду, и товар везут из другого места.

Три часа! Полчетвертого! У Тиду слипались глаза, и он чувствовал, что засыпает, но тут Сапожник дернул его за рукав.

— Внимание! Кажется, заправщик подал знак хозяину!

Случайность или нет? Автомобиль, остановившийся у бензоколонки, оказался старенькой «симкой» — той же модели, что у лионского парня, но только зеленого цвета. В машине сидели трое — две женщины и маленький мальчик.

— Смотри, хозяин выходит, — прошептал Сапожник. — Я уверен, что это заправщик вызвал его!

Толстяк появился в накинутах на плечи пиджаке, тогда как раньше щеголял в рубашке с закатанными рукавами. Возможно, ему стало холодно? Приветливо помахав туристам, он обошел машину сзади и что-то громко сказал по-испански своему работнику. До сих пор в его поведении не было ничего необычного, но вдруг он низко наклонился, словно желая заглянуть под днище машины, а потом мгновенно выпрямился. Заправщик в это время вставил шланг в отверстие бака и начал заливать бензин. Все произошло настолько быстро, что ни Тиду, ни Сапожник толком не успели ниче-

го разглядеть. Неужели хозяин все-таки подложил стержень, скрываемый под пиджаком?

Тиду взялся за уоки-токи, чтобы сообщить Стрижену марку и номер машины. Он вытаскивал антенну, когда Сапожник схватил его за руку.

— Осторожно! Он идет сюда!

Действительно, хозяин, вместо того чтобы вернуться к себе, направился прямо к домику, за которым прятались ребята. Решив, что их обнаружили, друзья уже собирались дать деру, но Тиду вовремя вспомнил про новенький замок, очень странно смотревшийся на двери ветхого строения.

Тиду угадал — хозяин бензоколонки вынул из кармана ключ. Дверь пронзительно заскрипела. Припав к дощатой стене, ребята напряженно прислушивались.

Сначала доносился какой-то слабый скрежет, а потом шепот — они даже не разобрали — по-французски или по-испански говорит хозяин. Зато вскоре стало ясно, что в домик хозяин зашел один — через короткие паузы раздавался только его голос.

— Я так и знал! — пробормотал Тиду. — Он переговаривается с сообщниками по ту сторону границы. Извещает, что машина выехала.

Они напрягли слух, пытаясь расслышать хоть слово, но тщетно. Сами же ничего пока предпринять не могли. Для их маленького уоки-токи дистанция в шесть километров была предельной, поэтому приходилось почти кричать, чтобы передать информацию. Друзья собирались отойти подальше от домика, но тут хозяин вышел, закрыл дверь на замок и вернулся на автостанцию. Тиду поспешно вытащил антенну.

— Алло! Стриженный!

Наконец-то раздался щелчок.

— Алло! Тиду?

— От автостанции только что отъехала подозрительная машина. Это такая же «симка», как у Жана, но зеленого цвета, номер 453 БЛ 08. Повторяю: 453 БЛ 08. Очень возможно, что под днищем находится какой-то предмет. Хозяин заправки недавно передал кому-то сообщение с помощью переносной рации. Машина будет на границе через несколько минут. Предупредите бригадира Нуло... Пусть он держит их как можно дольше! Мы выезжаем. Прием».

Оседлав свои мопеды, они сделали круг, чтобы их не увидели с бензоколонки, а затем помчались по автострасе. У испанского пограничного поста стояли две машины, но зеленой «симки» среди них не было, видимо, она уже прошла контроль. Водитель первого автомобиля горячо спорил с таможенником: что-то было не в порядке.

— Эх, не везет! — проворчал Сапожник.

Первая машина, наконец, тронулась с места, очевидно, все недоразумения были улажены. Но вторая, как на грех, оказалась с испанскими номерами — местных жителей, выезжающих во Францию, всегда проверяли строже, чем туристов.

В результате только через семь или восемь минут после предъявления документов и расспросов пограничников, явно удивленных ночным путешествием двух пареньков, Тиду с Сапожником смогли вновь вскочить в седло. Никогда еще дорога не казалась им такой длинной. Моторы мопедов, слегка отсыревшие за ночь, словно нарочно кашляли и чихали. Ребята проклинали все на свете.

Сбылись худшие их опасения — когда они появились на Пертском перевале, зеленая «симка» уже уехала, а голубая последовала за ней.

— Как же нам не везет! — простонал Сапожник. — Что за напасть такая!

— Я ничего не смог сделать, — объяснил бригадир. — Досмотр производил мой коллега. Я шепнул ему, чтобы он тщательно проверял, но все оказалось в полном порядке. Машина только что ушла.

Едва лишь было закончено с формальностями на французской границе, Тиду решительно объявил:

— Полный вперед!

ГОНКА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Тиду и Сапожник мчались к сосновой роще, которая находилась в трех или четырех километрах от перевала. Внезапно в свете фар возникло два силуэта на обочине дороги. Сначала ребята приняли их за тамо-

женников из «летучей бригады», но через мгновение Сапожник воскликнул:

— Это Бифштекс и Гий!

Оба вначале чуть притормозили, но теперь вновь прибавили скорость, чтобы поскорее добраться до товарищей.

— Что вы здесь делаете? — быстро спросил Тиду.

— Сегодня в рощу никто не приходил.

— Давно вы тут стоите?

— Почти четверть часа.

— Голубую «симку» видели?

— Она проехала пять минут назад. Лионец и Стриженный узнали нас. Они сказали, что гонятся за другой «симкой», о которой вы сообщили из Хунквера. Они сразу же уехали, чтобы не упустить ту машину. Это совсем нетрудно — зеленая «симка» идет на средней скорости.

— Где ваши мопеды?

— Мы спрятали их под платаном.

— Берите их и поезжайте за нами.

Теперь уже четверо друзей мчались по автостраде. В свете фар мелькали дорожные указатели — один, два, три километра.

— Мы отъехали от Пертского перевала довольно далеко, — сказал Гий, державшийся рядом с Тиду. — Стриженный и бородач гонятся за машиной, которую никто не остановил. В каком департаменте выданы номера?

— В Арденнах!

— Ну, знаешь! Так можно добраться и до Мезьера!

Тиду ничего не ответил. Вместо того чтобы остановиться, он прибавил газу, однако уклон кончился, а на ровной дороге разогнаться как следует было трудно. Еще два километра! По-прежнему ни голубой «симки»,

ни зеленой! Тиду приказал товарищам остановиться и достал из кармана уоки-токи.

— Алло, Стриженный! Алло!

Молчание. А ведь Стриженный клятвенно обещал постоянно находиться на связи! Неужели машина оказалась так далеко, что аппарат не сработал?

— Видишь? — хмыкнул Гий. — Вероятно, они уже за пределами Перпиньяна. Мы их не догоним. Лучше подождать, пока они догадаются повернуть назад.

Тиду колебался. Конечно, Гий был прав, но ведь хозяин автозаправки передал кому-то сообщение — следовательно, зеленую «симку» должны были остановить.

— Была не была! Едем за ними!

Мальчик хотел вновь оседлать свой мопед, но тут в уоки-токи что-то щелкнуло, и он поспешно вытащил антенну.

— Алло, Стриженный! Алло, Стриженный!

Что-то затрещало, а потом раздался далекий голос:

— Алло! Это ты, Тиду? Ты меня хорошо слышишь?

— Вы где?

— Я... я толком не знаю! На автостраде, рядом с небольшой рощей. Нам.. нам не удалось их схватить. Лионцу врезали... Приезжайте как можно скорее!

Тиду побледнел. Незнакомцам удалось удрать! Жан ранен! Партия была проиграна по всем статьям.

— Что случилось? — в тревоге воскликнули остальные, увидев, как он дрожащими руками складывает антенну.

— За мной!

Вскочив на мопеды, они стали крутить педали изо всех сил, чтобы быстрее набрать скорость. Примерно через два километра, выскочив из-за поворота, они увидели вдали красные фары стоящей неподвижно машины.

Они прибавили газу и вскоре увидели Стриженного,

который выбежал на середину дороги и принялся размахивать руками. Через несколько мгновений ребята притормозили прямо перед ним.

— А где лионец? — быстро спросил Тиду.

— В машине.

Молодой бородач распластался на заднем сиденье. Ребятам даже показалось, будто он мертв.

— Ничего страшного, — успокоил их Стриженный, — хотя я и сам сначала перепугался. Ему залепили кулаком прямо в лицо, и он свалился в канаву. Сам встать не смог, и я дотащил его до машины. Он совершенно оглушен. Ах, если бы Кафи был в форме! Но наш пес сделал все, что мог.

Немного успокоившись, Стриженный рассказал все в деталях.

— Как только зеленый автомобиль выехал с Пертского перевала, мы двинулись следом. Скорость была небольшая. Через три километра мы увидели вместо таможенников Бифштекса и Гия. Они сообщили, что в рошу сегодня ночью никто не приходил. Подумав, что засаду устроили ниже, мы с Жаном решили продолжать погоню. В какой-то момент нам уже показалось, что надо поворачивать обратно, иначе мы заедем Бог знает куда... Но тут зеленая «симка» остановилась по приказу двух типов — на них были мундиры и кепи таможенников.

— Дальше!

— Лионец притормозил в тридцати метрах сзади и включил фары. Мы успели заметить, что один из таможенников нагнулся и сунул руку под днище зеленой «симки». Тут второй заметил нас и дал знак проезжать. Мы не сдвинулись с места. Он подошел к нам, и я сразу увидел, что он меня узнал, хотя старался этого не показать. Сделав вид, будто принял нас за обычных туристов, он приказал нам немедленно освободить дорогу. А Жан толк-

нул меня локтем и прошептал: «Пора!» Кажется, он так и не догадался, что таможенник узнал меня. Открыл дверцу и стал вылезать, словно желая что-то обсудить с таможенником, а тот ему врезал... кулаком или дубинкой, я не понял. В общем, лионец рухнул в канаву, а я выпустил Кафи. Второй бандит устремился на помощь первому, я услышал, как затрещала одежда, а потом Кафи взвыл от боли — его ударили ногой в живот, в повязку метили! Из зеленой «симки» выскочили испуганные женщины, и таможенники стали вопить, что на них напали. Я хотел объяснить женщинам, что здесь происходит, но не успел — мне тоже врезали по физиономии, и я едва устоял на ногах. Перед глазами у меня все поплыло, и когда я пришел в себя, то увидел, что зеленый автомобиль трогается с места, а оба мерзавца со всех ног бегут в лес. Мне показалось, что в руках у них был стержень.

— Когда все это произошло?

— Семь или восемь минут назад. Кафи ринулся в погоню за ними. Но я приказал ему вернуться. Это слишком опасно.

— Ты правильно сделал. Надо обыскать этот лес. Возможно, они прячут здесь передатчик... или мотоциклы. Вряд ли они пришли сюда пешком — значит, попытаются забрать их.

Затем Тиду повернулся к Бифштексу.

— Садись на мопед и гони в Морейя! Предупредишь Мади и оставишь ей один уоки-токи. Пусть постоянно держит с нами связь. И сразу же дуй обратно! Обыскать эту рощу — нелегкая задача даже для пятерых!

— Простите, для шестерых! — послышалось сзади.

Ребята обернулись.

Лионец медленно вылезал из своей «симки». Он сердито насупился и крепко сжал кулаки, явно готовясь к реваншу.

«ЛЕТУЧАЯ БРИГАДА»

Едва Бифштекс укатил на своем мопеде, Тиду стал прикидывать, какой план избрать — окружить лесок с разных сторон или же пойти всем вместе. Первый вариант, конечно, более верный, однако в этом случае ребятам предстояло разделиться. Разве можно поодиночке справиться с двумя таможенниками? Впрочем, так ли уж вероятно, что негодяи по-прежнему находятся в лесу?

— Нет, нет, они там, — уверенно заявил Стриженный. — Их машина или мотоциклы спрятаны где-то в глубине. Если бы они уехали, я услышал бы шум мотора. Кафи поможет нам... у нас теперь есть кое-что помимо футляра для очков.

Он продемонстрировал всем клоч синей ткани, вырванной из штанины одного из беглецов, и кликнул собаку.

Шерсть Кафи поднялась дыбом, как только ему дали понюхать злосчастный клочок. Пес рвался в бой, чтобы отомстить за подлый удар ногой в живот. Уткнувшись носом в землю, он пересек автостраду и двинулся по опушке леса, пока не привел своих хозяев к едва заметной тропе, ведущей сквозь кусты.

— Верно, — подтвердил Стриженный, — сюда они и побежали!

Все пятеро гуськом двинулись по узкой тропке. Тиду держал собаку на поводке.

— Внимание, Кафи! Остановись при малейшем шорохе! Ты должен нас предупредить.

Умный пес не нуждался в подобном разъяснении. Познав на собственной шкуре опасность, он ступал очень осторожно и через каждые пять метров замирал, подняв голову и напряженно прислушиваясь. В лесу

царил почти полный мрак, но овчарке помогало превосходное чутье. Через несколько минут Кафи вновь остановился и еле слышно зарычал. Ребята изо всех сил таращили глаза, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть, но было слишком темно.

— Он заметил что-то необычное, — прошептал Тиду, — но я ничего не вижу!

— Подожди, — выдохнул зоркий Сапожник. — Кажется... кажется, это машина.

Да, это несомненно была машина бандитов. Быть может, они засели внутри, чтобы напасть на любого, кто к ним подойдет? Прошло две или три минуты. Кафи не сводил глаз с автомобиля, но сигнала ребятам не подавал.

— Похоже, там никого нет, — нерешительно сказал Тиду.

— Сейчас посмотрим, — откликнулся Жан.

Подкравшись к машине сзади, смелый парень неожиданно включил фонарик.

— Пусто!

Действительно, бандитов там не было. Не было ни рации, ни стержня с контрабандой — одним словом, ничего подозрительного. Однако двое таможенников побывали здесь. Спрашивается, зачем? Хотели удрать на автомобиле, а потом решили, что это слишком опасно?

— Ну и что все это означает? — спросил Тиду, пожав плечами.

— А вот что! — отозвался Сапожник. — Они пришли за какой-то вещью, а теперь прячутся в другом месте, пережидают опасность! Кафи их найдет!

Бедный пес тяжело дышал и с трудом переставлял лапы, однако не собирался отказываться от преследования. На сей раз бандиты пошли кружным путем, слов-

но бы не зная, на что решиться. Тиду подумал с тревогой, что самое простое для них — рвануть через поля, где их вряд ли догонишь. Но тут Кафи вновь застыл, наострив уши, и ребята остановились.

— Я слышу какой-то шорох! — тихо сказал Стриженный.

Кто-то осторожно передвигался по лесу, выдавая себя лишь хрустом ветвей. Быть может, компания спугнула лесного зверя? О нет, в этом случае Кафи вел бы себя иначе! А тут пес зарычал, обнажив клыки.

Внезапно ветка хрустнула совсем близко. Зверь пустился бы в бегство, почуяв собаку.

— Это они! — прошептал Тиду. — Будем окружать их! Но близко не подходите, они слишком опасны!

Один за другим ребята исчезли в темноте. Тиду остался вместе с бородачом и Кафи.

Прошло две или три минуты. Хруст и шорохи прекратились, однако пес по-прежнему держался настороженно.

— Надо с этим разобраться, — прошептал Жан. — Пойду посмотрю!

Но едва он сделал несколько шагов вперед, как раздалось клацанье взводимого затвора — этот звук ни с чем нельзя было спутать.

— Я был уверен, что они вооружены, — пробормотал Тиду. — И выстрелят они не задумываясь... как и той ночью!

Ситуация осложнялась. Внезапно Тиду вспомнил о своем уоки-токи.

— Стойте здесь, — сказал он лютцу, — я отойду подальше, чтобы связаться с Мадж. Собака останется с вами.

Осторожно пробравшись сквозь кусты, он вытащил антенну и еле слышно произнес:

— Алло! Маді?

Вслед за щелчком послышался голос девочки:

— Алло! Тиду? Я тебя очень плохо слышу, говори громче!

— Не могу. Позвони бригадиру Нуло на Пертский перевал. Скажи ему, что мы окружили двоих людей. Они вооружены, и я не хочу рисковать. Пусть бригадир вызовет полицию.

— Это уже сделано, Тиду. Двадцать минут назад. Как только Бифштекс рассказал мне о том, что произошло, я немедленно связалась с бригадиром.

— Ты упомянула о таможенниках?

— Я сказала, что они выдают себя за таможенников. Иначе бригадир Нуло мог подумать, будто это его коллеги из «летучей бригады».

— Каким образом полицейские узнают, где нас искать?

— Бифштекс покажет им. Он уже поехал назад. Но вам лучше послать кого-нибудь на автостраду, так будет надежнее. Одного из наших или Кафи. Пес в состоянии идти?

— Вымотался страшно, но рвется в бой. Я прикажу ему вернуться на дорогу.

Быстро сложив антенну, он крадучись подобрался к тому месту, где оставил Жана, — тот даже шевелиться не смел.

— Полицию уже уведомили, — сказал Тиду.

Затем он нагнулся к собаке:

— Слушай меня, Кафи! Беги на дорогу, найди Бифштекса! Ты понял? Дорога, Бифштекс!

Для пущей надежности он повторил эти слова несколько раз. Бедный пес поднялся с земли, вильнул хвостом в знак того, что все будет сделано, и исчез за кустами.

Итак, должна появиться полиция, но когда это произойдет? Бандиты хорошо знают лес, и им легко будет скрыться от погони.

Десять минут, четверть часа! Полиции нет как нет. Сумела ли Мади убедить бригадира Нуло? Ведь в такой ситуации действовать нужно быстро, очень быстро! С какой стороны ждать помощи?

Еще пять минут. Затаившиеся в лесу преступники не выдали себя ни единым словом, зато дважды щелкали затворами. Тиду так занервничал, что на секунду усомнился в правильности своих действий. А вдруг это и в самом деле таможенники из «летучей бригады»? Возможно, они проводят какую-то секретную операцию и нарочно выдают себя за злоумышленников? Нет, этого не может быть!

От напряжения мальчик даже взмок. Вдруг лионек схватил его за руку.

— Я слышу шаги... сзади!

Через пару секунд из кустов выскочил измученный Кафи, который привел за собой Бифштекса и несколько жандармов.

В мгновение ока подозрительное место было окружено со всех сторон.

— Полиция! Сдавайтесь! Руки вверх!

В кустах никто не шелохнулся.

— Полиция! Выходите немедленно!

Несколько выстрелов в воздух и свет мощных фонарей сделали свое дело — преступники поняли, что им не уйти. И вот из кустов медленно поднялись двое человек. Надо же, оба были в обычной одежде! Значит, это не таможенники?

Ребята ошеломленно переглянулись.

— И чего вы такой шум подняли? — с возмущением произнес один из мужчин, бросив себе под ноги ружье. — Ну, нарушили мы правила... Конечно, охотиться ночью запрещено! Но зачем вызывать целый взвод жандармов?

Полицейские также были несколько озадачены. Сержант вопросительно взглянул на смущенных ребят.

— Это и есть ваши контрабандисты?

Тиду не знал, что ответить, но тут взгляд его упал на Кафи — отбежав на метр, пес усиленно рыл лапами землю. Друзья ринулись ему на помощь и быстро раскидали ветви, сломанные совсем недавно. Внезапно Стриженный вскрикнул. Полицейские направили свои фонарики в ту сторону — и все увидели, что в углублении между двумя камнями лежит мундир из синего сукна и кепи с козырьком.

— Ого! — воскликнул сержант. — Форма таможенника!

Но это было еще не все. Стриженный с Сапожником вытащили еще один мундир, две пары брюк с галунами, второе кепи и револьвер... а на самом дне лежали рация и металлический стержень — абсолютно такой же, как и тот, что был найден на обочине дороги. У Тиду отлегло от сердца, и он вздохнул с явным облегчением.

Преступники тоже вздохнули, но уж, конечно, не от радости. Бросив злобный взгляд на Кафи, оба втянули головы в плечи и разом утратили свой апломб. На какое-то мгновение в лесу воцарилось молчание — все словно бы заново переживали случившееся. Затем сержант иронически осведомился:

— Странная экипировка для охотников, вы не находите?

Негодяи смотрели исподлобья и явно не собирались вступать в какие-либо дискуссии.

— Ничего странного, — вмешался Тиду. — Они выдавали себя за таможенников из «летучей бригады» и останавливали машины, которые везли контрабандный товар.

— Это похоже на наркотики. Откуда их везли?

— Из Испании. Мы вам потом все расскажем. А сейчас надо арестовать сообщников по ту сторону границы — хозяина бензоколонки в Хунквера и его заправщика.

— Рация осталась в машине, — сказал сержант. — Вернемся на автостраду.

Тут он повернулся к своим подчиненным.

— Общитесь этих мерзавцев и следуйте за нами.

Кафи успел немного передохнуть и без колебаний устремился вперед. Рассвет еще не наступил, но небо на востоке заметно посветлело. Сержант, надев наушники, связался с полицейским участком в Перпиньяне и сообщил, что нужно срочно предупредить власти ис-

панской провинции Герона, дабы те произвели обыск на бензоколонке в Хунквера.

Покончив с этим, он с нескрываемым любопытством стал расспрашивать ребят о деталях их расследования.

— Просто фантастика! Школьники, которые приехали в Руссийон на каникулы, накрыли банду торговцев наркотиками! Как же вам это удалось?

Тут он посмотрел на Кафи — славный пес лежал на боку, и было хорошо видно, что шерсть у него на животе выстрижена.

— Что это с вашей собакой?

— С нее-то все и началось, — пояснил Сапожник. — Эти гады подстрелили нашу овчарку Мы решили выяснить, кто поднял руку на Кафи... вот так и вышли на след.

— Просто фантастика! — повторил сержант.

В этот момент жандармы вывели из леса обоих преступников.

— Сажайте их в машину! — распорядился сержант. — Мы их допросим в Перпиньяне.

Повернувшись к ребятам и бородачу, он бросил:

— Поезжайте за нами! Нам нужны ваши показания.

— Прямо сейчас? — спросил Стриженный.

— Времени терять нельзя. Это дело чрезвычайной важности.

— Но мы хотели бы предупредить нашу подругу, которая осталась в доме бригадира Нуло.

— Разве это возможно?

— Конечно! — ответил Тиду, вынимая уоки-токи.

Сержант сдвинул брови.

— Как? У вас тоже незаконный передатчик?

— Вполне законный! — воскликнул Стриженный. — Он зарегистрирован и имеет свой номер! Без нашего уоки-токи сегодняшняя операция не состоялась бы.

Сержант улыбнулся. А Стриженный, взяв аппарат у Тиду, возбужденно проговорил:

— Алло, Мади! Алло, Мади! Это я, Стриженный, ты меня слышишь?

— Слышу тебя хорошо! Как дела?

— Потрясно! Обоих типов взяли! Благодаря тебе полиция подросла вовремя. Да, это контрабанда наркотиков! Кафи нашел стержень. Бригадир Нуло уже вернулся?

— Только что пришел. Он стоит рядом со мной.

— Успокой его! Честь мундира не пострадала! Негодяи просто выдавали себя за таможенников! Жаль, что не могу все тебе рассказать, мы должны ехать в Перпиньян. Полиции нужны наши показания.

— Минутку, я передаю трубку господину Нуло, он все слышал.

— Да, это потрясно... то есть потрясающе! — вскричал таможенник. — Ах, мои юные друзья! Если бы я знал, как много вам удалось раскопать! А контрабанда, которую вы прятали у меня во дворе! Совершенно невероятная история, слово каталонца! До конца жизни буду помнить!

ЭПИЛОГ

12 сентября газета «Голос Руссийона» вышла с шапкой

«БАНДА ТОРГОВЦЕВ НАРКОТИКАМИ ЗА РЕШЕТКОЙ!»

Наш корреспондент сообщает из Перпиньяна:

«Мы уже рассказывали, как несколько юных лионцев со своей овчаркой Кафи помогли задержать пре-

ступников, выдававших себя за таможенников. Бандиты останавливали на автостраде номер девять туристов, которые даже и не подозревали, что в их машине спрятаны наркотики.

В настоящее время уже арестованы двое сообщников на автозаправке в Хунквера и раскрыта вся сеть поставщиков. Главарь банды только что схвачен с поличным в Барселоне — в тот момент, когда получал «товар», доставленный на корабле. Обнаружено несколько килограммов наркотиков. Контрабанду перевозили через Пертский перевал в течение нескольких месяцев.

На первый взгляд может показаться странным, что наши таможенники проморгали подобное преступление. Все дело в том, что обнаружить намагниченный стержень под днищем машины практически невозможно. Контрабандисты оказались очень изобретательны: они использовали только старые автомобили марки «симка», где отсутствует металлический брус, поддерживающий карбюратор. Полый стержень с наркотиками по внешнему виду и размерам ничем не отличается от этого бруса — вот почему никто не обращал на него внимания.

Вчера наши репортеры побывали в Морея, чтобы взять интервью у молодых лионцев. К несчастью для нас, они уже отправились в Испанию вместе со своей овчаркой, которая полностью оправилась от раны. Бригадир таможенников Нуло также отсутствовал, поскольку дежурил в этот день на Пертском перевале. Нас очень любезно приняла его супруга. Она долго рассказывала нам о «ребятишках» и очень сожалела, что они уехали, хотя чрезвычайно радовалась их успеху.

В общем, все хорошо, что хорошо кончается. Кстати, компания из квартала Круа-Русс одним выстрелом

убила двух зайцев. Во-первых, ребята избавили от возможных неприятностей молодого парня из Лиона, машиной которого воспользовались бандиты. Во-вторых, они щедро отблагодарили своих гостеприимных хозяев. Как нам стало известно, бригадир Нуло получает повышение за проявленную расторопность и бдительность — как вы помните, именно он вызвал полицию с Пертского перевала. Теперь его переводят в Перпиньян, где у семейства Нуло имеется небольшой домик.

Еще раз поздравляем славную компанию из Лиона и желаем ей веселых каникул в Испании...»

**ТАЙНА
ЧЕЛОВЕКА
В ПЕРЧАТКЕ**

ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ

Как-то раз, в ноябре, Сапожник не пришел в школу. Мы очень удивились. Сапожник редко пропускал уроки. Он был не из тех, кто любит утром поспать и остается в постели при малейшем насморке. К тому же ухаживать за ним было некому: его мать с утра до вечера работала на заводе.

— Подождем, — сказал мне Корже (мой сосед по парте), — может, он еще придет после большой перемены¹.

Однако когда в два часа все возвратились в школу, а Сапожника по-прежнему не было, наше удивление уже переросло в неясное беспокойство. Сапожник ростом был меньше всех в нашей компании, зато один из са-

¹Во французских школах большая перемена продолжается около двух часов; за это время многие ученики успевают сходить домой пообедать (*Примеч. пер.*)

мых заводных. Вдруг с ним что-нибудь случилось? Мы решили, что когда вечером отправимся гулять, обязательно зайдем к нему и узнаем, в чем дело.

Сапожник жил на маленькой улочке, кривой, словно ветка дуба. На первом этаже его дома находилась сапожная мастерская. Собственно говоря, именно из-за нее Сапожник и получил свое прозвище. На самом деле фамилия его была Жерлан.

Когда мы добрались до его дома, на улице уже стемнело. В коридоре, тянувшемся вдоль мастерской, было темно, как в погребе. Мы тихо поднялись по истершимся от времени ступеням. Квартира находилась на втором этаже, как раз над сапожной мастерской. Сапожник жил вдвоем с матерью; отца он потерял уже давно.

Корже постучал в дверь, но ему никто не ответил.

— Может быть, он пошел с матерью в магазин, — предположил Бифштекс. — Припоминаю, он что-то намекал насчет нового пальто.

— Соображаешь, что говоришь, — возразил Стриженный. — В понедельник его мать работает, она не стала бы тратить вечер на магазины.

— А, ерунда, — отозвался Гий. — Раз дома никого нет — значит, и беспокоиться не о чем; и он, и его мать здоровы.

Однако я все же постучал еще раз — посильнее. Приложив ухо к двери, я прислушался. Ничего... кроме щебетанья канареек: у Сапожника в клетке жила пара этих птичек. Легонько подергав дверную ручку, я убедился, что дверь заперта на ключ.

— И все-таки вдруг что-то случилось, — сказал Корже. — Пойдем, поговорим с хозяином мастерской, может, он что-нибудь знает.

Тут распахнулась дверь соседней квартиры, и на лестничную площадку выскочила женщина. Увидев пя-

терых мальчишек, топчущихся возле запертой квартиры, она подозрительно спросила:

— Вы что здесь делаете? Вы же видите, что никого нет дома!.. Кого вам надо?

— Мы школьные товарищи Сапожника.

— Сапожника?

— То есть Луи Жерлана. Сегодня его не было в школе.

Эти слова успокоили женщину, и она с облегчением вздохнула.

— Ах, вы его товарищи! Бедняжка, вы и не увидите его. Утром его отвезли в больницу.

— В больницу? А что с ним?

Женщина недоуменно пожала плечами, давая понять, что ей ничего неизвестно.

— Не могу вам сказать. Ночью я слышала на лестнице чьи-то шаги, мужские шаги... И очень испугалась... Только потом я догадалась, что это были шаги врача. А около шести утра с улицы раздался шум, и я выглянула в окно. Перед подъездом стояла машина скорой помощи. Я только и успела заметить, как в нее погрузили носилки, а мать вашего товарища села рядом с шофером. В полдень я постучалась в дверь мадам Жерлан, но мне никто не ответил. К обеду она не вернулась, поэтому не знаю, что стряслось с вашим приятелем.

Я взглянул на друзей: как и я, они были совершенно растеряны.

— В какую больницу его увезли? — спросил Корже. Женщина снова пожала плечами.

— Говорю же вам, я больше ничего не знаю.

Самой ближайшей была больница Круа-Русс, расположенная по другую сторону холма. Скорей всего, Сапожника увезли именно в нее.

— Пошли туда, — предложил Бифштекс. — Даже если нас не пустят, все равно что-нибудь да узнаем.

На первом этаже мы зашли в мастерскую, чтобы расспросить о происшедшем хозяина. Узнав, что кого-то из подъезда увезла скорая, он очень удивился. Но сам он жил на пятом этаже, поэтому не удивительно, что он ничего не слышал.

В молчании мы направились к бульвару Круа-Русс.

— Бедный Сапожник, — вздохнул Бифштекс, — он был отличным другом.

Он сказал «был», словно с нашим товарищем случилось непоправимое несчастье.

— Заткнись, — тотчас оборвал его Корже. — Если бы с Сапожником произошел несчастный случай, если бы его сбила машина, его бы увезли в больницу прямо с улицы. Может, он просто почувствовал себя плохо, а мать разволновалась, вызвала врача, и тот отправил его в больницу на обследование.

— Скорее всего, — кивнул Стриженный. — Вчера, когда мы с ним расстались, Сапожник был в отличной форме. Так что наверняка ничего серьезного.

Хотя мы изо всех сил старались себя успокоить, тревога все нарастала. Стриженный прекрасно знал дорогу к больнице Круа-Русс. Там его вылечили от тяжелой болезни, из-за которой он и потерял свои волосы.

Мы свернули на бульвар, огибавший знаменитый холм Круа-Русс; внезапно я схватил за рукав шедшего рядом со мной Гия.

— Стой!

Впереди я увидел мать Сапожника. Она сошла с троллейбуса и теперь шла нам навстречу. Нас охватила паника: а вдруг с Сапожником действительно случилось что-то ужасное? И мы невольно шарахнулись в сторону и спрятались за углом ближайшего дома.

Мать Сапожника, не заметив нас, прошла мимо всего в нескольких метрах. Однако я успел разглядеть, что походка ее была уверенной, а взгляд — спокойным. В руках у нее была сумка с продуктами — судя по всему, довольно тяжелая. Наверное, после больницы купила еды к ужину.

Значит, мы зря прячемся по углам. Внезапно устыдившись нашей трусости, я первым выскочил на тротуар. Мать Сапожника только что свернула с бульвара на улицу, ведущую с холма вниз. Услышав топот наших ног, она обернулась.

— Мадам Жерлан, — с ходу начал Корже, — мы только что заходили к вам... Что случилось с нашим другом?

От неожиданности мать Сапожника опешила, но, узнав нас, облегченно вздохнула:

— Ох, ну и напугали же вы меня, ребята!

И продолжила:

— Все произошло совершенно неожиданно. Вчера вечером Луи, как обычно, вернулся из школы, а к вечеру стал жаловаться на живот. Вскоре живот у него разболелся так сильно, что мне пришлось уложить его в постель. Ночью его несколько раз вырвало. Я вызвала врача, и тот сказал, что у него острый приступ аппендицита. На рассвете приехала скорая, забрала Луи, и я поехала вместе с ним. Через час ему уже сделали операцию. Сейчас я только что от него. Он лежит неподвижно, но уже улыбается. Хирург обещает, что через две недели он будет скакать, как заяц... Но как же он меня напугал!

Мы поняли, что мать Сапожника обрадовалась, найдя в нас внимательных слушателей, переживающих вместе с ней за ее сына. В какую-то минуту у нее на глазах даже навернулись слезы, и у нас тоже.

Потом я спросил:

— Когда можно будет навестить его?

— Если бы это зависело только от него, вы уже завтра могли бы прийти к нему: он уже спрашивал о вас. Но медсестра несколько раз повторила: никаких посещений до четверга.

...Час был поздний, но после стольких волнений нам не хотелось расходиться.

— Пошли к Мади, — предложил Стриженный, — сообщим ей о болезни Сапожника, и сразу же успокоим, что уже все в порядке.

Мы согласились. Мади всегда переживала за нас. Без нее компания друзей из Круа-Русс была бы неполной. Весной Мади тяжело заболела и вынуждена была провести все лето в Провансе, в деревне Рейанетт, той самой, где я жил до того, как переехал в Лион. В школу она пока еще не ходила, но врачи уже разрешили ей гулять. Когда мы пришли к ней, она как раз села за уроки: подруги-одноклассницы приносили ей задания.

— Ах, бедный Сапожник, — вздохнула она. — Последний раз, когда я его видела, он чувствовал себя прекрасно! Хорошо, что вы пришли ко мне, когда самое страшное уже позади, а то я бы ужасно волновалась.

Больница находилась довольно далеко от дома Мади. И все же девочка попросила нас зайти за ней, когда мы отправимся навещать друга.

Было уже очень поздно, я бегом бежал по улице и, не снижая скорости, взлетел на шестой этаж. Заслышав на лестнице мой топот, верный пес Кафи встрепенулся, а когда я ворвался в квартиру, выскочил навстречу и, как обычно, вскинул лапы мне на плечи.

— Ты сегодня припозднился, — заметила мама, бросив взгляд на часы.

Однако по моему взволнованному лицу она тут же

догадалась, что случилось что-то непредвиденное. Когда я рассказал ей про аппендицит Сапожника, она принялась сокрушаться: Сапожник был ей очень симпатичен, к тому же она жалела его, потому что у него не было отца.

Вытащив из портфеля учебники, я попытался выучить уроки, но никак не мог сосредоточиться. Поняв, что я чем-то взволнован, мой славный Кафи подошел, положил морду мне на колени и вопросительно посмотрел на меня. Казалось, он спрашивал: «Ну что, Тиду, что у тебя случилось? У тебя неприятности? Нам опять кто-нибудь угрожает?»

Я ласково погладил его по голове.

— Нет, Кафи, — бодро произнес я, — просто мне немножко грустно, потому что Сапожника положили в больницу; но нам больше никто не угрожает.

Разумеется, я был уверен, что говорю правду. Однако я ошибался... Но кто бы мог подумать, что острый приступ аппендицита у нашего товарища станет для нас началом самого невероятнейшего приключения?

ЛУЛУ

В четверг было холодно, но солнечно. Воды обеих рек, Роны и Соны, ярко переливались на осеннем солнце. С трудом верилось, что стояла уже середина ноября.

Вернувшись домой после утренних занятий в школе, я пообедал и начал переодеваться. Кафи радостно прыгал вокруг меня. Он был уверен, что сейчас, как обычно по четвергам, мы пойдем гулять со всей компанией. Он скакал, радостно повизгивая и размахивая хвостом. Как же мне объяснить ему, что сегодня я не возьму его с собой?

— Послушай, Кафи, ты у меня отличный пес, но сегодня мы идем в больницу к Сапожнику... помнишь коротышку Сапожника, который, хоть и дразнил тебя, зато чаще всех угощал сахаром? Так вот, он попал в больницу. А туда собак не пускают.

И я быстро выскочил за дверь, оставив Кафи дома. Мы договорились встретиться как обычно у подножия холма возле лестницы Пиратов, в старой заброшенной ткацкой мастерской, которую прозвали «пещерой».

Все, кроме Бифштекса, были в сборе; Бифштекс влетел в дверь сразу следом за мной. Как и я, все были одеты очень аккуратно, словно собрались на какое-то торжество.

От лестницы Пиратов мы направились в сторону улицы От-Бют, где жила Мади. Наша маленькая подруга уже ждала нас во дворе перед домом. Она искренне радовалась, что может пойти вместе с нами навесит Сапожника, тем более что на улице светило яркое солнце, напоминавшее ей Прованс.

— А давайте купим Сапожнику подарок, — вдруг предложила она. — Что-нибудь такое, что ему понравится!

Ох, как же мы сами об этом не подумали! Ведь мы не меньше Мади любили нашего товарища. Впрочем, лучше поздно, чем никогда. И мы принялись рыться в карманах. Гий, большой любитель чтения, посоветовал подарить ему несколько комиксов. Но Корже засомневался: вряд ли через два дня после операции Сапожнику уже захочется почитать. Я предложил выбрать конфеты или пирожные.

— А ты уверен, что ему можно? — засомневался Бифштекс. — У моей старшей сестры вырезали аппендицит. Так она после операции больше недели сидела на диете.

— Тогда, — предложила Мади, — давайте подарим ему цветы. Я знаю, он их любит.

В самом деле, Сапожник любил цветы. Он часто забывал провести гребешком по своей черной, словно вороньи перья, шевелюре, зато всегда тщательно поливал герань, которую его мать выращивала на подоконнике. Он так старательно это делал, что однажды даже облил случайного прохожего, оказавшегося под окном.

Итак, мы решили подарить нашему другу цветы, но в ноябре цветов мало, и они дорогие. На те деньги, которые нам удалось наскрести, Мади сумела купить всего пять гвоздик. Зато каких гвоздик! И в какую красивую бумагу нам их завернули!

Взволнованные и смущенные, мы вошли в больницу. При виде такого нашествия, дежурный санитар скорчил выразительную гримасу.

— Нет, нет, не все сразу! Это вам больница, а не цирк!

Но Мади так старательно уговаривала его, что он, наконец, смягчился.

— Ладно, сегодня так уж и быть. Но в следующий раз приходите по одному.

И, заглянув к себе в журнал, произнес:

— Луи Жерлан, отделение В, второй этаж, в глубине коридора, палата № 3.

Мы молча шли по длинному белому коридору, по обеим сторонам которого располагались больничные палаты. Наконец на одной из дверей Гий увидел табличку с номером 3. Возглавлявший нашу компанию Стриженный отошел в сторону, пропуская вперед Мади.

Мы вошли в просторную палату. Вдоль стен с каждой стороны стояло по шесть совершенно одинаковых кроватей с маленькими белыми ночными столиками у

изголовий. Долго искать нам не пришлось: наш друг уже радостно махал нам рукой. Мы страшно обрадовались: хотя мы знали от его матери, что операция прошла успешно и Сапожник быстро поправится, мы все же побаивались, что застанем его в неважном самочувствии. Но все в порядке. Сапожник улыбался нам бодро и весело, хоть и был бледнее обычного.

— Не делайте похоронные физиономии, — закричал он нам навстречу, — видите, я уже почти поправился! Ох, как я ждал вас. Мама сказала мне, что вы придете. Я так боялся, что вас не пустят всех вместе. А тут вся команда в сборе. Ну и здорово!

Тут он заметил цветы:

— Ой! Цветы!.. Гвоздики... настоящие гвоздики, не бумажные. Откуда вы знаете, что я люблю гвоздики? Держу пари, это Мади! Но ведь в ноябре гвоздики наверняка стоят бешеных денег! Сейчас я позову сиделку и попрошу у нее вазу, чтобы их поставить. Здесь очень добрая сиделка, она часто задерживается поболтать со мной. Я рассказал ей про вас и про Кафи.

Устав от ходьбы, Мади присела на единственный стул, мы же, словно почетный караул, выстроились вокруг кровати. Мади стала расспрашивать Сапожника, очень ли ему было больно, и как заживает его шов.

— Да что ты! Это просто ерунда, а не аппендицит! Во-первых, когда делают операцию, ты ничего не чувствуешь, потому что спишь. А просыпаешься уже в кровати, как будто ничего не случилось, и сиделка ухаживает за тобой, словно за принцем. Сказка, а не болезнь.

Сапожник не бравировал. Дома он не был избалован вниманием. Его мать с утра до вечера работала на заводе, и у нее не оставалось времени заниматься сыном. Так что сейчас Сапожник чувствовал себя почти счастливым.

— Я страшно расстроился, что не смог предупредить вас, — сказал он. — Я знал, что вы будете волноваться, наверняка перепугаетесь... почти так же, как моя мама. Но я не виноват.

Сапожник говорил без остановки, словно хотел вознаградить себя за долгое молчание. Однако стоило ему улыбнуться, он начинал корчиться от боли.

— Не обращайтесь внимания, — сказал он. — Сиделка мне объяснила, что после аппендицита всегда так: когда смеешься, шов начинает тянуть... Как здорово, что вы пришли! Конечно, вам скоро придется уходить, я и опять буду умирать со скуки. Однако я не жалею; по сравнению с вон тем малышом мне просто повезло.

С этими словами он повернул голову влево. На соседней с ним кровати лежал ребенок лет восьми-девяти. И хотя мы говорили довольно громко, он, похоже, продолжал спать.

— Правильно, он спит, — подтвердил Сапожник, — он всегда спит после обеда, потому что ночью ему снятся кошмары, и он постоянно просыпается.

— Господи! — охнула Мади. — А что с ним? Тоже аппендицит?

Сапожник покачал головой.

— Нет, он упал с лестницы и поранил ногу о ступени. Похоже, что это серьезно. Каждое утро сиделка подолгу меняет ему повязку.

Я нагнулся, чтобы разглядеть лицо мальчика, скрытое густыми белокурыми волосами. Он был очень бледен; под глазами его залегли глубокие свинцовые круги.

— Его часто навещают? — спросила Мади.

— Нет, у его матери нет времени. У него четверо или пятеро братьев и сестер. Его отец работает далеко отсюда, где-то в Альпах, на строительстве плотины, и редко приезжает в Лион.

— Как его зовут?

— Луи, как и меня, но сиделка зовет его Лулу.

— А он тебе нравится? — снова спросила Мади. —

Вы с ним подружились?

Сапожник нахмурился.

— Понимаешь... сейчас я все объясню.

И приложив палец к губам, он сделал нам знак наклониться, словно собирался доверить нам страшную тайну.

— Все, что я вам рассказал, я узнал от сиделки. Сам Лулу не больно-то разговорчив. Разумеется, я в первый же день спросил его, что с ним; он ответил, что ударился во время игры, но когда я захотел узнать, как это случилось, бац!.. Я отлично понял, что он испугался моего вопроса. Сначала я подумал, что ему стыдно, что он такой неловкий и, как дурак, поскользнулся на ступеньках. Только потом я сообразил, что здесь что-то не так.

— И в чем же дело? — поинтересовался Бифштекс.

С таинственным видом Сапожник вновь приложил палец к губам.

— Именно это мне и хотелось бы узнать. Но слушайте дальше. Сегодня ночью я не спал и слышал, как он бредил вслух. Это был настоящий кошмар. За ним кто-то гнался, а он отбивался и кричал: «Нет, нет, клянусь, я ничего не скажу, ни за что на свете!»

— А, ерунда! — махнул рукой Стриженный. — Когда я болел, и у меня была высокая температура, я тоже бредил по ночам. Говорят, я нес жуткую чепуху.

— Согласен. Но когда сегодня утром, пытаясь его расшевелить, я рассказал ему, что он кричал сегодня ночью, он побелел как простыня. И, как и ночью, задрожал от страха! Похоже, он просто голову потерял от своих кошмаров. Он то и дело просил меня повторить,

слово в слово, то, что я слышал ночью. Постоянно переспрашивал, не прибавил ли я чего-нибудь. Это мне показалось странным. Положим, мне тоже иногда снятся кошмары, но когда я просыпаюсь, все проходит, и мне уже не страшно.

Улыбнувшись, Корже подмигнул Сапожнику.

— «Малыш», мы правильно сделали, что не принесли тебе полицейских романов; тебе и так всюду мерещатся тайны.

— Ну и пусть, — немного обиженно ответил Сапожник, — во всяком случае, я уверен, что здесь что-то нечисто... и...

Однако договорить он не успел; Лулу глубоко вздохнул и проснулся; лицо его было тревожно. Мади тотчас сменила тему разговора. Мы принялись рассказывать о Кафи. Бифштекс стал объяснять Сапожнику, как мы продолжаем тренировать пса, чтобы сделать из него настоящую полицейскую собаку. Мы даже не заметили, как пришла сиделка.

— Собирайтесь, пора прощаться, — сказала она вежливо, но твердо. — А то вы вконец утомите вашего товарища.

— Как, уже! — запротестовал Сапожник. — Они всего пять минут назад пришли!

— Пять минут, которые тянутся добрых полчаса. На сегодня вполне достаточно, в следующий раз они смогут остаться подольше.

Один за другим мы пожали слабую руку Сапожника. Прежде чем уйти, я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Лулу, и увидел, что Мади тоже внимательно разглядывает мальчика. Едва очутившись в коридоре, мы тотчас же принялись бурно радоваться по поводу скорого выздоровления нашего товарища. Еще бы, мы так боялись найти Сапожника унылым и подавленным!

— Здорово, — сказала Мади, — ему повезло, чего не скажешь о его маленьком соседе по палате. Мне так жаль этого бедного Лулу.

Помолчав, она продолжила:

— Что бы там ни говорили, но я согласна с Сапожником: эта история с падением с лестницы и кошмарами, мне кажется, заслуживает внимания.

— Как... и ты туда же, Мади?

Корже, Стриженный, Бифштекс и даже молчаливый Гий так громко расхохотались, что проходившая мимо сиделка властным жестом указала нам на выход.

Направляясь к двери, той самой, в которую мы входили, я не смеялся вместе с остальными: я усиленно размышлял. Ко мне повернулась Мади:

— А ты, Тиду, что на это скажешь?

Что сказать? Я был совершенно ошарашен. Возможно, мои товарищи и были правы, но я хорошо знал Мади: она часто догадывалась обо всем раньше нас. Если она поддержала Сапожника, — значит, она тоже что-то почувствовала.

РАССКАЗ ЛУЛУ

Сапожник быстро поправлялся. Теперь больница уже не казалась ему тем раем, каким представлялась в первые дни. Он скучал и только мечтал, чтобы поскорее вернуться домой и пойти в школу. Он считал дни и с нетерпением ожидал, когда же его, наконец, выпустят отсюда.

Но хотя наш приятель и рвался на волю, он ни на минуту не забывал о своем маленьком соседе по палате и переживал, что скоро им придется расстаться: Лулу не мог надеяться на скорую выписку.

Сапожник очень хотел подружиться с мальчиком. Он всячески развлекал его, давал ему журналы с картинками, рассказывал разные истории, восторженно расписывал Кафи.

Иногда, заслушавшись Сапожника, обладавшего истинным талантом рассказчика, Лулу, забыв о своих страхах, весело смеялся. Но нередко в самый разгар повествования он переставал слушать и тревожно озибался по сторонам. Тогда Сапожник говорил:

— Знаешь, Лулу, я тебя ни о чем не спрашиваю, но если тебя что-то беспокоит, — ты можешь довериться мне... Я никому ничего не скажу.

— Со мной все в порядке, — упрямо повторял Лулу.

И поворачивался к стене, давая понять, что разговор окончен.

Но за день до того, когда Сапожника должны были написать, секрет раскрылся.

Как только я вернулся из школы, мама ушла по делам, а я остался дома учить уроки и приглядывать за младшим братишкой Жео. Вдруг я услышал, как кто-то поднимается по лестнице. Кафи наострил уши. В дверь постучали. Вот это да! На пороге стояла Мади.

Она знала, на какой улице я живу, но еще никогда не была у меня дома. Ко мне ведь надо подниматься на шестой этаж! Что же заставило ее одолеть такой путь?

Войдя в кухню, Мади, задыхаясь, буквально рухнула на стул: подъем по лестнице дался ей нелегко. Кафи радостно прыгал вокруг нее.

— Сапожник не ошибся, — проговорила она.

Я тревожно смотрел на девочку. Лицо ее было необычайно серьезно.

— Ты что-то узнала про Лулу?

— Да. Во время игры никогда так не ударишься, так упасть можно, только убегая от кого-нибудь.

— Он что-то тебе рассказал?

— Мне давно казалось, что Лулу хочет поговорить со мной. Когда я приходила в больницу к Сапожнику, он уже не спал, как это было вначале. Как-то раз он даже сказал, что ждет меня. Он улыбался мне, брал меня за руку. Чтобы не расстраивать его, Сапожник не говорил, что скоро выписывается из больницы.

Сегодня после обеда я в последний раз отправилась в больницу: мне сказали, что хирург разрешил отпустить Сапожника домой. Когда Лулу узнал об этом, он страшно загрустил. Я даже не подозревала, как он привязался к нам! В глазах его блеснули слезы. И конечно, я обещала, что буду приходить к нему, даже когда Сапожник выйдет из больницы. Ох, Тиду, если бы ты только видел, как он обрадовался! Он был счастлив, схватил меня за руку, крепко сжал ее, но неожиданно отвернулся и тихо заплакал. Я поняла, что ему очень плохо, но он боится сказать нам, почему. Тогда я стала уговаривать его поделиться своим горем.

— Помнишь, Лулу, Сапожник говорил, что если у тебя что-то случится, мы постараемся помочь тебе. Ты нас знаешь уже давно. Поэтому не бойся, расскажи нам, чего ты так боишься.

Он не отвечал и продолжал плакать, спрятав голову под одеяло. Мы с Сапожником переглянулись. Что делать? Наконец Лулу выбрался из-под одеяла и снова схватил меня своей горячей рукой. Дрожащим голосом он сказал:

— Мади, ты очень добрая, ты обещала приходить ко мне, когда Сапожника выпишут... и я... я... хотел бы доверить вам один секрет... но обещайте никому ничего не рассказывать, слышите, никогда и никому!

— Обещаю, Лулу, все останется между нами.

Мальчик еще немного помолчал, а потом начал:

— Я никому этого не говорил... даже маме. Я поранился вовсе не во время игры!

Лулу вновь огляделся по сторонам, словно сожалел о том, что разболтался. Затем он притянул нас к себе и, убедившись, что сиделки поблизости нет, рассказал нам вот что.

Все случилось в прошлом месяце, на маленькой улочке, где живет Лулу. Играя с мячом, он нечаянно ударил по нему так сильно, что тот влетел в окно, расположенное почти над самым тротуаром; стекло, разумеется, разбилось. Мяч был совсем недавно подарен Лулу на день рождения, поэтому мальчик решил достать его. Разбитое окно находилось в нежилом подвале, и Лулу храбро полез туда. Протиснувшись в узкое отверстие, он очутился в давно заброшенном просторном складском помещении. Схватив мяч, он поспешил обратно, однако успел заметить, что вокруг в кучах старогохлама есть кое-что полезное: пустые мешки, старые ящики. Поэтому на следующий день он вернулся в подвал, намереваясь набрать там досок, чтобы смастерить себе тележку на колесиках.

В четверг он снова полез в подвал, только уже с молотком, гвоздями и клещами. И тут-то все и случилось. Едва Лулу спустился в подвал, как вдруг услышал за стеной чьи-то голоса. Он не испугался, так как решил, что это рабочие пришли осматривать помещение. Ему стало любопытно взглянуть на них. После долгих поисков он обнаружил в стенке щель, однако она находилась слишком высоко. Тогда он взял ящик, перевернул вверх дном, придвинул к стене и встал на него. Но в тот момент, когда он собирался заглянуть в щель, ящик не выдержал и с громким треском сломался. Лулу упал на пол.

— Неужели он так сильно поранился, падая с ящика?

— Нет, он даже не оцарапался, но, когда он поднимался, на пороге возникли два темных силуэта. Двое мужчин схватили его за руки, больно отхлестали по щекам, а потом принялись допрашивать: зачем он сюда явился, был ли он здесь раньше и чего ему вообще здесь надо. Выслушав его ответы, они сурово пригрозили, что если он хоть словом обмолвится, что видел их здесь, они найдут его, и тогда ему не поздоровится. При этом они немилосердно трясли его и несколько раз повторили свою угрозу.

Бедный Лулу! Рассказывая об этом, он так дрожал, что кровать его просто ходуном ходила! Повернувшись к двери, он, похоже, ждал, что сейчас там появятся эти двое неизвестных и накажут его за то, что он все рассказал. Когда незнакомцы, наконец, отпустили Лулу, он, обезумев от страха, вылез из подвала и пустился бежать. Вот тогда-то он и поранил себе ногу. Сбегая по выщербленной лестнице улицы Алуэтт, он оступился и упал, ударившись об острый угол ступеньки; на этой лестнице его и нашли без сознания.

Мади помолчала.

— Вот что мы узнали от Лулу, — со вздохом произнесла она. — И мне захотелось поскорей рассказать обо всем тебе. Бедный Лулу! Теперь мне понятны его ночные кошмары. Уходя от него, я была совершенно потрясена. Как можно помочь ему, что сделать, чтобы он перестал бояться? Как ты думаешь, когда у него заживет нога, пройдут его страхи? Знаешь, я обязательно буду навещать его, но больница далеко от моего дома, и я не могу ходить туда каждый день... Да и сумею ли я убедить его, что опасность миновала?

Я пообещал Мади, что по четвергам и воскресеньям мы тоже будем навещать мальчика. Но неплохо бы самим выяснить, что же все-таки на самом деле произош-

ло в подвале. Поведение двух неизвестных показалось мне очень странным. Откуда такая злость? Они действительно схватили Лулу и угрожали ему, или же он просто сильно испугался и от страха выдумал эту историю, а потом сам в нее и поверил?

— Правильно, — согласилась со мной Мади, — надо самим во всем разобраться.

Она встала и собралась идти домой. Мне очень хотелось проводить ее, но я не мог оставить маленького брата одного. Уже дважды его заставляли за опасным занятием: вскарабкавшись на стул, он пытался открыть окно и высунуться на улицу.

Всю ночь меня преследовали кошмары. На следующее утро я встал раньше, чем обычно, потому что хотел до начала уроков поговорить с товарищами. Но из-за дождя все прибежали в последнюю минуту. Бифштекс даже едва не опоздал, и ему пришлось со всех ног мчаться на свое место.

Наконец наступила долгожданная перемена; я созвал всех и увел в самый дальний угол школьного двора, где и рассказал, зачем вчера ко мне приходила Мади. На этот раз никто больше не смеялся: похоже, дело действительно принимало серьезный оборот. Только Бифштекс рискнул пошутить, заявив, что Мади всегда обладала «даром ясновидения»; однако никто не поддерживал его шутку.

Все, даже Корже, согласились со мной: ничего нельзя принимать на веру. Рассказ Лулу нуждается в проверке. Нам следует самим осмотреть пресловутый подвал. Но мы не знаем, где он находится! Только Сапожник может помочь нам отыскать его. А так как он уже вернулся из больницы, то мы решили сразу после занятий отправиться к нему.

Когда мы пришли к Сапожнику, тот удобно сидел в

кресле возле окна и, насвистывая, наблюдал за канарейками. Он был еще слаб и бледен, однако очень доволен, что, наконец, вернулся домой. Мы быстро пересказали ему все, что узнали от Мади, и он полностью подтвердил ее рассказ.

— Я был уверен, что здесь кроется какая-то тайна! — торжествующе завершил он.

И тотчас добавил:

— Если бы мне разрешили выходить на улицу, я бы давно отправился на поиски подвала!

После ухода Мади он еще раз обстоятельно расспросил Лулу, где же на него напали таинственные незнакомцы. Но то ли Лулу боялся, что мы найдем подвал, то ли действительно забыл, где он. Описания мальчика были весьма расплывчаты. Единственное, что Сапожник понял точно, — злополучный подвал находится в одном из домов короткого тупика, выходящего на улицу Алуэтт; пожалуй, это не в нашем квартале. К счастью, Гий всегда носил в портфеле старый план Лиона. Он разложил его на столе, и мы начали искать, один за другим, мы исследовали все кварталы, кроме нашего. Внезапно палец Корже остановился где-то между Соной и Роной. К нашему великому удивлению, улица Алуэтт оказалась возле церкви Бон-Пастер, то есть в самом центре Круа-Русс. Видимо, это была очень небольшая малолюдная улочка, поэтому мы ее и не знали.

К сожалению, мы никак не могли отправиться туда сразу после уроков: на дворе быстро темнело, а идти с фонариком — значит заранее привлекать к себе излишнее внимание. Так что мы решили дождаться следующего четверга. К тому времени Мади собиралась снова побывать у Лулу; может быть, ей удастся узнать еще что-нибудь интересное.

— К тому же, — заявил Сапожник, — в следующий

четверг я, скорей всего, тоже пойду с вами. Доктор сказал, что уже скоро разрешит мне выходить на улицу.

Во всяком случае, ни слова Лулу! Он ничего не должен знать о нашем плане. Зачем лишний раз тревожить его?

План города все еще лежал на столе, когда неожиданно вернулась мать Сапожника. Волнуясь, что сын целый день сидит дома один, она постаралась закончить работу на час раньше. Увидев нас, она обрадовалась: решила, что мы пришли рассказать Луи школьные новости и объяснить домашние задания. Пока мама Жерлан хлопотала на кухне, Гий поспешил убрать карту обратно в портфель. Мы же дали слово Лулу: никто, кроме нас, не должен знать его секрет.

Выйдя вечером из подъезда Сапожника, мы, прежде чем расстаться, крепко пожали друг другу руки. Все молчали, но каждый чувствовал, что скоро произойдет нечто необычное.

ТАИНСТВЕННАЯ ПЕРЧАТКА

— Главное, — напомнили мне друзья, — не забудь взять с собой Кафи!

Как будто бы Кафи не был полноправным членом нашей компании! Впрочем, если я забуду о нем, он сам о себе напомнит. Разумеется, когда я каждое утро, зажав портфель под мышкой, отправляюсь в школу, он знает, что ему нельзя идти со мной, но увидев, как я направляюсь к двери с пустыми руками или с корзинкой для продуктов... Ах! что за радость!.. он вертится волчком, прыгает, лает и наконец ложится перед дверью, всем своим видом давая понять, что если я не возьму его с собой, то он просто не выпустит меня из дома.

Итак, я взял с собой своего замечательного пса, строго наказав ему не лаять на лестнице, чтобы не вызвать неудовольствия консьержки.

Как обычно мы договорились встретиться у подножия холма возле лестницы Пиратов. Мои товарищи уже стояли у входа в нашу «пещеру», все, кроме Сапожника! Бедняга Сапожник! Мы с трудом отговорили его от участия в этой экспедиции; для него она могла закончиться весьма плачевно, ведь он еще не совсем окреп после операции.

— Ладно, уговорили, — обреченно проговорил он. — Пока вы там ходите, я посплю, чтобы время пролетело быстрее... Только чур сразу ко мне, расскажете, что вы там нашли.

Перед экспедицией мы еще раз поговорили с Лулу. И чем больше мы обдумывали его рассказ, тем странней он нам казался. Мы чувствовали, что нас ожидает совершенно необыкновенное приключение; однако пока речь шла всего лишь о том, чтобы найти улицу Алуэтт и подвал, куда случайно забрался Лулу. На всякий случай Бифштекс захватил с собой веревку, словно мы собирались спускаться в настоящую пещеру. Стриженный притащил фонарик со свежей батареей. Корже тоже отыскал старый фонарь. По нашим многозначительным взглядам Кафи сразу понял, что речь идет не о простой прогулке по набережной Роны. Перестав носиться, он уселся и принялся тревожно озиаться по сторонам.

Благодаря плану Гия мы быстро отыскиали улицу Алуэтт, о существовании которой до сих пор даже не подозревали.

— Идем тихо! — напомнил Корже. — Не стоит привлекать к себе внимание.

Обогнув холм, мы вскоре заметили табличку: улица

Алуэтт. Честно говоря, сначала мне показалось, что здесь находятся исключительно бандитские притоны. Но, разумеется, я ошибся. Это была обычная улочка, круто взбегавшая на вершину холма. Половину ее составляла лестница с широкими каменными ступеньками, а половину — залитая асфальтом дорога; многие улицы Лиона, расположенные на склоне холма, устроены именно так. Мы медленно взбирались по ступенькам, изо всех сил стараясь делать вид, что просто гуляем. Днем все на работе, поэтому вокруг никого не было.

— А вот и наш тупик, — шепнул мне на ухо Корже, указывая на проход под широкой аркой.

В самом деле, ошибиться было невозможно: другого тупика поблизости не было. Под низкими сводами арки постоянно царили сумерки.

— Все верно, здесь и упал несчастный Лулу, — заметил Бифштекс.

Пройдя под аркой, мы вышли на свет. С обеих сторон высились старые дома с узкими окнами. Нижние окна были расположены почти вровень с улицей. Внезапно Стриженный указал пальцем на небольшое оконце с разбитым стеклом.

— Уверен, это здесь!

Сгрудившись возле окна, мы долго смотрели на него; потом вперед пропустили меня и Кафи.

— Слушай, Кафи, слушай! — приказал я.

Кафи замер, насторожив уши. Несколько минут он сосредоточенно прислушивался, затем повернулся и вопросительно посмотрел на меня. Это означало, что все в порядке, и теперь он спрашивал, что ему делать дальше. У Кафи очень тонкий слух, ему можно доверять.

— Отлично, — заявил Корже, — лезем в подвал. Только кто-то должен остаться сторожить нас.

Как обычно, вызвался Гий. Ему очень нравится стоять на карауле. Он быстро достал из кармана книжку и губную гармонику.

— Вот видите, — засмеялся он, — я обо всем подумал. Пока вы будете обследовать подвал, я посижу на ступеньках и почитаю. Если замечу что-нибудь подозрительное, сыграю вам песенку.

Еще раз оглядевшись, Корже ловко, словно кошка, соскользнул вниз. Мы с Кафи последовали за ним. Последними влезли Бифштекс и Стриженный.

Мы очутились в просторном подвальном помещении, настоящем погребе со сводчатым потолком. На полу в беспорядке валялись старые ящики, доски, огромные круглые чурбаны, предназначавшиеся, по словам Корже, для намотки шелка. Как и в нашей «пещере», здесь наверняка когда-то размещался склад. Стараясь не шуметь, мы осторожно пробирались между досок. Вдруг Стриженный обнаружил молоток. При свете фонаря мы принялись рассматривать находку.

— На нем нет ни следа ржавчины, — сказал Стриженный, — значит, он валяется здесь недолго. Конечно же, это молоток Лулу.

— Значит, — заключил Бифштекс, — подвал действительно тот самый.

Мы продолжали поиски. Стриженный, отец которого был каменщиком, сам тоже разбирался в кладках, поэтому он двигался вдоль стены, время от времени постукивая по ней кулаком.

— А вот и перегородка, — сообщил он. — Послушайте, как изменился звук.

Луч фонаря заскользил по перегородке: мы искали щель, через которую Лулу хотел заглянуть в соседнюю комнату.

— Вот она, — заявил Бифштекс... — И прямо под ней валяются обломки ящика — того самого, на котором стоял Лулу.

Стриженный, как самый высокий из нас, встал на цыпочки и прильнул к щели.

— Ничего не вижу, тьма кромешная. Там, наверно, вообще нет окон.

Немного поразмыслив, он добавил:

— Однако в тот день, когда сюда забрался Лулу, свет там был.

— Откуда ты знаешь? — спросил Корже.

— Щель очень узкая. Если бы за стенкой не было света, Лулу ни за что бы ее не нашел, у него не было фонарика.

— Точно, — поддержал его Бифштекс, — в соседней комнате горел свет... да и не удивительно, ведь там же кто-то был.

Итак, все наши наблюдения подтверждали правдивость рассказа Лулу. Однако Корже все еще сомневался. Яростно потирая затылок, он размышлял.

— И все же тут явно не сходятся концы с концами, — бормотал он. — По словам Лулу, незнакомцы появились сразу после того, как он свалился с ящика. Но как они сюда проникли? Если предположить, что они вышли на улицу, а потом влезли в окно, то для этого им понадобилось бы довольно много времени.

Замечание Корже было небезосновательно. В самом деле, у этого подвала, похоже, нет дверей.

— Невозможно, — отрезал Стриженный, — домов без дверей не бывает: даже в подвале наверняка есть какая-нибудь дверь.

Та же самая мысль одновременно пришла в голову и нам с Бифштексом. Ринувшись к груде ящиков, сложенных в глубине, возле самой перегородки, мы без труда

разгребли эту кучу. И не зря! За ящиками скрывалась дверь. Значит, именно отсюда и появились незнакомцы, набросившиеся на Лулу.

— Посмотрите на царапины на полу, — показал Бифштекс. — Они совсем свежие, а, значит, ящики двигали недавно.

Затаив дыхание, мы стояли, потушив фонари и прислушиваясь. Осторожно приоткрыв дверь, я заглянул в темноту... и отправил на разведку Кафи.

— Ищи, Кафи, ищи!

Собака пару раз обежала темное помещение и молча вернулась ко мне, ни разу не заворчав: обычно, когда Кафи обнаруживал что-то непонятное, он принимался отрывисто глухо лаять.

Мы снова включили фонарики. Соседнее помещение было гораздо чище предыдущего. Не было ни разбросанных досок, ни старых мешков, ни чурбанов. Нигде ни следа паутины. Вдоль стен выстроились старые этажерки, на полках которых не было и следа пыли. В глубине стояли козлы, поверх которых лежала толстая доска; сооружение напоминало столярный верстак. Так как здесь не было окон, мы решили, что прежде эти два помещения составляли единое целое; свет проникал сюда сквозь окна первой комнаты.

С правой стороны находилась лестница из трех ступеней, ведущая к двери с железными засовами. Мы попытались открыть ее, но безуспешно: она была заперта на ключ. Нагнувшись, я заглянул под дверь, но ничего не увидел. Скорей всего, она выходила в коридор, ведущий к входным дверям дома.

— Интересно, — любопытствовал Стриженный, — как долго пустует этот подвал?

И сам себе ответил:

— Видимо, с того самого дня, когда неизвестные

напали на Лулу. Вероятно, он был последним, кто приходил сюда.

— Откуда ты это взял? — спросил Корже.

— Не знаю. Но мне кажется, что неизвестные, которые были здесь, когда сюда явился Лулу, испугались неожиданного вторжения и смотали удочки. Нашли другое место, чтобы обдѣлывать свои делишки.

— Какие делишки?

Все молчали. Мы могли только гадать, а разгадка наверняка была самая неожиданная.

Пока мы обменивались гипотезами, Кафи обежал подвал, вернулся и ткнул мне в ногу. В зубах у него была зажата какая-то тряпка.

— Смотрите, что нашла собака! Перчатка!

Друзья сгрудились вокруг Кафи. Действительно, это

была старая лайковая перчатка, вся грязная... скорей всего, мужская. Я попросил Кафи показать, где он нашел ее.

— Где ты ее взял, Кафи, покажи!

Он повел меня к двери и уткнулся мордой в угол под лестницей. Значит, перчатку потерял один из тех незнакомцев, что схватили Лулу.

— Конечно, если бы мы хоть кого-нибудь подозревали, этой находке цены бы не было... Но мы же ничего не знаем.

— Спрячь-ка ее к себе в карман, — заметил Стриженный, — может, еще пригодится.

Мы тщательно обыскали подвал, но не нашли ничего интересного, разве только несколько гвоздей и винтиков, застрявших между половицами.

— Тут больше нечего делать, — заявил Корже. — Однако теперь, когда мы побывали на месте происшествия, надо, чтобы Мадди еще раз поговорила с Лулу. Думаю, он еще не все рассказал. Пока ясно только одно: он действительно влез в подвал через окно.

Вернувшись в первую комнату, мы старательно сложили ящики так, как они лежали прежде. Выглянув в разбитое окно, мы увидели Гия; он сидел на ступеньках и читал. Заметив нас, он махнул рукой, показывая, что путь свободен, и мы можем вылезать.

Друг за другом мы выбрались из подвала.

— Ну, что-то нашли? — спросил Гий.

— Нет! — ответил Бифштекс. — А ты? Ты что-нибудь заметил?

— Когда вы спустились в подвал, под аркой появился мальчишка лет четырнадцати. Успокойтесь, он вас не видел. Потом он исчез, а через некоторое время показался снова, на этот раз с пакетом под мышкой. Он прошел мимо меня и остановился возле чьей-то двери,

и вначале я решил, что это рассыльный. Но проследив за ним, я заметил, что он только сделал вид, что позволил. Потоптавшись на пороге, пацан повернул обратно. Поравнявшись со мной, он замедлил шаг, словно собирался остановиться. Похоже, хотел заговорить со мной. Но на всякий случай я уткнулся в книжку, и он прошел мимо.

— А может, он шпионил за нами? — заволновался Бифштекс.

— Не думаю. Просто он видел, как мы поднимались по улице Алуэтт, и ему стало любопытно, зачем мы сюда пришли. Представляю, как он удивился, увидев вместо нас пятерых одного меня.

Разочарованные результатами экспедиции, мы, как и было обещано, поплелись к Сапожнику.

У него мы застали Мади. (Они жили на соседних улицах.) Девочке тоже не терпелось узнать, удалось ли нам что-нибудь найти.

— Давайте говорите! — торопила нас она.

Мы подробно рассказали о нашем походе.

— Как видите, — заключил Корже, — Лулу сказал правду. Мы нашли подвал, щель, через которую он пытался подглядеть, что происходит в соседней комнате, обломки ящика, на который он вскарабкался. А вот что касается угроз, тут совсем другая история. Эту тайну разгадать будет нелегко.

— Ты прав, — вздохнула Мади. — Но теперь мы хотя бы знаем, что страхи Лулу имеют под собой реальную почву. Раз он действительно спускался в подвал, то вполне можно предположить, что ему там кто-то угрожал.

И быстро добавила:

— А если угрожали, то наверняка с какой-то целью. Вряд ли неизвестные хотели поугадать Лулу. Завтра я

пойду к нему в больницу. Успокойтесь, я ничего не скажу ему о вашей экспедиции, только попробую выяснить у него еще какие-нибудь подробности. Кстати, мне кажется, хорошо бы узнать, где он живет.

— Правильно, — поддержал ее Бифштекс. — Это первое, что у него надо спросить.

Но Гий был настроен скептически.

— Нам это ничего не даст. Если те, кто угрожал Лулу, занимаются в подвале темными делишками, мы вряд ли сумеем им помешать. Все, что мы можем сделать, — это предупредить полицию.

Мади яростно запротестовала:

— Нет, только не полицию, по крайней мере, не сейчас. Мы обещали Лулу никому ничего не рассказывать. А полиция тут же захочет его допросить. Его засыплют вопросами, и он совсем впадет в панику.

Сапожник полностью поддержал ее.

Лукаво улыбаясь, он сказал:

— Знаем мы этих полицейских. Они считают, что детей и слушать нечего. Каждый раз, когда нам пришлось иметь с ними дело, они всегда подшучивали над нами.

Сапожник и Мади были правы. Лулу и так в ужасном состоянии, а полицейские могут совсем его доконать.

Пока мы спорили, обступив кресло Сапожника, Кафи засунул морду ко мне в карман, порывшись там и вытащил найденную в подвале перчатку. Зажав в зубах добычу, он, гордо вскинув голову, принялся важно разгуливать по комнате.

— Ой, перчатка! — воскликнула Мади и подскочила к Кафи.

— Отдай, Кафи, отдай.

Она взяла перчатку и принялась изучать ее.

— Да брось ты ее, — произнес Корже. — Просто ста-

рая грязная перчатка; Кафи нашел ее в подвале возле лестницы. Ничего интересного.

Но Мади не слушала его.

— Это мужская перчатка... перчатка на правую руку...

Внезапно выражение ее лица изменилось.

— Посмотрите! Вы ничего не заметили? У нее же всего четыре пальца!

Мади аккуратно разложила перчатку на столе, мы склонились над ней. Действительно, у перчатки было четыре пальца; пятый, указательный, был срезан почти до основания, и дыра старательно зашита. Значит, на руке хозяина этой перчатки не хватало указательного пальца. Вот это открытие!

— Ух ты! — воскликнул Стриженный, подбрасывая в воздух свой берет. — Ну и молодец Мади! А мы-то смотрели и ничего не заметили. Уверен, эта перчатка с чертенья пальцами нам еще очень пригодится!

МАГАЗИН «ГАЗЕТЫ — СИГАРЕТЫ»

У перчатки было всего четыре пальца! Мы тут же решили, что напали на след преступника. Но потом сообразили, что в таком большом городе, как Лион, наверняка немало людей с ампутированным указательным пальцем... а если даже такой человек всего один, то как отыскать его среди множества других людей?

Время шло, а Лулу все еще лежал в больнице. Его рана заживала медленно, настроение же и вовсе не улучшалось. Он выглядел подавленным, постоянно тревожно озирался, его беспрестанно мучили ночные кошмары.

Мы навещали его, однако старались приходить по одному: завидев нашу команду в полном составе, де-

журный санитар неодобрительно ворчал. Лулу всегда был рад нас видеть. Он рассказывал нам о своей семье, о братьях и сестрах. Мы узнали, что он живет рядом с улицей Алуэтт, в старом доме, который скоро пойдет на снос, так же как и мой. Сапожник научил его играть в домино, и мы сыграли немало партий. Иногда, когда нам казалось, что он забыл о своих страхах, мы снова пытались расспросить его, что же случилось в тот день, когда он попал в больницу. Но едва ему напоминали об этом, как он хмурился и начинал прощаться. При этом он по несколько раз повторял нам:

— Пожалуйста, только никому не говорите; если «они» об этом узнают, «они» мне отомстят.

За это время Мади смогла навестить его только один раз. Ей еще было трудно подниматься по крутым городским улицам, она быстро уставала. Однако Мади мальчик доверял больше всех. Именно ей он сообщил, что в комнате неизвестных горел яркий электрический свет. А еще он вспомнил, что у одного из них был очень противный голос, совершенно гадкий.

И вот во вторник Мади опять отправилась в больницу. Вернулась она оттуда совершенно потрясенная.

— Я вышла из палаты, — сбивчиво начала она, — как вдруг меня окликнула сиделка Лулу. «Я заметила, что с тобой он разговаривает охотней всего. Может быть, ты знаешь, почему по ночам его мучают кошмары?» Вот ужас, я так растерялась от такого вопроса! Я покраснела, и чуть было не рассказала. К счастью, вовремя опомнилась. Не вдаваясь в подробности, я ответила, что после падения Лулу все время снится, как за ним кто-то следит, кто-то гонится, и убедить его, что это только сон, совершенно невозможно. Тогда сиделка сказала, что врачи серьезно опасаются не столько за ногу Лулу, сколько за состояние его психики. «Он от-

казывается есть, а когда его уговаривают, заявляет, что не хочет выздоравливать и возвращаться домой», — завершила она.

Это известие потрясло нас. Мы привязались к Лулу, изо всех сил хотели ему помочь, но не знали как. Только в одном мы были уверены: если нам удастся раскрыть загадку подвала и двоих незнакомцев, то мальчик успокоится и быстро поправится.

Так, может, нам все же обратиться в полицию или для начала сообщить обо всем его матери или врачам в больнице? Но Мади энергично запротестовала.

— Нет! Пока мы ничего толком не знаем, не следует выдавать его тайну. Все, что мы можем сделать, это приходить к нему почаще и стараться отвлекать его от мрачных мыслей.

Наконец мы решили, что пора вновь навестить на улицу Алуэтт. Разумеется, мы ни на что особенное не надеялись, просто всем хотелось хоть что-нибудь сделать для Лулу.

Поход был назначен на следующий четверг, однако если в прошлый раз мы вышли сразу после обеда, то теперь, зная дорогу, мы решили дожидаться темноты, чтобы остаться незамеченными. К сожалению, Сапожник и на этот раз не смог пойти с нами. После трех недель, проведенных в помещении — сначала в больнице, а потом дома, — он в воскресенье первый раз вышел погулять и сразу подхватил сильный насморк. Теперь он кашлял, и мать уложила его в постель.

— О, как мне не везет! — стenal он, картинно дергая себя за вихры. — Не хватало еще, чтобы вы подумали, что я трус! Когда пойдете обратно, сразу сворачивайте ко мне, жду вас с нетерпением.

Ни он сам, ни уж тем более мы даже не подозревали, какую службу сослужит нам насморк Сапожника.

В этот день было холодно, пожалуй, даже слишком холодно. Иней, покрывавший все вокруг, растаял, и воздух был пропитан холодной влагой, отчего одежда моментально отсыревала; это была настоящая лионская зима, совершенно непохожая на зиму в Провансе.

Около пяти часов, когда густые сумерки окутали улицы, мы покинули нашу «пещеру» возле лестницы Пиратов. На всякий случай я сунул в карман четырехпалую перчатку, найденную Кафи.

Когда мы добрались до улицы Алуэтт, уже зажглись уличные фонари. Мы не собирались задерживаться в подвале, мы просто хотели посмотреть, не побывал ли там кто-нибудь со времени нашего последнего посещения. Гий снова вызвался покараулить. Из-за холода он не стал, как в прошлый раз, сидеть на ступеньках, а принялся расхаживать взад и вперед возле окна.

Мы влезли в подвал. Там ничего не изменилось. Гора ящиков высилась на прежнем месте. Дверь во второй комнате была по-прежнему заперта на ключ. По углам ее пауки успели сплести паутину — свидетельство того, что после нашего прихода ее никто не открывал.

Когда мы выбрались на улицу, Гий, высоко подняв воротник пальто, вприпрыжку прогуливался перед подвалом. В этот раз он не видел никаких мальчишек, только какая-то старушка любезно спросила его, не ищет ли он кого-нибудь и не требуется ли ему помощь.

Пора возвращаться, тем более что по дороге надо еще зайти к Сапожнику. Тут Бифштекс указал нам магазинчик, расположенный на углу улицы Алуэтт и соседней с ней, названия которой мы не знали. Там продавали газеты, журналы, сигареты, почтовые марки и прочую полезную мелочь.

— Сапожнику нечего читать, может, купим ему какой-нибудь журнал?

В крошечном магазинчике под вывеской «Газеты — сигареты» было все, чего только можно пожелать в подобного рода торговом заведении. В витрине за стеклом блестели обложки иллюстрированных журналов.

На улице было очень холодно, и мы вошли все вместе. Сидевший за прилавком хозяин смерил нас недоверчивым взглядом. Вторжение сразу пятерых мальчишек ему явно не понравилось.

— Закрывайте дверь! — прикрикнул он. — Что вы хотите?

Корже указал пальцем на комиксы и журналы для детей.

— Смотрите побыстрее и не трогайте другие журналы.

Выбирать было трудно, так как журналов с картинками для детей было очень много.

— Вот это понравилось бы Сапожнику, — сказал Гий, указывая на обложку журнала про животных, — он любит зверей, но, это, наверное, дорого.

Все начали лихорадочно рыться в карманах. Доставая из кармана пальто монетку, я нечаянно зацепил найденную Кафи перчатку, и она упала прямо под нос псу, протиснувшемуся внутрь вместе с нами. Решив, что я предлагаю ему поиграть, Кафи схватил перчатку и, высоко подняв голову, закружил по магазинчику. Я попытался остановить его, но Кафи не слушался. Разъяренный хозяин выскочил из-за прилавка, явно намереваясь выгнать нас вон, но внезапно выражение его лица изменилось.

— О! — воскликнул он, — что это? Перчатка?

Корже, не потерявший присутствия духа, ответил вместо меня:

— Старая тряпка, кто-то выбросил ее, а собака откопала в какой-то мусорной куче.

— Какая умная собачка! — воскликнул хозяин. —
Ваша?

Затем, нагнувшись, он протянул руку к Кафи:

— Покажи-ка мне твою находку, умная собачка, покажи!

Кафи недоверчиво прижал уши к голове и глухо заворчал.

— Ну, давай же, хорошая собачка, — настаивал хозяин, — я не заберу твою игрушку, мне просто хочется посмотреть... На прошлой неделе я как раз потерял перчатку... -

— Но эта, разумеется, не ваша, — неожиданно выскочил Бифштекс, — эта вообще никому не подходит, у нее не хватает...

Ну вот, осталось только добавить: «...у нее не хватает пальца», однако наш друг вовремя спохватился.

— Она очень грязная, — неуверенно завершил он.

— Пустяки! Грязная — можно постирать, — заметил хозяин, стараясь подойти поближе к Кафи, рычавшему все более угрожающе.

Мне пришлось вмешаться.

— Не подходите к собаке, она может вас укусить.

Хозяин отдернул руку. Впрочем, боясь, что у него отберут его игрушку, Кафи метнулся ко мне, проскользнул у меня между ног и забился под журнальную стойку. Тогда хозяин вернулся к себе за прилавок, Гий протянул ему собранные нами деньги. Хозяин сосчитал их и вернул ему сдачу.

— Вы ошиблись, — произнес Гий, — дали мне лишнее.

— Ах да, — всплеснул руками хозяин, — и где только была моя голова? К счастью, я имею дело с честными мальчиками.

Громко расхохотавшись, он раскурил трубку (потратив на это три спички), затем спросил нас, как мы учимся и где живем.

Его интерес к старой перчатке показался нам подозрительным. Мы поспешили покинуть магазинчик.

Когда мы уже порядочно отошли от магазинчика, я обернулся и увидел, что дверь в нем открыта и хозяин, не обращая внимания на холод, стоит на пороге и пристально смотрит нам вслед.

За первым же поворотом мы остановились обсудить случившееся.

— Что вы думаете об этом типе? — спросил Стриженный.

— Пустяки! — махнул рукой Корже. — Когда мы все к нему ввалились, он, конечно, не обрадовался, но мы оказались настоящими покупателями, поэтому он снова стал любезным; все торговцы такие.

— Мне наплевать на его любезность, я не могу по-

нять, почему он так заинтересовался перчаткой, — возразил Стриженный. — Он даже вышел из-за прилавка, чтобы взглянуть на игрушку Кафи. Разве это не странно? И с чего бы он так возбудился, узнав, что это всего-навсего старая перчатка?

— Ясно одно, — завершил Корже, — перчатка эта не его. У него на руках все пальцы... вдобавок такие толстые и огромные, что они ни за что не влезут в эту перчатку.

— Да, конечно, — согласился Стриженный. — Кстати, он успел рассмотреть, что у перчатки не хватает одного пальца. Кафи держал ее за кончик, и пальцы торчали во все стороны. Мне кажется, этот тип знает, кому она принадлежит. Неужели вы считаете, что он вылез из-за прилавка только ради того, чтобы полюбоваться на старую перчатку, пусть даже свою собственную?

— Ты прав, — поддержал его Бифштекс, — он слишком суеуслен. Мне даже показалось, что он готов стерпеть укус Кафи, лишь бы только заполучить перчатку.

Затем он повернулся ко мне:

— А ты, Тиду, что скажешь?

— Не знаю, узнал ли этот тип перчатку, но он ошибся, отдавая сдачу, мне это показалось крайне странным. Видимо, он и в самом деле был взволнован, тем более что когда ему указали на его ошибку, он рассмеялся несколько громче, чем бывает в таких случаях... Кстати, заметили, сколько он нам задал вопросов? Просто уйму! И зачем ему знать, где мы живем? А помните, когда мы вышли из магазина, я обернулся и увидел, что он стоит на пороге и смотрит нам вслед, словно хочет запомнить, в какую сторону мы идем...

Стоя посреди улицы, мы оживленно обменивались наблюдениями; внезапно Гий толкнул меня локтем,

призывая к молчанию. Кивком головы он указал нам мальчишку, который, насвистывая, шел по противоположной стороне тротуара. Когда мальчишка прошел мимо, Гий прошептал:

— Тот самый парень, который крутился на улице Алуэтт, когда я караулил. Похоже, он нас узнал.

— Может быть, он просто живет здесь поблизости, — заметил Корже. — Ничего удивительного, что мы снова его встретили.

Однако Гий энергично возразил:

— Готов руку дать на отсечение, он появился тут не случайно; наверняка он хочет вызнать, что мы тут делаем. Пока мы спорили, я краем глаза наблюдал за ним. Заметив нас, он мгновенно остановился, постоял немного и только потом пошел дальше. Интересно, почему он не повернул обратно? Значит, решил следить за нами.

— Это легко проверить, — сказал Бифштекс. — Давайте спрячемся где-нибудь и посмотрим, что он будет делать.

Неподалеку от нас проходил один из тех знаменитых лионских проходов между домами, которые называют трабулями. Старые кварталы города буквально пронизаны такими ходами. В эти своеобразные узкие коридоры едва проникает свет.

Я схватил Кафи за поводок, и мы ринулись в трабуль, начинавшийся в нескольких шагах от нас.

Ждать пришлось недолго. Внезапно в проеме показалась тень.

— Это он! — прошептал Гий.

В трабуле было темно, и мальчишка не мог нас разглядеть. Немного постояв, он огляделся по сторонам, потом неуверенно шагнул в нашу сторону, но, оказавшись в кромешной тьме, отступил назад. Тогда мы крадучись двинулись вперед и так дошли до угла улицы.

Там мы ~~вновь увидели~~ подозрительного подростка; тот шел, озираясь по сторонам, словно чего-то ждал или кого-то искал.

— Вот видите, — не унимался Гий, — он следил за нами. А сейчас соображает, куда мы подевались.

Мы и сами были не прочь последить за назойливым мальчишкой, однако время было позднее и в такой час мы не хотели сталкиваться с ним нос к носу. Итак, переполненные впечатлениями, мы дружно помчались к Сапожнику — рассказать о происшествии в магазинчике и о неожиданной встрече с подозрительным мальчишкой с улицы Алуэтт.

ПИСЬМО

Мы выбежали из школы. На бульваре гуляла какая-то девочка; приглядевшись, я узнал хрупкую фигурку Мади. Поджидая нас, она ходила взад и вперед по тротуару. Мы знали, что сегодня после обеда она собиралась в больницу к Лулу, однако никто не думал, что потом она зайдет к нам в школу.

Неужели опять какие-то новости?

Печальный вид девочки говорил о том, что дела идут плохо.

— Мы хотели помочь Лулу, — начала она, — но мне кажется, что мы только вредим ему.

Что она хочет этим сказать?

— У него плохо с ногой? — заволновался Корже.

— Нет, с ногой все в порядке... А вот со всем остальным гораздо хуже. Он получил письмо... от неизвестных из подвала; они угрожают ему и напоминают, что он обещал молчать.

— Как? Они знают его имя и адрес?

— Видимо, да, раз письмо доставили прямо в больницу. Вы только подумайте! Лулу больше всего боится этих негодяев, ему даже вспомнить о них страшно. Так что представляете, в каком настроении я его застала. Письмо пришло сегодня утром. Его принесла сиделка, разносившая больным почту. К счастью, Лулу не стал распечатывать его при ней. Он решил, что письмо от нас, но когда вскрыл его, то сразу понял, кто авторы. Нам просто повезло, что я пришла к нему именно сегодня. Я ничем не могла его успокоить, и мне вдруг пришла в голову одна мысль. Я стала убеждать Лулу, что письмо и в самом деле написали мы — захотели подшутить над ним, чтобы потом вместе посмеяться над его страхами... Я пообещала ему еще много таких посланий, сказала, что мы договорились писать ему, чтобы он не скучал.

— Ты здорово придумала, Мади. Если надо, будем писать ему каждый день. Только что он тебе ответил?

— Он очень обрадовался. Я просидела у него больше часа, и когда я уходила, он был почти спокоен, во всяком случае, перестал плакать от страха... но подозреваю, когда он остался один, ему снова стало страшно, а, значит, ему по-прежнему будут сниться кошмары.

— Ты видела это письмо? — спросил Стриженный. — Что в нем было?

— Он показал мне его тайком от сиделки... Более того, я уговорила его отдать мне это письмо, чтобы вы убедились, что оно действительно дошло. Оно у меня в кармане, но идемте отсюда, здесь слишком много народу.

И она решительным шагом двинулась вперед, вдоль забора строительной площадки. Когда, наконец, мы отошли подальше от школы, она вытащила из кармана пальто конверт.

— Читайте!

Это был обычный желтый конверт, на котором крупными печатными буквами синим карандашом был выведен адрес:

**АУЛУ БУРГЕ
БОЛЬНИЦА КРУА-РУСС
АЦОН**

Внутри лежал простой листок белой бумаги. Той же рукой, что и адрес, и тем же карандашом большими печатными буквами было выведено:

ПРИДЕРЖИ ЯЗЫК... БЕРЕГИСЫ

И, разумеется, без подписи. Листок переходил из рук в руки. Ближился вечер, мы подносили лист совсем близко к глазам, словно пытались вычитать там еще что-нибудь.

— А конверт был проштемпелеван? — спросил Бифштекс.

— Да, в почтовом отделении Бротто. Печать очень ясная. Письмо было отправлено вчера вечером в 18 часов 30 минут.

Квартал Бротто находится на другом берегу Роны, довольно далеко от Круа-Русс.

— Увы, — вздохнул Бифштекс, — это письмо нам мало что дает. Тот, кто отправлял его, вряд ли живет в Бротто. Просто он ловко запутывает следы, вот и все.

Воцарилась долгая тишина. История становилась гораздо более серьезной, чем мы думали.

— Я с вами прощаюсь, — произнесла Мади, — мне пора домой. Оставьте письмо у себя.

Мы предложили проводить ее.

— Нет, — быстро ответила она, — я сама дойду до дома... Держите меня в курсе дела.

И скоро ее фигурка растворилась во тьме.

— Пошли к Сапожнику, — предложил Корже, — и там спокойно все обсудим.

Сапожник сидел на кухне и играл в карты с воображаемым партнером. Увидев письмо с угрозами, он просто обалдел. Затем его охватил праведный гнев, направленный против негодяев, смеющихся угрожать больному малышу. Каждый раз, когда Сапожник бушевал, он начинал рвать на себе волосы. Вот и теперь он дергал себя за вихры, приговаривая:

— Ах, мерзавцы, ах, негодяи!

Начатый на бульваре спор продолжился. Наконец все согласились с тем, что письмо не случайно было отправлено через день после нашего похода на улицу Алуэтт.

— Лулу уже месяц в больнице, — начал Бифштекс. — Почему неизвестные из подвала ждали так долго, чтобы возобновить свои угрозы? Мне кажется, они послали это письмо потому, что испугались. Кого? Скорей всего нас, раз больше никто не знает тайны Лулу.

— Значит, — подхватил Стриженный, — наше появление на улице Алуэтт не осталось незамеченным. Кто нас выследил? Ответ прост: хозяин магазинчика. Он увидел перчатку с четырьмя пальцами и забил тревогу.

— А может, и не он, — промолвил Гий. — Вы забываете о мальчишке, который там вертелся. Оба раза, когда мы ходили на улицу Алуэтт, он явно следил за нами.

Конечно, автором письма мог быть и хозяин магазинчика, и подозрительный мальчишка. Но что они хотели этим сказать? Неизвестные бесследно исчезли из подвала. Чего им теперь бояться? И откуда они знают имя Лулу? Кто им сказал, что он в больнице?

Мы с Сапожником придумали самое простое объяснение. Неизвестные знают Лулу, потому что живут с

ним в одном квартале. А значит, следует продолжить поиски именно вокруг улицы Алуэтт.

Мы так увлеклись своими догадками, что совершенно забыли о времени. Неожиданно раздался оглушительный звон. Это был будильник Сапожника; наш друг поставил его на шесть утра, но тот почему-то сработал в шесть вечера.

Уже шесть! Давно пора прощаться и расходиться по домам, а мы так ничего и не решили! Пожимая друг другу руки, мы условились встретиться завтра перед началом уроков на бульваре Круа-Русс.

Этой ночью я спал плохо. Лулу с его письмом никак не выходил у меня из головы. Интересно, действительно ли малыш поверил выдумке Мадии?

Слыша, как я ворочаюсь с боку на бок, Кафи, спавший на старом коврикe рядом с моей кроватью, несколько раз вскакивал, подбегал ко мне и клал голову мне на одеяло, ожидая, когда я засну.

Проснулся я рано утром. Взяв чистый лист бумаги, я, как просила Мадии, написал коротенькое письмо Лулу и положил его в конверт. К сожалению, у меня не было почтовой марки, а по дороге в школу нет ни одного магазина или киоска, где бы их продавали. К тому же у меня совсем не осталось денег. Поэтому пришлось попросить марку у мамы.

— Зачем тебе марка? — удивилась мама. — Кому это ты собираешься писать с утра пораньше?

Я рассказал, что мы решили писать Лулу в больницу, чтобы ему не было так одиноко. В подтверждение своих слов я показал ей конверт с адресом.

— Интересно! — воскликнула она. — Неплохая мысль! Написать адрес печатным буквами... совсем как в гангстерских фильмах. Там всегда так пишут, когда автор письма хочет, чтобы его не узнали!

Я покраснел, но не выдал секрета Лулу.

На бульваре мы все появились одновременно. И какой сюрприз нас ждал! Наконец-то явился Сапожник. Хотя насморк его еще не прошел, он решил пойти в школу.

Я показал свое письмо к Лулу. Остальные тоже написали мальчугану. Итак, Лулу получит сразу шесть писем.

— Погодите, — сказал Бифштекс, — зачем так много? Сложим шесть листков в один конверт, так мы сэкономим марки для следующих писем.

В эту ночь все, как и я, плохо спали.

— Жаль, что мы больше не можем появляться на улице Алуэтт, — вздохнул Корже. — Нас наверняка узнают, и Лулу получит новое письмо с угрозами.

— Простите! — вмешался Сапожник. — Вы забыли, что я никогда там не был. Так что мне ничто не мешает продолжить наше маленькое расследование. Вообще-то нам повезло, что я подхватил и аппендицит, и насморк. Впрочем, ради ключа к решению этой загадки я готов заболеть чем угодно, даже корью или скарлатиной.

Так мы дошли до дверей школы.

БОЛЬШОЙ РИКЕ

Мы писали Лулу почти каждый день, всегда выводя адрес печатными буквами.

Когда у нас было время, мы для разнообразия отправляли письмо из другого квартала. Так что, похоже, нам действительно удалось убедить Лулу, что и первое письмо тоже написали мы.

Тем временем расследование продолжалось, точнее,

его продолжал Сапожник. Я нашел для него превосходный предлог, чтобы появляться в лавке «Газеты — сигареты». Теперь каждый день после школы он шел на улицу Алуэтт, заходил в магазинчик и покупал газету, всегда одну и ту же, словно выполнял поручение родителей.

Когда Сапожник первый раз пришел туда, хозяин сидел за прилавком и о чем-то оживленно разговаривал с покупателем. Воспользовавшись этим, наш друг внимательно осмотрел помещение, но ничего подозрительного не заметил. На следующий день он еще с порога увидел подростка, который под руководством хозяина раскладывал свежие газеты. Сердце Сапожника учащенно забилося. Он не сомневался ни секунды: судя по описанию Гия, это был тот самый парень, который дважды шпионил за нами. Подросток был высок, почти одного роста со Стриженным, только гораздо худее; у него были впалые щеки и светлые волосы, густыми прядями падавшие ему на глаза. Обращаясь к нему, хозяин называл его Рике.

Это открытие нас не особенно удивило. Напротив, все стало на свои места: значит, владелец лавочки и этот Рике члены одной шайки. С одной стороны, это упрощало дело. Но теперь уж точно никто из нас, кроме Сапожника, не мог появиться в магазинчике незамеченным.

На следующий день Сапожник, как обычно зайдя в «Газеты — сигареты» за свежей прессой, решил подольше задержаться там, в надежде что-нибудь разведать. Отойдя в сторону, он принялся листать журналы. Прошло довольно много времени, прежде чем в лавочку заглянул еще один покупатель. Мужчина купил пачку сигарет и тут же вышел.

— Знаешь, все-таки очень странно, — рассказывал

потом мне Сапожник, — что хозяину такой крохотной лавчонки требуется помощник. В большом магазине, где все время толпятся покупатели, ну, вроде как на площади Терро, — это я понимаю! Но здесь, в самом глухом углу Круа-Русс! Допустим, хозяин уже не молод, нет прежнего проворства, болят ноги... да мало ли еще чего... И все равно: зачем брать помощника в такой крошечный магазин?

— А почему бы тебе не спросить об этом у Рике? — предложил Бифштекс. — Он уже не раз тебя видел, ты вполне можешь заговорить с ним.

— Думаешь, я сам не догадался? — с обидой с голосе ответил Сапожник. — Просто я жду, когда хозяин выйдет: мне бы остаться с ним вдвоем. Хотя не уверен, что мне удастся что-нибудь вытянуть из этого парня: у него довольно угрюмый вид. Когда хозяин к нему обращается, он отвечает только «да» или «нет», и больше ничего. Впрочем, если он влип в историю, он наверняка всегда начеку.

— А ты все-таки попробуй, — настаивал Корже, — а там посмотрим по обстоятельствам.

Случай представился уже на следующий день. Когда Сапожник пришел за газетой, Рике был в магазинчике один; он сидел за кассой на месте хозяина. «Малыш» обычно легко сходилась с людьми; вот и теперь он с самым дружелюбным видом подошел к Рике.

— Везет тебе, — протянул он, — работа непыльная, сиди себе и бесплатно почитывай журнальчики...

Вместо ответа подросток равнодушно пожал плечами.

Не смутившись, Сапожник продолжал:

— Когда я окончу школу, я тоже найду какую-нибудь работу, вроде твоей — чтобы меня там не гоняли целыми днями.

Парень снова пожал плечами, но все же изволил открыть рот.

— Это как сказать... приходится и побегать.

— А куда тебе бежать?

— Каждое утро надо разнести газеты абонентам... А еще замещать за кассой хозяина, когда тот отлучается из магазина.

— А твой хозяин часто отлучается?

Мальчик подозрительно взглянул на Сапожника, на его скулах заиграли желваки.

— А тебе какое дело? Хозяин не любит, когда я болтаю с покупателями. Сам он очень серьезный человек. Держи, вот твоя газета!

Сапожнику оставалось только удалиться. Когда он пришел к нам, он был так зол на самого себя, что даже стал заикаться.

— Я вел себя, как последний идиот! Захотел узнать все сразу! Для начала надо было просто познакомиться с ним, поговорить о какой-нибудь ерунде. Я сам все испортил.

Дружески хлопнув его по плечу, Стриженный успокаивающим тоном заявил:

— Не бери в голову! В следующий раз, когда опять увидишь его одного в магазинчике, не приставай к нему. Тогда на третий раз Рике сам с тобой заговорит. Не забывай, ты покупатель, а любой коммерсант обязан угождать своим клиентам.

Но на следующий день события приняли совершенно неожиданный оборот. Было воскресенье. Мы не видели Лулу уже целую неделю, и решили навестить его всей компанией, рассчитывая, что Мади сумеет уговорить сурового санитаря пропустить нас. Мади, разумеется, отправилась с нами. Всю неделю она неважно себя чувствовала, не выходила из дома и за это время

успела очень соскучиться по своему маленькому приятелю.

Чтобы Мади не делать лишний крюк, мы договорились встретиться на смотровой площадке, именуемой Крышей Ткачей; она расположена на холме, откуда открывается великолепный вид на город. Погода стояла прекрасная, а для начала зимы ее можно было назвать даже теплой. Сидя на парапете, мы так заболтались, что чуть не пропустили часы посещения. К счастью, когда мы добрались до больницы, посетителей еще пускали. Войдя в вестибюль, мы сразу заметили, что нашего недруга-санитара нет на месте, а его напарник не только не сделал нам замечание, но даже не счел нужным обратить на нас внимание.

Когда мы шли по длинному коридору, нас окликнула сиделка, ухаживавшая за Лулу.

— Очень хорошо, что вы не забываете своего маленького друга. Я знаю, вы пишете ему письма, чтобы развлечь его, но он гораздо больше радуется, когда видит вас, чем когда получает ваши письма.

— А как он себя сейчас чувствует? — спросила Мади.

— Нога его почти зажила, рана больше не нагнаивается, но бедняжка так плохо ест! Его мать ничего не понимает: она утверждает, что до этого злосчастного падения у него был превосходный аппетит. Доктор не знает, что и думать... Надеюсь, что ваш приход пойдет ему на пользу. Мне кажется, у него уже кто-то сидит, но это ничего, вам он всегда рад.

Сиделка проследовала дальше. Мы подошли к палате № 3. Гий галантно распахнул дверь, пропуская вперед Мади. Внезапно он переменялся в лице и замер, сделав нам знак остановиться. Возле кровати Лулу стоял незнакомый мальчик, наш ровесник, может, даже немного постарше.

— Рике, это Рике, — прошептал Гий.

И закрыл дверь. Что делать? Повернуть обратно?

— Идите, — сказал Сапожник. — Вас он не узнает.

А мы с Гиём спустимся вниз и подождем вас на улице.

Со времени нашего последнего посещения в палате сменилось много больных. Но Лулу лежал на своем прежнем месте. Увлеченный разговором с Рике, малыш не заметил наших маневров. Подросток стоял у его изголовья, лицом к нам. Сначала я удивился, как это он не узнает нас, но потом сообразил, что он же видел нас издали, на плохо освещенной улице, и действительно мог запомнить только Сапожника и Гия.

Рике был высок и угловат, Сапожник очень точно описал его. На нем была тесная курточка, рукава которой ему были явно коротки. В лице его не было ничего отталкивающего. Глаза смотрели грустно и задумчиво. Лулу радостно представил его нам.

— Мой сосед, — гордо сказал он. — Он уже не ходит в школу, и у него меньше свободного времени, чем у вас. Поэтому он только третий раз приходит ко мне... Правда, Рике?

Рике утвердительно кивнул; слабая улыбка, мелькнувшая на его губах, быстро исчезла.

— Правда, — сказал он, — и, надеюсь, последний. Тебя должны скоро выписать.

Лулу не ответил. Мы уже заметили, что ему не нравилось, когда с ним заговаривали о возвращении домой. В больнице он явно чувствовал себя в большей безопасности. Воцарилась гнетущая тишина. Внезапно Рике обратился к Лулу:

— Я, пожалуй, пойду... к тебе пришли... не скучай.

Он протянул маленькому больному свою длинную руку, кивнул нам и медленным размашистым шагом удалился, ни разу не обернувшись.

Мы наперебой принялись расспрашивать Лулу о мальчике, которого мы столь бесцеремонно спугнули. Однако Мади остановила нас и стала спрашивать Лулу о письмах: получал ли он на этой неделе наши послания? Интересно ли ему их читать? И он их больше не пугается, верно?

Увы, от сиделки мы уже знали, что страхи Лулу не уменьшились, чем дальше, тем они становились сильнее. Мальчик начал путать два события: встречу с неизвестными и падение с лестницы. Иногда ему казалось, что он не упал, а загадочные незнакомцы его толкнули. Мрачные фантазии его заходили очень далеко.

Мы не стали его переубеждать, а просто перевели разговор на другую тему: нам очень хотелось расспросить его о Рике. Почему он пришел навестить малыша?

— Давно ты его знаешь? — спросил Бифштекс.

— Очень, — ответил Лулу, — я всегда его знал, мы живем в одном доме.

— Вы с ним друзья? Вы вместе играете?

— Нет! Он гораздо старше меня и уже закончил школу. Когда он в первый раз пришел ко мне, я очень удивился.

— А когда это было?

— Почти сразу после того, как меня сюда положили.

— А второй раз?

Он задумался.

— Не помню... недели две назад, в пятницу или в субботу... да, в пятницу, точно, потому что по пятницам нам дают рыбу, а я не люблю ее и не стал есть. Тогда еще Рике рассмеялся и спросил, неужели я такой маленький, что не справляюсь с рыбьими костями.

— А ему ты тоже рассказал о неизвестных в подвале?

На лице Лулу отразился ужас. О нет, никогда!

И он подозрительно взглянул на нас.

— А почему вы об этом спрашиваете? Вы же раньше не видели Рике!

— Ну и что! Нам просто интересно, он же твой друг, и мы тоже.

Мади почувствовала, что пора прекращать этот неприятный для больного разговор, и тут же начала рассказывать что-то веселое. Впрочем, часы посещений уже подходили к концу, и мы стали прощаться. Внизу нас с нетерпением ждали Сапожник и Гий.

Итак, мы попрощались с Лулу и пообещали вскоре вновь прийти к нему. Гий и Сапожник, прятавшиеся за углом, пока Рике не вышел из больницы, теперь расхаживали перед самым входом. Вместе мы двинулись в обратный путь.

— А вы обратили внимание, — сказал Бифштекс, — что сначала Рике пришел навестить Лулу, как только тот попал в больницу, а потом — после того, как мы во второй раз побывали в подвале; тогда же мы впервые зашли в магазинчик «Газеты — сигареты»...

— И еще не забудьте, — перебил его Корже, — второй раз Рике пришел к Лулу в пятницу! А ведь по пятницам он обычно сидит на работе и торгует газетами-сигаретами!

— Вполне возможно, — поддержала его Мади, — что совпадения эти не случайны. Однако Рике пришел еще и сегодня, а ни вчера, ни позавчера ничего не случилось.

Единогласного объяснения появлениям Рике в больнице мы так и не нашли.

Устроившись на Крыше Ткачей, мы строили самые невероятные предположения и в конце концов решили, что Рике приходил не просто навестить приятеля, а еще с какой-то неведомой нам целью. Но что ему нужно? И кто посылал его?

Таким образом, дело еще больше запутывалось.

ПОГОНЯ В ТУМАНЕ

Обсудив со всех сторон неожиданную встречу в больнице, мы пришли к выводу, что Рике ведет двойную игру... но какую? Во всяком случае, правильно, что Сапожник и Гий не пошли вместе с нами к Лулу.

С этого дня, заходя в магазинчик «Газеты — сигареты», Сапожник еще внимательнее приглядывался к каждому покупателю, ловил каждое сказанное в лавочке слово. Хозяин был с ним любезен, как, впрочем, и со всеми прочими посетителями.

Рике же, напротив, разговаривал с ним сквозь зубы.

И все же Сапожнику удалось сделать ценное наблюдение. Дважды, стоя у подставки с журналами и перелистывая их, он видел, как из боковой двери магазинчика выходил Рике, ведя за собой велосипед; это означало, что он отправлялся куда-то далеко.

— Знаешь, — сказал мне Сапожник, — обычно рассылные складывают газеты в пачку и привязывают ее перед рулем, к багажнику. У велосипеда Рике спереди тоже есть багажник, но он им не пользуется. Свои две клеенчатые сумки он крепит сзади, сумки всегда переполнены. Уверен, он развозит не газеты... К тому же газеты развозят утром, ранним утром, и рассылные выезжают из дома с рассветом.

— И что ты хочешь этим сказать? — спросил Стриженный.

— А то, что нам надо выяснить, куда ездит Рике.

Мысль неплоха, но как ее осуществить? Для слежки за Рике у нас имелся всего один день — четверг, потому что, как выяснил Сапожник, по воскресеньям у Рике был выходной.

Но тут нам неожиданно повезло. Придя на следующий день в школу, мы узнали, что наш учитель забо-

лел. Он подхватил грипп. Раньше чем через неделю он вряд ли сумеет приступить к работе. А так как классы переполнены, директор разрешил нам эту неделю провести дома. Поэтому после обеда, несмотря на холод, мы собрались на Крыше Ткачей, где к нам присоединилась Мади.

— Все правильно, — сказала она, узнав о нашем замысле, — только все надо делать быстро. Каждый потерянный нами день — это еще одна кошмарная ночь для Лулу.

Чтобы не упустить Рике, а главное, чтобы он нас не заметил, мы решили разделиться. Двое отправлялись в засаду на улицу Кордельеров, одному предстояло наблюдать за улицей Алуэтт: на углу этих двух улиц и находился магазин «Газеты — сигареты». Теперь Рике от нас не ускользнет.

К несчастью, сегодня время для слежки уже ушло. Вдобавок мы давно не пользовались нашими старыми велосипедами, так что надо было хорошенько проверить их. Поэтому с Крыши Ткачей мы всей командой отправились в нашу «пещеру», где хранились разные нужные нам вещи. К вечеру велосипеды сияли так, что на них хоть завтра можно было стартовать в велогонке Тур де Франс.

Назавтра мы отправились выслеживать Рике. Моим напарником стал Корже. Кафи брать с собой я не стал. Конечно, Рике не мог узнать его, он же никогда не видел пса, но не исключено, что хозяин рассказал ему о случае с перчаткой. И потом, если нам вдруг понадобится преследовать Рике по центральным улицам, я буду волноваться, как бы Кафи не раздавила машина, когда он помчится за велосипедом.

Мы затаились в трабуле, том самом, где уже прятались. Вряд ли кто-нибудь нас здесь обнаружит. Под

сумрачными сводами гулял ледяной ветер, и мы стучали зубами от холода. Все утро Рике не показывался. В полдень мы все встретились в условленном месте. Никто не заметил ничего подозрительного. После обеда мы вновь отправились на свои посты, но все напрасно. Рике так и не появился.

— Рано еще отчаиваться, — заявил Корже, — завтра продолжим слежку.

Проснувшись утром, я увидел, что на город опустился густой туман. Было восемь часов, однако на улице царила почти ночная мгла. Мы уже добрались до улицы Кордильеров, а туман все еще не думал рассеиваться, его серая пелена окутывала верхушку холма, и в трабуле было темно, как в туннеле.

— Ну и погода! — ворчал Корже. — Мы тут окончательно закоченеем!

Однако долго ждать нам не пришлось. Не прошло и четверти часа, как я встрепнулся. На улице Кордильеров мелькнула тень: человек на велосипеде... Это был Рике!

Пока мы добежали до стены, где стояли наши велосипеды, вскочили в седло и вылетели на улицу, Рике уже исчез, скрылся в густом тумане. Из всех сил крутя педали, мы домчались до конца улицы, откуда дороги разбегались в форме буквы Т: одна узенькая тропинка вела обратно в Круа-Русс, другая сбегала вниз, к центру города.

— Он наверняка поехал в город, — крикнул мне Корже.

Мы повернули направо. Презрев туман, мы на полной скорости спустились с холма. Корже едва не сбил с ног старушку, переходившую через улицу с батоном под мышкой. Мне пришлось резко затормозить, чтобы не переехать огромного рыжего кота, прыснувшего у меня из-

под колеса так, словно у него были пружины вместо лап.

И вот, когда мы добрались до конца улицы, перед нами мелькнул красный огонек сигнальной фары над задним колесом велосипеда. Рике! Я узнал его длинную тощую фигуру. Он ехал осторожно, с зажженным сигнальным огнем. Впрочем, в такую погоду все водители обязаны включать дальний свет. Только бы регулировщики не заметили, что у нас с Корже нет ни одной фары!

Чтобы не потерять Рике из виду, нам пришлось ехать за ним почти вплотную. Он направлялся к площади Терро, самой красивой и всегда многолюдной площади Лиона. В сегодняшнем тумане мы с трудом различили украшавший ее монументальный фонтан, вокруг которого обычно разгуливают голуби.

— Будь осторожен! — бросил мне Корже. — Придется лавировать между машинами, и хотелось бы, чтобы нас не сбили.

Густой туман, еще гуще, чем в Круа-Русс, парализовал уличное движение в центре города. То там, то тут возникали расплывчатые силуэты прохожих и быстро растворялись в тумане. Велосипед Рике скользил сквозь плотный затор легко, как иголка. Дважды мы теряли его. На третий раз мы уже было решили, что упустили его окончательно, как вдруг Рике вынырнул у нас под самым носом и остановился на красный свет светофора. Подросток был так близко от нас, что я на всякий случай опустил капюшон, а Корже надвинул свою шапку-шлем на самый нос.

— Смотри! — прошептал Корже, указывая пальцем на набитые сумки Рике. — Сапожник был прав, он что-то развозит, но уж точно не газеты.

Во всяком случае, груз был явно очень ценным. Стоя на красном свете, Рике то и дело проверял, надежно ли застегнуты ремни сумок.

Наконец загорелся зеленый. Ряды машин медленно начали продвигаться вперед. Ну-ка, ну-ка, интересно! Свернет ли Рике направо, в самый центр города? Или поедет прямо? Последнее предположение оказалось верным: он направился прямо к Роне и доехал до моста.

— Внимание! — снова зашептал Корже. — Возле моста есть развилка, там расходятся в стороны три улицы.

Мы подъехали поближе. Возле самого моста опять загорелся красный свет. И снова, пока все стояли, Рике ощупывал сумки. Интересно, почему он так беспокоится за их содержимое?

Но вот взревели двигатели, и машины поползли дальше. Рике не свернул ни вправо, ни влево, на набережную, а продолжил свой путь прямо. Вскоре он въехал

на широкую оживленную улицу и покати́л по ней. Туман постепенно рассеялся, и теперь нам приходилось следовать за ним на значительном расстоянии. Нагнувшись к Корже, ехавшем рядом со мной колесо к колесу, я спросил:

— Как ты думаешь, куда он направляется? Центр остался далеко позади, еще немного, и мы выскочим за пределы города!

Внезапно Рике резко свернул направо, в узенькую улочку. Однако ехал по ней недолго. Последовав за ним, мы увидели, как он слез с велосипеда, достал из сумок два толстых пакета, уверенным шагом пересек улицу и, как человек, прекрасно знающий адрес, вошел в ворота дома.

Затормозив, мы с Корже соскочили с велосипедов. Я повернулся к товарищу:

— Видал, он все выгрузил из обеих сумок; похоже, больше никуда не поедет. Здесь нет одностороннего движения, значит, выйдя из дома, он поедет в обратном направлении. Поэтому нам надо спрятаться.

Корже согласился со мной. Рике мог появиться в любую минуту. Таща с собой велосипеды, мы прошли мимо дома, куда скрылся Рике. Это был старый четырехэтажный дом, фасад которого явно никогда не ремонтировался. На нем висел номер 23. Окна первого этажа, где обычно размещались магазины или мастерские, были заколочены. Дверь, куда вошел Рике, была приоткрыта, и за ней был виден довольно темный коридор. Возле кромки тротуара стоял велосипед Рике. Понятно, почему он не стал тратить время на застегивание сумок: заглянув в них, я убедился, что они пусты.

Миновав здание, мы увидели приткнувшийся возле тротуара грузовичок с фургоном и, не сговариваясь, решили спрятаться за ним, используя его вместо шир-

мы. Время шло; от тумана остались одни воспоминания. Я откинул назад капюшон.

— Странно! — размышлял вслух Корже. — Не может быть, чтобы клиенты такой захудалой лавчонки, как «Газеты — сигареты» жили так далеко от нее; мы отъезжали от Круа-Русс уже километра на три. Что может...

Внезапно он умолк на полуслове: на улице появился Рике. Мы с удивлением заметили, что под мышкой у него был один из двух таинственных пакетов. Подойдя к велосипеду, он положил пакет в сумку и тщательно застегнул ремни.

И тут начались неожиданности. Вместо того чтобы повернуть обратно, Рике сел на велосипед и поехал дальше.

— Ой, — вздрогнул Корже, — сейчас он проедет мимо.

Какая неудача! В это же самое время фургон, служивший нам укрытием, тронулся с места и быстро выехал на середину улицы. Бросив велосипеды, мы попытались скрыться. Поздно! Наш топот привлек внимание Рике. Выражение его лица резко изменилось. Он узнал нас! И, не задумываясь, развернулся и помчался обратно, изо всех сил крутя педали. Мы ринулись к нашим велосипедам, они стояли у кромки тротуара в нескольких метрах от нашего бывшего укрытия. К несчастью, в спешке я зацепился педалью за цепь Корже, и пока мы распутывались, Рике уже скрылся. В довершение всех неудач, когда мы домчались до конца улицы, перед нами загорелся красный свет, а стоявший впереди регулировщик остудил наше желание нарушить правила дорожного движения. Нам оставалось только ждать, терзаясь от бессильной ярости.

— Теперь нечего и пытаться, — махнул рукой Корже, — мы его не догоним.

Мы слезли с велосипедов; ноги у нас гудели. Мы в отчаянии озирались по сторонам. Винить было некого, кроме самих себя. Что скажут друзья, узнав, что мы упустили Рике?

Теперь нам остается только гадать, что возит Рике в своих сумках. Почему он взял с собой оба пакета, а потом один вынес обратно? Наверное, чтобы в его отсутствие кто-нибудь не украл оставшийся. Значит, в этом квартале у него есть еще один адресат, кому он должен доставить пакет. Потому он собирался ехать дальше. Уж точно, в этих пакетах, хоть и небольших, но, судя по всему, достаточно тяжелых, лежали не газеты.

Постепенно мы осознали, что сейчас нас меньше всего интересует содержимое свертков. Рике узнал нас! И понял, что мы следим за ним. Вернувшись в магазинчик, он сообщит об этом хозяину. Значит, завтра Лулу получит новое письмо с угрозами. А что мы можем сделать, когда нас разоблачили?

С тяжелым сердцем мы сели на велосипеды и медленно покатали к своим товарищам, которые там, на холме, все еще продолжали теперь уже бесполезное наблюдение.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Действительно, друзья были страшно разочарованы, но никто не упрекнул нас. Нам не повезло, и ничего тут не поделаешь.

Однако в результате нашей неудачной погони нам все же удалось кое-что выяснить: во-первых, адресаты Рике живут далеко от Круа-Русс; во-вторых, подросток очень беспокоится за свой груз. Бегство же его пос-

ле того, как он нас заметил, только укрепило наши подозрения относительно характера занятий его и хозяина лавочки «Газеты — сигареты».

К сожалению, теперь, когда Рике знает, что за ним следят, он, конечно, будет настороже. «Висеть на хвосте» у него станет делом весьма нелегким. Только Сапожник, которого Рике пока еще не заподозрил в дружбе с нашей командой, может попытаться проследить за ним.

Неожиданно на следующий день Сапожник совершенно случайно подслушал очень важный разговор. День только начинался. Сапожник пришел в магазин за газетой. Хозяин был один. Выбравшись из-за прилавка, он кряхтя расставлял в витрине газеты и журналы. Сапожник уже собрался попросить свою газету, как в лавочку вошел еще один покупатель: пожилой господин с бородкой и бутоньеркой.

— Смотрите-ка, господин Монье, — удивился он, увидев, как хозяин сам приводит в порядок свою витрину, — а где же ваш маленький помощник?

— Сегодня я работаю один.

И немного поколебавшись, хозяин добавил:

— Он ушел.

— Вы отослали его с поручениями?

— Нет, он совсем ушел; мы с ним расстались.

— Он плохо справлялся со своей работой?

— Кхм, как бы сказать... Похоже, что нынешним мальчишкам не по зубам ремесло разносчика газет. Они стали нежные, как кисейные барышни. Это он решил уйти от меня.

— И он бросил работу без всяких объяснений, не предупредив, не дав вам времени подыскать ему замену?

— Кхм... то есть... понимаете, когда вчера он заявил мне, что увольняется, я не стал его удерживать. Если люди работают через силу, от них не жди ничего хоро-

шего. Я расплатился с ним и сказал, чтобы он больше здесь не показывался.

— И правильно сделали, — согласился пожилой господин, — сразу видно, что вы человек дела.

С этими словами покупатель взял газету, положил деньги на стойку и вышел.

Во время разговора Сапожник делал вид, что с интересом читает журнал; на самом же деле он внимательно наблюдал за хозяином лавочки. И убедился, что, несмотря на бодрый тон, которым хозяин рассказывал об увольнении Рике, уход мальчика, равно как и расспросы пожилого господина, были ему крайне неприятны.

Узнав, что Рике ушел из магазина, мы страшно удивились. Каких только вопросов мы себе не задавали! Сделал ли это Рике добровольно? Или хозяин сам, без предупреждения уволил его? А может, они поссорились?.. Одно только было ясно: это случилось через несколько часов после нашей отчаянной погони за Рике по улицам Лиона. И это было по меньшей мере странно. Неужели снова совпадение? Простая случайность?

— Нет, — категорически отрезал Бифштекс. — Это не случайность.

Тем не менее внезапное увольнение Рике осложнило наше расследование. Разумеется, Сапожник по-прежнему может заходить в «Газеты — сигареты» за своей газетой, но вряд ли теперь ему удастся разузнать что-нибудь интересное.

Надо было как можно скорее сообщить обо всем Мади. Ей в голову часто приходили свежие мысли.

— Все это действительно очень странно, — заявила она, — но меня прежде всего волнует здоровье Лулу. Не удивлюсь, если после всего этого он вновь получит письмо с угрозами.

— Возможно, — согласился Стриженный, — но дело в том, что мы никак не можем этому помешать.

— Помешать... — вздохнула Мади. — Конечно, мы не можем помешать письму попасть в руки адресата, зато мы можем подготовить Лулу к получению этого письма, убедить его, что это мы написали. Беру это на себя: сегодня после обеда иду к нему в больницу. А вы продолжайте следить за Рике. Несмотря на разговор, подслушанный Сапожником, он вполне может продолжать работать на владельца «Газет — сигарет».

Мы со Стриженным вернулись к нашим товарищам. Чтобы не беспокоить родителей Мади, мы ходили к ней вдвоем; остальные ожидали нас в условленном месте. Все согласилось с мнением Мади. Общую встречу назначили на завтра: после обеда договорились собраться в «пещере».

Я пришел одним из первых, и снова без Кафи. Думаю, пес уже давно терзался загадкой, почему я вдруг перестал брать его с собой на прогулки и вообще занимался им гораздо меньше, чем обычно. Последним — с опозданием — примчался Гий. По просьбе больной соседки он бегал в аптеку, но с полудня до двух там перерыв, и ему пришлось ждать, когда она откроется. Захватив велосипеды, мы вышли из «пещеры». Тут нам опять не повезло: Сапожник заметил, что у его переднего колеса спущена шина. Пока мы ее накачивали, прошло больше четверти часа.

Наконец мы выехали на бульвар Круа-Русс. Мы уже знали, что Рике живет в том же доме, что и Лулу, и не раз ходили по их улице. Она пролежала совсем рядом с улицей Алуэтт и тянулась почти параллельно последней. Сбегая по отвесному склону холма, она выходила прямо на бульвар Круа-Русс. Эта улочка была так

узка и безлюдна, что нельзя было и надеяться пройти по ней незамеченными.

Мы решили разделиться на две группы и занять посты в противоположных концах улицы, попытавшись спрятаться среди домов.

Мы уже собрались расходиться, как вдруг Бифштекс остановил нас:

— Смотрите!.. Вон там!

Впереди показался Рике. Своей обычной расхлябанной походкой он направлялся к бульвару. Мы были достаточно далеко, поэтому вряд ли он нас заметил. Тем более что он шел, опустив голову. Он был так глубоко погружен в свои мысли, что, когда переходил на другую сторону бульвара, чуть не попал под машину.

— Черт побери, — внезапно воскликнул Корже, — он идет в сторону больницы!

В самом деле, перейдя бульвар, он пошел дальше по тротуару, а затем свернул в ту улочку, которая, как мы хорошо знали, вела прямо к больнице.

— Он идет к Лулу, мы должны помешать ему! — взволнованно заявил Стриженный.

Недолго думая он вскочил на велосипед и нажал на педали, мы ринулись за ним. Рике уже подходил к больнице, когда мы нагнали его. Он обернулся и узнал нас. На этот раз бежать ему было некуда. Стриженный выехал вперед и спросил его:

— Куда ты идешь?

Изумленный Рике по очереди оглядел всех нас. Особенно пристально он разглядывал Сапожника: он узнал в нем постоянного клиента лавочки «Газеты — сигареты» и понял, что тот тоже из нашей команды. Он нахмурился.

— Ты, наверное, идешь в больницу? — снова спросил Стриженный.

Рике весь напрягся.
— А вам какое дело?

Как мы могли ему ответить, не выдав при этом секрет Лулу? Внезапно Корже осенило.

— Нам надо поговорить с тобой, — сухо произнес он. — Думаю, что ты узнал Тиду и меня. Помнишь, дом номер 23 на улице Пеллегрен, что на другом берегу Роны? Почему ты, заметив нас, бросился удирать? Чего ты боишься?

Бледное, напряженное лицо Рике медленно заливалось краской. Он пожал плечами.

— А я испугался?

— Не знаю... может, ты просто не хотел, чтобы узнали, куда ты едешь, или что лежит у тебя в пакетах, которые ты так старательно укладываешь в сумки.

— Я не обязан никому отчитываться.

Лицо его вновь стало бледным, ноздри раздувались. Повернувшись к нам спиной, он дал понять, что разговор окончен. Внезапно он развернулся, и перед нами предстала красная, разъяренная физиономия. Схватив Биштекса за руку, он сильно сдвинул ее. И просчитался. Биштекс — не самый высокий в нашей компании, зато у него самая лучшая реакция. Мгновенно вырвав руку, он сжал кулаки и бросился на противника. Но его остановил Корже.

— Нет, Биштекс, расквашенный нос ничего не решит. Мы здесь не для того, чтобы устраивать драку.

Злое выражение мгновенно исчезло с лица Рике. Он тоже не хотел драться. Скорей всего, он просто решил показать, что не боится нас.

Мы стояли друг напротив друга. Что дальше? В эту минуту из больницы вышла Мади. Завидев нас, она ускорила шаг. Уже издали она взволнованно закричала:

— Я только что говорила с Лулу! Он снова...

Тут она заметила Рике и в растерянности остановилась. Видно было, что она судорожно пытается сообразить, как рассказать нам свою новость, не выдав при этом тайны Лулу. Но мы уже все поняли. Малыш получил новое анонимное письмо с угрозами. Мы тревожно переглянулись.

— А что случилось с Лулу? — живо спросил Рике. — Ему стало хуже?

Мы уставились на Рике. И тут произошло нечто странное, не поддающееся объяснению. С точки зрения логики мы должны были бы расценить беспокойство Рике, как подтверждение его двойной игры, и с негодованием наброситься на него. Но нет! Взволнованный тон мальчика произвел на нас совершенно противоположное впечатление. Мы вдруг почувствовали, что он искренне волнуется за Лулу.

Главное, Мадди тоже это ощутила. Она обратилась к Рике:

— Мы с радостью рассказали бы тебе все, только мы не знаем, действительно ли ты друг Лулу.

Рике удивленно посмотрел на нее.

— А зачем вам это знать? Я приходил к Лулу, и все тут.

Но Мадди не отступала:

— Скажи, ты приходил потому, что дружишь с ним? Или у тебя были другие причины?

— Другие причины?.. Не понимаю.

Мадди колебалась. Еще слово, и она выдаст секрет Лулу. Повернувшись, она вопросительно посмотрела на нас.

— Пожалуй, стоит ему все сказать, — проговорил Корже.

И вот тонким от волнения голосом Мадди начала:

— Если ты действительно любишь Лулу, ты, наверное, знаешь, что он в опасности?.. И вовсе не из-за своей ноги. Ему кто-то угрожает. Вокруг магазинчика «Газеты — сигареты» происходит что-то непонятное, нехорошее. Если ты друг Лулу, помоги нам.

Стоило Мади произнести «Газеты — сигареты», Рике вздрогнул.

— Чем я могу вам помочь? Я ничего не знаю. Объясните мне.

— Долго рассказывать... Тем более не посреди улицы. Мы знаем одно укромное местечко возле лестницы Пиратов. Хочешь, пошли с нами.

Рике молча взглянул на Мади. Убедившись, что она идет вместе со всеми, он, похоже, успокоился, и отправился за ними.

РАССКАЗ РИКЕ

В нашей «пещере» возле лестницы Пиратов было много всякого старья: доски, ящики, велосипеды, ролики, даже старый детский автомобиль. Мы сняли с него колеса и приладили их к тележке, на которой потом катались со склонов холма Круа-Русс.

Когда-то в этом помещении находилась ткацкая мастерская. Свет проникал сюда через единственное оконце, составленное из квадратных кусочков стекла. Разбитые стеклянные квадратики мы аккуратно заменили квадратиками картонными, поэтому теперь там всегда царил полумрак. На всякий случай мы всегда носили в карманах огарки свечей. Заглянув внутрь, Рике остановился на пороге, не решаясь войти.

— Не бойся, — ободрил его Бифштекс, — это наша «пещера». Мы часто сюда приходим.

Мади вошла вместе с нами. Выбрав себе ящик, она постелила на него сложенное в несколько раз старое одеяло и села. Остальные разместились где попало: кто на досках, а кто и прямо на полу.

— Зачем вы меня сюда позвали? — беспокойно спросил Рике. — Что вам от меня нужно?

Никто, кроме Мади, не смог бы лучше успокоить Рике.

— Мы просто хотим рассказать тебе, что на самом деле случилось с Лулу в тот день, когда он упал и расшиб ногу, — объяснила она. — Главное, помни, что мы хотим помочь малышу. Поэтому постарайся ответить на наши вопросы.

— Ладно, постараюсь.

Мади взволнованно поведала Рике загадочную историю, над разгадкой которой мы бились вот уже столько времени. Она не забыла ни о нашей находке в

подвале, ни о письмах с угрозами, которые продолжал получать Лулу.

— Сейчас только мы можем ему помочь, — заключила она.

Рике сидел на доске, подперев руками голову и упершись локтями в коленки; уставившись в пол, он внимательно слушал девочку. Когда Мади кончила говорить, он поднял голову и окинул нас медленным, сосредоточенным взглядом.

— Ну вот, — завершил Корже. — Мади тебе все сказала. — Можешь нам помочь раскрыть эту тайну?

Рике покачал головой.

— Я ничего не знаю. В магазине не происходит ничего особенного. Так что вы, скорей всего, ошибаетесь.

— Может, ты и прав, — заметил Сапожник. — Но все же нам хотелось бы кое-что выяснить. Так что подумай, прежде чем отказываться... Знаю, ты не из разговорчивых, но не забывай: мы стараемся для Лулу, а не для себя.

Рике улыбнулся какой-то вымученной улыбкой. Сапожник продолжал:

— Когда и почему ты поступил на работу в этот магазинчик?

— Это случилось в августе. Однажды утром я отправился за журналом для мамы. В магазинчике я встретил старого приятеля. Мы с ним немного поболтали. Я сказал ему, что покончил со школой и собираюсь идти работать. В это время к нам подошел хозяин и сказал, что ему нужен помощник. Он предложил мне неплохую оплату. Самое подходящее занятие для вчерашнего школьника. Я поговорил с отцом, тот сначала не согласился, уверял меня, что такая работа мне быстро надоест. Но я настоял на своем, в основном из-за младшего брата Анри. Прошлой весной Анри долго и тяже-

ло болел, и его пришлось отправить пожить в деревню. Начав работать, я смог бы хоть немного помочь родителям платить за содержание брата. В общем, мне удалось уговорить отца. Вот так я начал работать в лавочке «Газеты — сигареты».

— И что ты там делал?

— По утрам развозил газеты абонентам. Заменял хозяина за прилавком, когда тот уходил. Хозяин доверял мне. В прошлом месяце он стал давать мне кое-какие поручения в городе.

— Что за поручения?

Рике опустил голову.

— Не спрашивайте, все равно не отвечу.

— Это секрет?

— Я обещал ничего не говорить.

— Даже нам? Ты нам не доверяешь?

Почему Рике не отвечает на наш вопрос? Неужели у него в руках ключ к разгадке тайны? Воцарилась томительная тишина. Ее нарушил голос Рике:

— Хорошо, я скажу, только дайте слово, что никто никому ничего не расскажет.

И быстро-быстро продолжил:

— Хозяин все время жалуется, что доходы от магазинчика не слишком-то велики. Чтобы подработать, он торгует старинными книгами. Он продает коллекционерам редкие издания и сам что-то покупает у них. А так как ему стало трудно ходить, он поручал мне ездить к его клиентам.

— А ты действительно развозил книги?

— Он мне их показывал. Однажды даже упаковал их у меня на глазах. Чтобы книги не повредились при перевозке, он трижды оборачивал их бумагой, тщательно обвязывал их веревкой и делал двойной узел. Он говорил, что некоторые книги стоят целое состояние.

— Вполне возможно, — согласился Корже. — Но почему ты боялся рассказать нам об этом? Почему хозяин просил никому об этом не говорить? Ведь продавать книги — весьма почтенное занятие!

— Он объяснил, что у него нет официального разрешения на букинистическую торговлю, а если он возьмет его, то ему придется платить большой налог, который поглотит большую часть прибыли от этой торговли...

Тогда Гий спросил:

— Я видел тебя на улице Алуэтт, когда мы в первый раз пришли туда обследовать подвал. Это хозяин послал тебя туда?

— Нет, я сам вас заметил. Я знаю почти всех в нашем квартале. У вас был такой вид, словно вы чего-то ищете; из любопытства я решил разузнать, куда вы направляетесь.

— Да, но потом ты вернулся со свертком под мышкой, остановился возле какой-то двери и сделал вид, что звонишь.

— Правильно. Вернувшись в магазин, я в разговоре с хозяином случайно упомянул, что видел в тупике компанию мальчишек. Хозяин заволновался и объяснил, что он владеет одним из старых домов в этом тупике. Недавно соседские ребята разбили там в подвале окно. Поэтому он попросил меня вернуться и посмотреть, что вы делаете. Я захватил с собой пакет со старыми журналами, чтобы сделать вид, будто иду по делу... поэтому и притворился, что звоню в дверь.

У меня было о чем спросить Рике. Но больше всего меня интересовала перчатка. Не заметил ли Рике среди посетителей магазина человека без указательного пальца на правой руке?

— Нет, — ответил Рике, — я знаю старичка, у которого нет руки, но так, чтобы не было пальца, — таких не знаю.

Тогда продолжил Стриженный:

— Когда мы снова пришли на улицу Алуэтт, ты тоже был там. Нам показалось, что ты нас выслеживал. Поэтому мы спрятались в трабуле, ты прошел мимо нас, заглядывая в каждую подворотню, как будто искал, в какую же подворотню нас унесло.

— Да, верно, помню. Вы только что вышли из магазина, а я как раз вернулся, выполнив очередное поручение хозяина. И он мне сказал: «Компания тех самых мальчишек, что несколько дней назад ошивалась вокруг, опять явилась сюда; они только что вышли из магазина. Пойди пройдишь до конца улицы и посмотри, не замышляют ли они какую-нибудь пакость».

Итак, на все наши вопросы Рике находил такой простой, такой естественный ответ, что нам нечего было добавив.

— А Лулу, — взволнованно напомнила Мади, — Почему ты пришел в больницу навестить его? Он сказал нам, что до его несчастья вы с ним практически не общались... Это и не удивительно, ведь он на пять или шесть лет моложе тебя.

— Верно. Мы живем в одном доме, но он слишком маленький, и нам неинтересно вместе играть. Но когда я узнал, что с ним случилось, мне стало жаль его. Понимаете, он ровесник моего брата, того, который сейчас живет в деревне; они были друзьями.

— Когда ты во второй раз пришел навестить его, была пятница, то есть рабочий день. Скажи, не хозяин ли послал тебя к нему?

— Нет. Мой хозяин, как и все соседи, знал, что Лулу разбился, но он никогда не говорил со мной о нем. В тот день я совершенно случайно оказался рядом с больницей, где как раз были часы посещения; люди входили и выходили, и я подумал... может быть, Лулу будет

рад меня видеть. Впрочем, я пробыл у него недолго. Лулу, наверное, вам об этом сказал... Он хороший мальчуган, поэтому я и зашел к нему еще раз, в воскресенье, когда вы меня у него и застали.

И это объяснение было вполне правдоподобным.

Тогда вмешался Корже.

— Все же мне не все понятно. Почему вчера утром на улице Пеллегрен ты, встретив нас, кинулся удирать, словно мы застали тебя на месте преступления?

— Все очень просто. Хозяин всегда просит меня, как можно осторожней обращаться с пакетами, потому что содержимое их стоит огромных денег. Когда фургон тронулся, вы бросились прятаться. Если бы вы просто прошли мимо, я бы не испугался. А тут я подумал, что вы следили за мной, чтобы потом выкинуть какую-нибудь шутку... быть может, даже украсть мои пакеты.

И это объяснение было вполне логичным. Наши метания после отъезда фургона вполне могли показаться Рике подозрительными и напугать его. Но оставалось еще одно темное место. Почему Рике оставил работу в магазинчике именно вечером того дня, когда мы с ним столкнулись на улице Пеллегрен? Этот вопрос и задал ему Сапожник.

— Сегодня утром я узнал, что ты бросил лавочку. Ты сам решил уволиться? Или хозяин выставил тебя за дверь?

Ответ Рике был прост.

— Я уже говорил вам: ремесло продавца газет не нравится моему отцу. Он знает, что я люблю мастерить. В течение нескольких недель он, ничего мне не сказав, подыскивал мне работу ученика электрика. И нашел. Меня берут помощником мастера по ремонту электротехники в мастерской на бульваре Круа-Русс. Скажу честно, эта работа нравится мне гораздо больше.

— Хозяин здорово тебя шпынял?

— Наоборот, прекрасно ко мне относился, но я решил послушаться отца. Мне надоело развозить книги и газеты.

— А почему ты заранее не сообщил хозяину о своем уходе?

— В мастерской помощник нужен немедленно. У этого мастера внезапно ушел ученик.

— А хозяин магазинчика сразу отпустил тебя? Ведь он наверняка рассчитывал на твою работу.

— Конечно, он пытался меня удержать, но увидев, что решение мое твердо, не стал меня ругать. Даже поблагодарил за работу и заплатил немного больше, чем причиталось на самом деле.

— А он просил тебя о чем-нибудь напоследок?

— Никому не рассказывать о его торговле книгами... из-за налоговой полиции, от которой у него могут быть неприятности.

И снова все надолго замолчали. У нас больше не было вопросов. Без сомнений, Рике говорил правду, и именно потому, что он говорил правду, мы окончательно растерялись. Итак, хозяин магазинчика был простым продавцом сигарет и газет. Конечно, он потихоньку занимался спекуляцией, но это было не такое страшное преступление, из-за которого стоило до смерти запугивать мальчика! Нет, мы явно были на ложном пути. Ниточка нашего следа тянулась-тянулась, и хоп!.. оборвалась после рассказа Рике. И никто не знал, что делать дальше.

Пришлось сказать «спасибо» Рике и отпустить его на все четыре стороны.

Как только он ушел, нас прорвало: все заговорили разом, перебивая и не слушая друг друга.

— Какие же мы дураки! — внезапно воскликнул Кор-

же. — Ну и пусть Рике ничего не знает и ничего не видит, мы-то почему должны ему верить? Я не разбираюсь в налогах, но эта история о специальном разрешении мне кажется просто ловкой выдумкой. Похоже, хозяин магазинчика умеет неплохо втирать очки, раз он сумел внушить доверие этому простофиле Рике.

— Ты прав, — согласился Сапожник. — Спекулянты, конечно, люди недоверчивые и осторожные, но не настолько же, чтобы впасть в панику из-за кучки мальчишек и уж тем более из-за одного малыша.

— Во всяком случае, — медленно начал Гий, — не больно-то умно с нашей стороны было заявиться всей компанией на улицу Алуэтт. Даже Рике, которому бояться было нечего, заметив нас, заинтересовался, что мы там забыли.

— Правильно, — поддержала его Мади, — это наша самая большая ошибка, но забудем об этом, что сделано — то сделано.

Поспорив еще немного, мы поняли, что зря отпустили Рике: у нас снова было столько вопросов! Например, мы забыли выяснить, куда он возил книги и как выглядели люди, которые их получали.

— Ясно, что такие детали могут оказаться очень важными, — произнесла Мади. — Но даже не это главное. Когда мы спросили Рике, что было в его пакетах, я заметила, как он покраснел. Нет, потом он, конечно, стал рассказывать, однако я уверена, что этот вопрос смутил его.

— Значит, он соврал! — быстро заключил Корже.

— Может, и не соврал... просто не все сказал.

— Тогда, — вмешался Стриженный, — давайте ковать железо пока горячо. Пошли искать Рике.

Прощаясь, Рике сказал, что идет к новому хозяину договариваться об условиях работы. Может быть, он

все еще в мастерской. И мы побежали на бульвар Круа-Русс. Мади с нами не пошла: она устала и хотела поскорей попасть домой. Мы быстро отыскивали мастерскую по ремонту электротехники: стены ее были выкрашены веселенькой зеленой краской. У дверей мы столкнулись с Рике. Увидев нас, он очень удивился.

— Это опять вы? Вот уж не думал, что мы встретимся так скоро.

— Послушай, — начал Корже, — как выглядели клиенты твоего хозяина, ну те, которым ты развозил книги?

— Не знаю! Люди как люди, как все, на богачей не похожи. И живут в старых домах.

— А тебе не кажется, что это странно?

— Сначала казалось. Но потом хозяин объяснил мне, что настоящие коллекционеры всегда такие. Они тратят все деньги на покупку редкостей, а до остального им дела нет.

— Можешь дать нам их адреса?

Лицо Рике посуровело.

— Я же говорил, что обещал хозяину ни во что его не впутывать; к тому же я им вполне доволен.

— Но ты нам тоже обещал помочь Лулу.

Он задумался, потом решительно произнес:

— Я не помню всех адресов, куда мне приходилось ездить. Во всяком случае, это почти никогда не был центр города, все больше окраинные кварталы, даже предместья.

— А имена ты помнишь?

— Имена? Пакеты никогда не были подписаны. Хозяин просто называл мне адрес. Я несколько раз был в доме номер пять по улице Маспор, что в квартале Гранж-Руж, пару раз в доме номер 15 по улице Мушрот в квартале Монплеизир, один раз в тупике Барклет, что в предместье Вэз. Но в последнее время хозяин чаще

всего посылал меня в квартал Сен-Жюст, что за Фурьером.

— Ага!.. И каков из себя тамошний клиент?

— Женщина, вернее, старушка, в очках и совсем седая. Она живет в доме без номера на улице Акаций. Если вы непременно хотите посмотреть на ее хибару, вы легко ее узнаете по светло-желтым ставням и флюгеру в форме слона. Но неужели вы притащились сюда за мной только из-за этих дурацких адресов?

Вместо ответа Корже вытащил блокнот и принялся старательно все записывать. Рике же, которому мы уже изрядно надоели со своими расспросами, недовольно пробурчал:

— Надеюсь, это все?

Нет. У нас остался еще один вопрос — самый деликатный. Рике, в сущности, неплохой парень, и мы не хотели его обижать. Но я знал, что пока мы все в точности не выясним, мы не сможем помочь Лулу.

— Послушай, мы уже спрашивали тебя, что ты возил в своих пакетах. Так вот, почему, когда ты отвечал нам, ты вдруг покраснел?

Мы ожидали, что Рике возмутится, начнет на нас кричать. Ничего подобного. Он лишь вымученно улыбнулся.

— А я надеялся, что вы не заметите. Понимаете, я уверен, что в пакетах были книги, как-то хозяин запаковывал у меня на глазах. Но дело не в этом. Мне самому было страшно любопытно, что это за редкие книги такие и почему люди их собирают. Я тайком развязал один пакет. В нем и правда были пять старинных книг. Названия были мне незнакомы, кроме одного — «Рассуждение о методе». Автор этой книги — Декарт, мы проходили его в школе. Полистав книжку, я обнаружил, что она занудна, как осенний дождь, я в ней

ничего не понял. И для меня это загадка — как кто-то может собирать такие скучные книги, даже без картинок.

— Почему ты нам об этом сразу не сказал?

Рике обезоруживающе улыбнулся.

— Потому, что я без спроса распечатал чужой пакет, и испугался, что вы сочтете меня жуликом. Я же плохо поступил.

С этими словами Рике развернулся и быстро зашагал прочь; мы же остались стоять в растерянности, не зная, как отнестись к его словам.

ДОМ С ЖЕЛТЫМИ СТАВНЯМИ

Последнее время я спал плохо, а уж в эту ночь и подавно. Мой верный Кафи несколько раз клал мне голову на одеяло, желая успокоить меня: он чувствовал, что меня что-то беспокоит. Я же в который раз припомнил каждое слово Рике. Несмотря на его вполне логичные объяснения, я, как все мои друзья, был уверен, что хозяин магазинчика просто запудрил ему мозги. Рике был славный малый, но отнюдь не семи пядей во лбу, поэтому он поверил всему, что наговорил ему хозяин, тем более что тот хорошо заплатил.

А еще я думал о том, что через два дня выйдет наш учитель. Мы любили его и не желали ему долгой и тяжелой болезни, но для завершения расследования нам совершенно необходима была еще одна свободная неделя. Как знать, может быть, нам удастся раскрыть тайну страхов Лулу...

Расставшись на бульваре с Рике, мы отправились на Крышу Ткачей — все обдумать и обсудить. После долгих споров было решено с завтрашнего дня начать на-

блюдение за домами, куда ездил Рике. Разумеется, мы не собирались повторять нашу прошлую ошибку: теперь у нас даже в мыслях не было отправиться туда всем вместе. К тому же адресов оказалось около десятка, и даже если мы будем ходить по одному, мы все равно не сумеем взять под наблюдение все дома. Для начала каждый выбрал себе по адресу. Корже решил вернуться на улицу Пеллегрэн, Гий отправился в квартал Гранж-Руж, Стриженный — в предместье Вэз, Биштекс предпочел обшарить окрестности вокруг вокзала Перраш, а Сапожнику, как обычно, предстоял поход в лавочку «Газеты — сигареты».

Я же решил подняться в квартал Сен-Жюст и поближе познакомиться с обитателями дома с желтыми ставнями и флюгером в форме слона; в последние дни Рике особенно часто ездил именно в этот дом.

Утром я встал рано, почти так, как в школу. Но тут вылазка моя чуть не сорвалась.

Я уже позавтракал и вылезал из-за стола, как мама вдруг решила сходить в магазин и попросила меня посидеть с маленьким братом. На мое счастье, прежде чем идти, она выглянула на улицу и, обнаружив, что там очень сильный холод и ветер, отложила свой поход на потом.

Вчера мы договорились, что поедем на велосипедах. Однако когда я собрался выходить, Кафи, который теперь все больше сидел дома, посмотрел на меня таким молящим взглядом, что я не выдержал и взял его с собой.

На улице действительно было очень холодно, сухой воздух казался совершенно прозрачным. Такая погода — редкость для Лиона. Ночью был сильный мороз, на фонтанах висели ледяные сосульки. Перейдя по мосту на другой берег Соны, я направился по набережной. Я шел быстро, Кафи трусил за мной, явно не по-

нимая, куда я так тороплюсь. От частого горячего дыхания вокруг морды клубился пар, отчего выражение ее казалось особенно недовольным.

Как и раскинувшийся на горе квартал Фурвьер, знаменитый своей часовней, квартал Сен-Жюст тоже вырос на вершине холма. Туда, как и в Фурвьер, можно было попасть с помощью «канатки» (так в Лионе называют фуникулер). Однако я презрел «канатку» и бодро зашагал по дороге, ведущей наверх.

Я редко забредал в эти малолюдные, удаленные от центра кварталы. Здесь было мало и машин, и прохожих. Я с трудом отыскал улицу Акаций. Она была извилистой и больше походила на деревенскую улицу, чем на городскую; сквозь узкую полосу тротуара во многих местах пробивалась пожухшая трава.

Дом со светло-желтыми ставнями я заметил уже издалека. Невзирая на холод, больно пощипывающий меня за уши и кончик носа, я остановился, чтобы получше рассмотреть строение. Обычный двухэтажный дом в плохом состоянии, каких много в предместьях Лиона. Во всяком случае, обитатели его явно не отличались хорошим вкусом, что совершенно не соответствовало моим представлениям о любителях старинных книг. Кричащий цвет двери и ставен контрастировал с выцветшей окраской фасада. Слева стоял сарай с куском вздыбившегося толя вместо двери. Справа к дому прилепилось маленькое строение, напоминавшее мастерскую кустара. Два его окна были закрыты железными ставнями, местами тронутыми ржавчиной. Рядом с входом висела табличка под мрамор, треснувшая и с отколотыми краями; на ней было написано: «Вилла Бельвю», однако имя владельца отсутствовало.

Я медленно прошел мимо дома. Хорошо, что я взял с собой Кафи: с ним было спокойнее. Я выглядел обыч-

ным собаководладельцем, вышедшим на прогулку со своим четвероногим питомцем.

Я побрел по улице. Тут мимо меня на велосипеде проехал рассыльный в белом фартуке, наверное, из мясной лавки. Я обернулся и посмотрел ему вслед. Он остановился перед домом с желтыми ставнями. Достав из корзины пакет с мясом, он позвонил в дверь. Ему открыли, он скрылся в доме и через минуту вышел оттуда уже с пустыми руками. Сев на велосипед, он поехал обратно. К этому времени я уже дошел до конца улицы и развернулся, поэтому он снова ехал мне навстрéчу. Неожиданно он остановился и принялся шарить по карманам, видимо, отыскивая список адресов, куда он должен везти мясо. Воспользовавшись его остановкой, я подошел и спросил, не знает ли он людей, которым только что вручил свой пакет.

— Очень мало, — ответил рассыльный, — могу только сказать, что фамилия их Верне: так написано на свертках с мясом, что я им привожу. Они недавно здесь живут.

— Как недавно?

— Несколько недель, что-то около месяца. Дом долго пустовал; владелец хотел сдать его, но запрашивал слишком много, а сам видишь, какая это развалина. Мой хозяин хотел снять его для своих родственников, но его не устроила цена.

Тогда я спросил мальчишку, чем занимаются новые жильцы; в ответ он лишь пожал плечами.

— Точно не знаю. Я слышал, как кого-то там называли «гравером»... Впрочем, открывает всегда женщина, и должен тебе сказать, она отнюдь не отличается щедростью: еще ни разу я не получил от нее ни сантимата на чай. Станные люди! Работают даже по ночам; пару раз я поздно возвращался из кино и видел, как сквозь ставни в пристройке пробивался свет.

Тут рассыльный, наконец, нашел свой список, вскочил на велосипед и, распрощавшись со мной, как со старым приятелем, покати́л дальше.

Хотя я мало что узнал, но полученная информация меня заинтриговала. Я медленно пошел в сторону таинственного дома, намереваясь там задержаться. Кафи весело прыгал вокруг меня, и я подумал, что если мы с ним немного поиграем возле желтой двери, нас никто ни в чем не заподозрит.

Мы были уже в нескольких шагах от виллы, как вдруг я услышал, что сзади едет машины. Я посвистел Кафи, подзывая его к себе. Поравнявшись со мной, машина замедлила ход и затормозила. Решив, что водитель, вероятно, плохо знает квартал и хочет узнать у меня дорогу, я подошел к дверце. Шофер, мужчина лет сорока, темноволосый, с маленькими черными усиками, как-то странно взглянул на меня и вдруг заорал:

— Тебе чего здесь надо?

От неожиданности я отпрянул и принялся смущенно оправдываться:

— Я... мне показалось... вы затормозили, чтобы спросить у меня дорогу.

Мужчина нахмурился.

— Мне нечего спрашивать у маленьких негодяев вроде тебя. Ты что, не понял, что мне пришлось остановиться, чтобы не пересечь твою мерзкую псину? Иди и радуйся, что я ее не раздавил!

С этими словами он резко нажал на газ, колеса пару раз прокрутились вхолостую, и машина покати́лась вперед, оставив за собой черный след.

Я растерялся. Мужчина явно врал. Когда автомобиль поравнялся со мной, Кафи даже не был на дороге.

Я смотрел вслед машине, пока она не скрылась за поворотом.

Затем я посмотрел на виллу. И мне показалось, что занавески в окне первого этажа дернулись, словно кто-то выглядывал на улицу, а потом, заметив, что его застали за этим занятием, резко отскочил вглубь комнаты. При мысли о том, что кто-то наблюдал за мной из этого странного дома, я так испугался, что, подозревая Кафи, стремительно побежал прочь.

Однако как только вилла скрылась из виду, я остановился: мне хотелось все обдумать и взвесить. Нет, водитель точно остановился не из-за Кафи. Улица, хоть и не слишком широкая, была совершенно свободна. Даже если бы пес не успел прыгнуть в сторону, машина вполне могла объехать его, так как впереди дорога была свободна.

Тут меня опять потянуло к загадочной вилле, и толь-

ко страх, что за мной снова станет кто-нибудь подглядывать, удержал меня. К тому же было уже одиннадцать, а мы назначили общую встречу без четверти двенадцать — как обычно, договорились собраться возле лестницы Пиратов.

Я пошел дальше, и тут до меня снова донесся глухой шум мотора. Какая-то машина поднималась мне навстречу. Я лихорадочно озирался, куда бы спрятаться. К счастью, на другой стороне улицы я заметил узенький проулок, обсаженный деревьями. Перебежав дорогу, мы с Кафи спрятались за стволом огромного тополя.

Спустя несколько секунд показалась машина... та самая, которая только что проехала здесь! Как только она миновала проулок, я выскочил из своего укрытия и стал смотреть, куда она поедет. Машина двигалась медленно, словно шофер внимательно изучал дорогу. Наконец она остановилась перед виллой. Сердце мое заколотилось. Из машины вылез мужчина, тот самый, что ни за что ни про что наорал на меня. Оглядевшись по сторонам, он обошел автомобиль, пару раз пнул ногой шины, снова огляделся и, наконец, быстрым шагом устремился к вилле и вошел в дверь.

Я затаил дыхание. Разумеется, странный шофер выйдет не сразу. И вот, пока я ждал, мне пришло в голову объяснение случившегося. Когда я первый раз увидел автомобиль на улице Акаций, он сжал на виллу. Завидев желтые ставни, водитель замедлил ход; неожиданно он заметил меня и изменил свое решение. Быстро придумал первый попавшийся предлог: собака бросилась под колеса, ему пришлось затормозить. А может, он и в самом деле хотел задавить Кафи?

Когда же у него ничего не вышло, он умчался на полной скорости, но через четверть часа вернулся, уверен-

ный, что здорово напугал настойчивого мальчишку и того уже явно след простыл. Интересно, он опять ехал медленно, внимательно оглядывая улицу. Откуда такая подозрительность? Я ничем не отличался от множества других мальчишек, меня он никогда не видел, я тоже не знал его. Интересно, он так недоверчиво относится ко всем, кто проходит по улице Акаций?

Мне очень хотелось дожидаться, чтобы кто-нибудь вышел из дома с желтыми ставнями. Впрочем, водитель наверняка поедет в ту сторону, откуда он приехал в первый раз. Конечно, я могу подобраться поближе и запомнить номер автомашины, но в общем-то это и не нужно: небесно-голубой автомобиль с белой крышей — большая редкость.

И вот мы с Кафи помчались вниз, к набережной Соны, а потом вверх, к нам в Круа-Русс. Друзья уже собрались. Никто из них не заметил ничего особенного. А вот мое приключение, которое я, задыхаясь от быстрого бега, тут же им и выложил, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Сначала все молчали, а потом заговорили разом. Стриженный схватил свой берет и стал подбрасывать его в воздух.

— Вот здорово! — вопил он. — Просто класс! — Тиду, я уверен, ты напал на след!

На меня обрушился шквал вопросов. Друзья хотели знать все до малейших подробностей. Все единодушно признали поведение водителя подозрительным; как и я, никто не смог ответить на вопрос: почему водитель, заметив меня, изменил свои планы и не стал останавливаться возле виллы.

— У меня только одно объяснение, — отрезал Бифштекс. — Если бы ты был один, шофер не обратил бы на тебя внимания... но ты был с Кафи. Таких огромных овчарок, как Кафи, в Лионе не так-то много.

— Ну и что?

— Если шофер хоть раз слышал о Кафи, он тут же вспомнил о нем. Неужели непонятно? А если он знаком с хозяином магазинчика, и тот рассказал ему о перчатке, которую мы нашли? И конечно, завидев Тиду вместе с Кафи, незнакомец насторожился: он вполне мог заподозрить, что ты следишь за ним.

— Ты прав, — согласился Гий. — Конечно, это Кафи испугал его, а вовсе не Тиду.

— А это значит, — воскликнул Сапожник, — что мы, наконец, встретились с человеком без указательного пальца на правой руке!

Все повернулись ко мне. Увы! У меня не было времени разглядывать руки человека за рулем; вернее, я был ошарашен и совершенно забыл об этом. Однако, восстановив в памяти встречу с водителем, я вспомнил, что его руки лежали на руле и вроде все пальцы были на месте.

— Итак, — подвел итог Бифштекс, — значит, это не он. Или же он ловко скрывает отсутствие одного пальца.

Как бы то ни было, мы окончательно убедились, что за желтыми ставнями виллы скрывается какая-то тайна, и решили организовать за домом постоянное наблюдение. Пора вырабатывать новый план. Но сейчас надо расходиться по домам, чтобы родители не начали волноваться.

— Держу пари, — сказал на прощанье Стриженный, — что еще до вечера мы узнаем чего-нибудь интересное!

И он не ошибся.

НЕБЕСНО-ГОЛУБОЙ АВТОМОБИЛЬ

Я пришел домой в половине первого. Родители уже сидели за столом. Видя, как я, запыхавшись, ворвался в столовую, отец нахмурился. Он никогда не ограничивал моей свободы, но терпеть не мог, когда я опаздывал к столу. К счастью, сегодня он с утра был в хорошем настроении. Он даже не стал требовать от меня объяснений и дружелюбно почесал за ухом Кафи, подскочившего к его стулу.

Во время обеда сегодняшнее происшествие на улице Акаций не выходило у меня из головы. И чем больше я о нем думал, тем больше утверждался в мысли, что водитель испугался именно Кафи. Да, точно, он узнал его или же вспомнил, как ему о нем рассказывали. Я припомнил и слова мальчишки-рассыльного из мясной лавки: «Эти люди живут здесь не более месяца». Месяц! Около месяца назад знакомые Лулу покинули злосчастный подвал. Неужели они сменили свое подземное убежище на ветхое строение с желтыми ставнями на окраине города? И что происходит в пристройке, окна которой постоянно закрыты ставнями? Судя по словам рассыльного, там работают по ночам. Но что они там делают? Мальчишка-рассыльный говорил о «гравировщиках»; ремесло гравировщика предполагает умение хорошо чертить, рисовать и наносить рисунки на различные поверхности. Но ведь в этом нет ничего плохого, зачем же они прячутся?

Как и Стриженный, я был убежден, что мы вот-вот разгадаем эту загадку. Погруженный в свои мысли, я совершенно не замечал, что глотаю, пока мама не спросила, почему я ем один соус, вдобавок пытаюсь подцепить его вилкой.

— Господи! — вздохнула она. — Что с тобой, мой

бедненький Тиду? Отчего ты сегодня такой рассеянный?

Я покраснел и постарался поскорей разделаться с едой. Однако после обеда мне пришлось пережить несколько тревожных минут. Погода, такая холодная с утра, сейчас явно разгулялась, и мама стала собираться в магазин. Неужели мне придется сидеть с братишкой? К счастью, мама вспомнила о каких-то неотложных домашних делах и решила, что сегодня вообще никуда не пойдет.

Пока она опять не передумала, я свистнул Кафи и пулей вылетел из дому. Трое друзей уже ждали меня в «пещере». Сразу следом за мной прибыл Бифштекс. И только Сапожник опаздывал. Наконец появился и он — запыхавшийся, раскрасневшийся от бега, но сияющий. Вот уже несколько дней, как его мать обедала в столовой у себя на заводе, и он не ходил домой на обед. Проглотив на ходу сэндвич, он помчался на бульвар Круа-Русс в надежде встретить там Рике. Дождавшись, когда подросток выйдет из своей мастерской, Сапожник перехватил его почти у самой двери и засыпал беднягу вопросами. Впрочем, старания Сапожника оказались напрасны: Рике не смог прибавить ничего существенного к тому, что он уже рассказал нам.

— И все же одна деталь показалась мне заслуживающей нашего внимания, — тараторил Сапожник. — Так, Рике утверждает, что никогда не был внутри виллы. Старушка, которая открывала ему дверь, не пускала его дальше порога. Ему даже показалось, что она живет одна, потому что в доме всегда было тихо, и он ни разу не видел, чтобы кто-нибудь входил туда или выходил оттуда. Посылая его на улицу Акаций, хозяин всегда говорил, что это очень уважаемая клиентка и она интересуется исключительно редкими и очень старыми книгами; ей он посылает особенно ценные издания.

Когда Рике отправлялся на эту виллу, хозяин всегда дожидался его возвращения и спрашивал, вручил ли он пакет прямо в руки заказчице.

Выяснив все, что только можно было вытянуть из Рике, Сапожник простился с будущим электриком и помчался на улицу От-Бютт к Мади. К счастью, она была дома. Надев мамин передник, девочка хлопотала у плиты. Родители ее с утра уехали навестить больную тетку, жившую где-то за городом, но должны были скоро вернуться, потому что отцу ее, работавшему на рейсовом автобусе, после обеда предстояло выйти на линию.

Сапожник коротко поведал подруге последние новости. Поведение шофера голубого автомобиля также показалось ей подозрительным; она полностью согласилась с нашим решением — прекратить бегать по всему городу и сосредоточить внимание на вилле с желтыми ставнями. Мади обещала упросить родителей отпустить ее вместе с нами. Чтобы избежать трудного подъема в гору, она собиралась воспользоваться «канаткой».

Состоялся новый «военный совет». Склонившись над планом Лиона, рассыпавшимся на куски от долгого пребывания в кармане Сапожника, мы изучали окрестности улицы Акаций: подъемов и тропинок вокруг было в изобилии. На карте мы без труда отыскивали укромный уголок, вполне подходящий для общего сбора.

— Самое главное, — заявил Корже, — чтобы ни Тиду, ни Кафи и духу не было перед виллой. И нам тоже не мешает помнить об осторожности. Будем по очереди прогуливаться перед домом, чтобы одно и то же лицо там подолгу не маячило.

— А как же велосипеды? — спросил Бифштекс.

— Там кругом кривые улочки, они петляют словно

зайцы, на них велосипеды нам только помешают. Впрочем, пусть Бифштекс и Стриженный едут вперед.

Мы вышли из «пещеры». Стриженный и Бифштекс сели на велосипеды и быстро обогнали нас. В их задачу входило отыскать какой-нибудь укромный уголок неподалеку от виллы, где мы смогли бы устроить что-то вроде штаба. Затем они должны были отправиться на площадь Сент-Ирене, что у подножия старой крепости, и там ждать нас.

Мы перешли через Сону. Кафи бежал рядом, всем своим видом показывая, как он рад вновь оказаться в компании старых друзей. Небо, такое светлое с утра, постепенно затягивалось тучами; наверное, скоро пойдет дождь, а значит, стемнеет значительно быстрее. Сегодня это нам как раз на руку!

Оглядываясь по сторонам, как и положено заговорщикам, мы миновали набережную и по крутой извилистой тропинке взобрались на гору. Бифштекс и Стриженный ждали нас в условленном месте. Они действительно нашли идеальное пристанище — полуразрушенный монастырский дворик, выходивший на узкую улочку. Собравшись вместе, мы разбились на патрули.

— Главное, — напоминал Корже, — наблюдайте за проезжающими автомобилями. Запоминайте номера тех, что остановятся перед виллой. А ты, Тиду, иди к фуникулеру. Сейчас должна приехать Мади.

В целях конспирации я не стал брать с собой Кафи, а поручил его Гию. Обогнув огородами улицу Акаций, я направился к остановке «канатки». Вскоре показалась и Мади, закутанная в шарф по самые уши. Чтобы правдоподобнее сыграть роль хозяйки, спешащей по своим делам, она захватила корзинку, набитую старой бумагой.

— Смотри, теперь я могу сделать вид, что иду за покупками.

Она рассмеялась, но быстро умолкла: ей передалось мое волнение. Я быстро вывел ее на место сбора. Скоро вернулся Сапожник, патрулировавший первым. Он сообщил, что соседний с виллой дом необитаем. Сегодня утром я этого не заметил, но Сапожник утверждал, что именно так оно и есть, дом пуст... вернее, там сейчас рабочие, они ремонтируют дом изнутри.

— Эх, если б не они, — вздохнул Сапожник, — это было бы идеальное место для наблюдения. Вокруг разбит небольшой сад, отгороженный от двора виллы невысокой стеной, которую легко перелезть.

Следом вернулся Гий.

Он никого не видел возле виллы, ни одна машина не останавливалась перед ней. Он тоже заметил рабочих в соседнем доме.

Следующими в обход отправились Корже и Стриженный. Они вернулись разочарованные: ничего подозрительного по-прежнему не происходило. Время шло, холодало. Засунув руки в карманы узкого пальтишка, я пытался согреться. Время от времени Кафи вопросительно смотрел на меня. «Чего мы ждем? — казалось, говорил он. — Почему мы не идем гулять?» Начинало темнеть. Неужели вся вторая половина дня пройдет впустую? Но вот показался Сапожник. Пройдя в третий раз по улице Акаций, он заметил, что с наступлением темноты ремонтники в пустом доме завершили работу и ушли.

— Пошли туда! Оттуда нам будем прекрасно видно все, что творится на вилле, и там не так холодно.

Застенчивый Гий и щепетильный Стриженный колебались. Конечно, дом необитаем, но это частное владение. Не примут ли нас за грабителей?

— Сейчас не об этом надо думать, — заявила Мади. — Для нас самое главное — спасти Лулу.

Ее убежденность поборола все сомнения. Но пока не совсем стемнело, надо выслать вперед разведку. Бифштекс и Сапожник небольшого роста и гибкие, как кошки, они и станут нашими разведчиками: заберутся в сад и будут ждать там Стриженого и Гия. Последними полезем мы с Корже и Кафи. Мади останется на улице и будет дефилировать там со своей корзинкой. Девчонка привлечет к себе меньше внимания, чем мальчишка. В случае тревоги она крикнет совой.

А мы тихонько свистнем ей в ответ.

Пять часов! Небо затянулось тучами, на улице совсем стемнело. Через четверть часа Бифштекс и Сапожник отправились на разведку. Обратно они не вернулись: значит, им удалось благополучно перелезть через забор в сад. Потом за ними двинулись Стриженный и Гий. Сидя на корточках возле самой стены, мы — Корже, я и Мади — с тревогой прислушивались. Кафи, взволнованный нашим молчанием, вопросительно заглядывал мне в глаза.

— Идем, — наконец сказал Корже. — Ты, Тиду, пойдем последним. Возьми Кафи на поводок.

По узкой тропе мы спустились на улицу Акаций. Неожиданно я вздрогнул: до нас донесся шум приближающегося автомобиля. Мы остановились. Через несколько минут в паре метров от нас проехала машина. Сердце у меня так и запрыгало.

Это была она!.. Та самая машина, что проезжала здесь сегодня утром!.. Только теперь в ней сидели двое. При свете фонаря я ясно различил их фигуры, Мади и Корже тоже увидели их. Мы бросились следом за автомобилем. К сожалению, в этом месте улица Акаций делала крутой поворот, и мы потеряли его из виду. Впро-

чем, через несколько минут мы услышали, как шум мотора начал ослабевать, а потом и вовсе стих. Машина остановилась.

Мы тревожно переглянулись. Что делать? Бежать предупредить товарищей? Нет, они наверняка сами слышали, как подъехала машина.

— Оставайтесь здесь, — сказала Мади, — я пойду посмотрю.

Мы глядели ей вслед; она шла, небрежно помахивая корзинкой, и вскоре исчезла во мраке улицы, освещаемой редкими тусклыми фонарями. Через несколько минут ее фигурка вновь появилась на тротуаре.

— Все верно, автомобиль действительно остановился перед виллой, — быстро произнесла она. — И он все еще там... хотя, наверное, скоро уедет: у него горят все фары. Проходя вдоль забора пустого дома, я окликнула наших друзей, но никто не отозвался. Интересно, слышали ли они меня? А может, они побоялись себя выдать?

Мы стояли и ждали; время шло.

— Давайте, я снова схожу посмотрю, — предложила Мади.

Но тут зарокотал мотор; этот звук подсказал нам, что голубой автомобиль разворачивается. Значит, он сейчас поедет обратно. Мы отскочили на обочину и прижались к какому-то забору. Машина прошла мимо. В ней по-прежнему сидели два человека. Подождав, когда они отъедут достаточно далеко, мы двинулись вперед, плотно прижимаясь к ограде. Мади обогнала нас. Дойдя до стены, окружавшей сад пустующего дома, она остановилась и крикнула совой. В ответ раздался слабый свист. Тогда она сделала нам знак, что путь свободен.

Сейчас Мади останется одна на темной улице! Мне стало страшно за нее. А если с ней что-нибудь случится?

— Оставь себе Кафи! — предложил я ей.

— Нет, — решительно отвергла она мое предложение, — вам он больше пригодится. А мне совсем не страшно.

Отважная Мади! Я верил, что она говорит правду: ведь главное для нее было помочь Лулу!

На улице — никого! Быстро, лезем! Стена не выше среднего роста мужчины. Первым перелез Корже. Потом я помог перепрыгнуть Кафи и, наконец, перелез сам. И вот мы втроем стоим на мокрой рыхлой земле. К нам метнулась какая-то тень.

— Не бойтесь, это я, Сапожник; я уже давно жду вас. Идите за мной.

И он повел нас к дому, предупредив, чтобы мы ступали как можно тише.

— Дверь заперта на ключ, — шепотом объяснил он, — но рабочие оставили открытыми окна, наверное, для того, чтобы краска скорее высохла.

Мы бесшумно влезли в окно и очутились в помещении, больше всего напоминавшем кухню; в нос нам ударил запах свежей краски.

— А где все остальные? — заволновался Корже.

— Пошли за мной! Осторожно, тут ступеньки.

Мы поднялись на второй этаж. Наши друзья сидели возле окна, откуда хорошо просматривался крохотный дворик виллы. В темноте я различил пристройку с плотно закрытыми ставнями на окнах.

— Мы слышали первый сигнал Мади, но побоялись ответить, — объяснил Стриженный. — Как раз в это время перед виллой остановился автомобиль. Из него вылезли двое мужчин; они прошли через дворик, вошли в пристройку и вскоре вышли оттуда. Уверен, это сообщники хозяина магазинчика «Газеты — сигареты»! Мы на верном пути.

Я не мог различить выражения лица Стриженого, но по голосу было ясно, что он страшно возбужден. Откуда же у него такая уверенность?

— Он прав, — поддержал друга Сапожник. — Когда автомобиль остановился, мы со Стриженым были в саду. И пусть мы не видели этих людей, зато мы их слышали. Они пробыли в мастерской не больше четверти часа, видимо, очень торопились. Один из них запер дверь, но по дороге уронил ключ на землю. Фонаря у них не было, и ключ они не нашли.

«Черт с ним, — сказал тот, кто его уронил, — сейчас у нас нет времени искать. Поищем, когда вернемся».

«Ты не прав, — возразил другой. — Осторожность никогда не помешает. Я же говорил тебе, что сегодня с самого утра меня одолевают какие-то дурацкие страхи».

«Что ты там городишь? Ты что, все еще вспоминаешь того мальчишку? Черт поberi, но ведь в Лионе не одна-единственная овчарка... тем более что Круа-Русс далеко отсюда...»

Понятно, что этот короткий разговор показался нашим друзьям просто бесконечным. Итак, мы не ошиблись. Водитель действительно испугался меня — из-за Кафи, потому что раньше слышал о нем.

— Нам надо во что бы то ни стало проникнуть в пристройку, — заявил Стриженный. — Ключ валяется в траве, до него рукой подать, а другого такого случая у нас не будет.

Мы принялись осматривать дворик и пристройку. Окна самой виллы выходили на улицу, парадная дверь — тоже, незнакомцы прошли во дворик через черный ход. Конечно, где-то в доме должна находиться старушка, но ночью-то она, скорее всего, спит.

Интересно, на крыше мастерской нет ни одной трубы — значит, эта развалюха не отапливается?

Корже задумался. Наконец он произнес:

— Да, все складывается очень удачно, но давайте поторопимся.

РУКА С ЧЕТЫРЬМЯ ПАЛЬЦАМИ

Гуськом, стараясь ступать как можно тише, мы выбрались в сад и подошли к забору в том самом месте, где Стриженный и Сапожник подслушали странный разговор.

— Если нам придется удирать, — заявил Корже, — нас не должно быть много. Поэтому пойдут не все.

Сопровождать его выпало нам с Бифштеком. Гий, как обычно, остался сторожить — на этот раз вместе со Стриженным, который как назло поранил руку осколком бутылки. С ними также оставался Сапожник. Ох уж этот бедняга Сапожник! Когда он спрыгнул со стены, у него так сильно разболелся шов, что он долго не мог сойти с места — стоял и держался за живот, пока боль не отпустила. Поэтому, несмотря на все его протесты, мы решили оставить его в карауле.

Итак, Бифштеком первым вскарабкался на стену. Распластавшись на ней, чтобы силуэт его не был замечен на фоне неба, он заглянул во дворик.

— Никого!.. Давайте за мной!

Я прижался к стене, предоставив Кафи возможность воспользоваться моими плечами как трамплином. Но когда пес уже собрался прыгнуть, Корже схватил его за ошейник.

— Нет, Кафи... не сейчас. Если ты нам понадобишься, мы позовем тебя.

Корже был прав. Кафи мог только помешать нам. Я приказал ему ни в коем случае не лаять. Впрочем, по

нашему шепоту он уже понял, что ему надо молчать.

Я перебрался через стену, за мной Корже; и вот мы все трое оказались в крохотном темном дворике. В тусклом свете уличных фонарей смутно вырисовывались стены виллы и пристройки. Дворик был выложен плохо подогнанной каменной плиткой; щели между камнями заросли густой травой.

Наверняка в один из таких проемов и закатился ключ незнакомцев. Ощупью мы начали поиски; Корже захватил с собой электрический фонарик, но мы побоялись им воспользоваться. Ключ наверняка валяется где-то возле двери, неизвестный выронил его сразу после того, как запер дверь.

Но пальцы наши напрасно скользили по шершавым камням, обшаривали каждую трещину между ними. Драгоценное время уходило. Вдруг Бифштекс толкнул меня локтем.

— Нашел!

В самом деле, ключ лежал совсем рядом с входом. Один из незнакомцев наступил на него, и он вмялся в мокрую землю.

Когда Бифштекс вставил ключ в замок, у меня перехватило дыхание. Интересно, что мы сейчас увидим? Дверь медленно, с легким скрежетом отворилась. В нос нам ударил странный запах — смесь табака с чем-то непонятным.

Боясь споткнуться о мебель и наделать шума, мы стояли на пороге, ожидая, пока глаза наши привыкнут к темноте. Корже закрыл дверь, но не стал запираť ее: если придется срочно отступать, это помешает бегству. Затем он достал фонарик и зажег его, предварительно прикрыв лампочку носовым платком, чтобы свет не был таким ярким.

Перед нашими глазами предстала квадратная ком-

ната, в центре которой помещался большой стол. Мы подошли поближе.

— Осторожно! — предупредил Бифштекс. — Ничего не трогайте!

На столе лежали чертежные доски с приклепанными к ним чертежами: здесь были планы домов с указаниями номеров и названий улиц. На одном листе я разглядел план шестизэтажного дома в разрезе, на другом — план участка с ведущими к нему дорогами и подъездами. Тут Бифштекс толкнул меня локтем и указал на странный аппарат, напоминавший металлическую руку; аппарат стоял на другом конце стола.

— Что это? — прошептал он.

Я никогда не видел подобного инструмента; за меня ответил Корже:

— Это пантограф.

— А что им делают?

— С его помощью увеличивают и уменьшают чертежи... Однажды я сам с ним работал, просто так, ради забавы...

От стола луч нашего фонарика заскользил по стенам. Вдоль одной из них тянулись деревянные шкафы с табличками. На табличках было написано: «Досье Дюбуа»... «Жилой дом Клер-Ложи»... «Земельные участки в Вэз»... Все шкафы, кроме одного, были закрыты на ключ. В незапертом стояли баночки с клеем, пузырьки с чернилами, коробка с карандашами, перьями и бритвами. Внизу лежали рулоны чертежной бумаги и кальки.

Изумленные, мы разочарованно переглянулись. Совершенно ясно, здесь работают настоящие чертежники. Рассыльный мясника говорил о гравировщике. Но тогда почему неизвестные всего боятся? Черт возьми, ремесло чертежника весьма почетно! Нет, что-то тут не

так, наверняка здесь занимаются чем-нибудь недозволенным!

Мы в растерянности стояли посреди мастерской, когда Бифштекс, выхватив фонарь из рук Корже, снова направил луч на таблички на шкафах.

— Смотрите!.. Эти буквы... печатные буквы, совсем такие, как в письмах Лулу; нет, точно те же самые!

Мы взгляделись в таблички. Бифштекс был совершенно прав. Мы много раз изучали письма с угрозами — сходство почерка было несомненным. Слегка наклоненная вправо Л, У со сдвинутыми вверх рожами, кривоватая Б...

Неужели мы нашли логово тех типов, что угрожали Лулу? Мы даже вздрогнули от неожиданности, но быстро взяли себя в руки: теперь мы просто обязаны разгадать причину странного поведения незнакомцев.

Возле другой стены была протянута занавеска. Отдернув ее, мы увидели свалку старого хлама: там валялись куски картона, какие-то бумажки и прочий рабочий мусор.

Разочарованные, мы опустили занавеску. Внезапно со двора донесся отчетливый скрежет. Неужели друзья решили присоединиться к нам? Но вряд ли они стали бы так шуметь. Значит, вернулись наши незнакомцы? Но почему тогда нас не предупредили об их появлении? Почему мы не слышали свиста? К тому же мы были уверены: за то время, что мы находились в этой подзрительной мастерской, на улице не останавливался ни один автомобиль.

В страхе мы кинулись за занавеску и затаив дыхание стали ждать, что будет дальше. Дверь заскрипела и медленно отворилась. Кто-то осторожно вошел в комнату. Неизвестный повернул выключатель, и загорелся свет. Через плотную ткань занавески нам удалось раз-

глядеть, что это женщина. Неужели та самая, которая коллекционирует книги? Женщина передвигалась совершенно бесшумно; видимо, она была в тапочках.

Она подошла к столу; я отчетливо видел ее: как раз на уровне моих глаз в занавеске оказалась дырочка. Рике рассказывал о старушке с седыми волосами; незнакомке же было не больше сорока, и волосы ее даже не начинали седеть. В руках она держала корзинку для провизии. Не глядя по сторонам, она поставила корзинку на стол и извлекла из нее четыре большие книги, старинные, судя по их виду. Неужели она собирается читать их в этой холодной комнате? Нет, она с удовольствием оглядела их, потом небрежно перелистала; похоже, содержание ее совершенно не интересовало. Еще раз повертев книги в руках, они принялась ощупывать переплеты. Может быть, ее интересуют только обложки? Вполне вероятно. Я слышал, что для книголюбов переплет имеет большое значение.

Осмотрев книги со всех сторон, она оставила их на столе, забрала корзинку и направилась к двери. Сердце мое учащенно забилося. Сейчас мы, наконец, рассмотрим эти редкие книги и, может быть, наконец поймем, что в них такого таинственного!

Но когда она открывала дверь, с улицы снова донеслись громкие звуки: кто-то топал по мощенному плитам дворику. Неужели это вернулись оба незнакомца? Тогда мы пропали. За плотной занавеской мы могли не услышать ни звука подъезжающей машины, ни свиста наших товарищей, ни сигнала Мади. Я весь похолодел. Стоящий рядом Корже крепко вцепился мне в руку. Слишком поздно для бегства! Да и куда бежать? Прежде чем мы сумеем открыть окно, выходящее на улицу, нас успеют схватить.

Забившись в самый дальний угол, мы понимали, что

единственный наш шанс — это сидеть тихо, в надежде, что никому не придет в голову заглянуть за занавеску. И тут, несмотря на страх — а мне было очень страшно, — во мне пробудилась надежда. Что бы ни случилось, мы все равно разгадаем эту загадку, и она перестанет нас мучить!

Заслышав шаги, женщина остановилась и стала ждать. В мастерскую вошли двое мужчин. Один из них обеспокоенно спросил:

— Мы только что видели свет за ставнями; признаюсь, приятного в этом было мало. Как ты сюда вошла?

Явно удивленная таким вопросом, женщина ответила:

— Через дверь... просто через дверь.

— Как через дверь? — воскликнул второй. — Мы только что вышли отсюда, и я запер дверь на ключ. Опуская ключ в карман, я уронил его на землю. Значит, вы нашли его?

— Ничего я не находила, — возразила женщина. — Я, как обычно, искала ключ в условленном месте за трубой, но там его не было. Тогда я решила, что вы оставили мастерскую открытой. Действительно, дверь была не заперта. Честное слово, сегодня вы совершенно не в себе, сами не помните, что делаете!

Мужчины ничего не ответили, а женщина рассмеялась. Во время этого короткого разговора оба незнакомца подошли к столу, и я смог разглядеть их. Один был высокий и худой, второй — коренастый и приземистый. Ни один из них не был похож на владельца лавочки «Газеты — сигареты». Но я и не удивился. В этот час магазин еще открыт, а раз Рике там больше не работает, то подменить хозяина некому, а он вряд ли закроет лавочку раньше обычного. Может быть, высокий — это муж женщины, коллекционирующей книги? Они обращаются друг к другу на «ты», да и по возрас-

ту подходят — им явно немногим больше сорока. Второй мужчина выглядел значительно моложе.

— Я принесла книги, которые успела привести в порядок. Надеюсь, вы довольны: вот, смотрите!

Незнакомцы склонились над книгами, внимательно их оглядывали, ощупывали переплеты. Похоже, они тоже интересовались исключительно переплетами.

— Великолепно! — заявил низкорослый. — Но нам нужно еще.

— Да, — подтвердил его приятель, — еще много таких. Работа движется, у нас мало времени... И давай иди отсюда, теперь мы без тебя справимся.

Женщина удалилась; мужчины закурили и принялись осматривать комнату. Из-за этой истории с ключом они наверняка что-то заподозрили!

Наконец, докурив, они стали готовиться к работе. От любопытства я так близко подкрался к занавеске, что от моего дыхания ткань заколебалась. Как ни странно, вместо того чтобы продолжить чертить, незнакомцы освободили стол, небрежно скинув с него на пол чертежи вместе с досками.

Затем один из них подошел к самому большому шкафу, отпер его, извлек оттуда тяжелый громоздкий аппарат непонятного назначения и водрузил его на середину стола. Тем временем его приятель открыл какой-то ящик и вытащил оттуда металлические пластины и чистые листы бумаги; последние по формату были значительно меньше чертежных листов. Затем он достал несколько маленьких баночек и расставил их на столе.

Я вновь почувствовал резкий запах, который поразила нас, едва мы проникли в мастерскую. Только сейчас я понял, что это: так пахнет типографская краска! Как-то раз учитель водил нас в типографию крупной лионской газеты, и там стоял точно такой же запах.

Умирая от любопытства, мы изо всех сил шурились сквозь плотную ткань. Один из незнакомцев встал на стул, чтобы опустить пониже лампу, висящую над столом. Правой рукой он схватил фарфоровый абажур...

Сердце мое так и подпрыгнуло! Вопль ужаса застрял у меня в горле — на руке незнакомца было всего четыре пальца! Корже и Бифштекс тоже это заметили; они стояли рядом со мной, и я почувствовал, что мы одновременно вздрогнули. Итак, теперь точно известно: это те самые люди, которые запугивают бедного Лулу.

Мы так разволновались, что с трудом удерживали друг друга на месте: нам страшно хотелось бежать сообщить обо всем друзьям. И тут нас постигла катастрофа. От долгого стояния у Бифштекса свело ногу, и он, чтобы не упасть, ухватился за Корже. От неожиданности Корже покачнулся и задел головой занавеску. Один из незнакомцев увидел, как занавеска зашевелилась. Выругавшись, он метнулся к ней.

СЕКРЕТ СТАРЫХ КНИГ

Мужчина так резко рванул занавеску, что она осталась у него в руках. Все произошло стремительно, мы даже охнуть не успели. На нас обрушился град ударов. От неожиданности Бифштекс чуть не упал. Корже бросился ему на помощь, но был остановлен мощным ударом кулака. Я вырвался из рук нападающего, упал на Бифштекса, ударился головой о стену и потерял сознание.

...Когда я пришел в себя, то понял, что ничего не вижу и еле могу дышать. Глаза мои были плотно завязаны, рот заткнут какой-то тряпкой вместо кляпа. Я сидел на

табурете, спина моя плотно прижималась к стене, руки были связаны, ноги туго прикручены к ножкам табурета, и я не мог пошевелить ни рукой ни ногой.

Что же произошло?

Память быстро возвращалась ко мне. Первая моя мысль была о товарищах. Что с ними стало? Сумели ли они убежать?.. предупредить остальных?.. вызвать полицию?

Нет, приглушенные стоны, раздававшиеся рядом со мной, свидетельствовали о том, что Бифштекс и Корже находятся в том же положении, что и я. Что касается незнакомцев, то, судя по звукам, они лихорадочно метались по комнате. Они хлопали дверцами шкафов, перетаскивали какие-то тяжелые предметы, пыхтели, ругались, вполголоса обменивались обрывками фраз. Я догадался: они торопились убрать все, что могло их выдать. Через повязку, закрывавшую не только глаза, но и уши, я расслышал такие слова:

— А где клише?

— В чемодане! Главное, не забыть их!

— А машина?

— В ящике. Давай скорей!

— А мальчишки?

— Поедут с нами. Места всем хватит.

Они переезжают и собираются забрать нас с собой. Что они собираются с нами сделать? Высадить за городом, а самим смыться? А вдруг еще что-нибудь похуже? И где же наши друзья? Неужели они ничего не слышали? Или не сумели ничего придумать? А вдруг они испугались? Но с ними же остался Кафи! Ах, они, наверное, отправились за полицией... но пока он будет там объясняться, пока убедят полицейских, что они ничего не выдумывают, коварные незнакомцы будут уже далеко, и мы вместе с ними!

Все эти мысли вихрем пронесли у меня в голове. Ох, если бы мне удалось позвать Кафи! Я попытался крикнуть, но ничего не вышло. Надо избавиться от кляпа! Стараясь ослабить узел, я стал тереться головой об стену. Узел держался крепко. Неожиданно затылок мой наткнулся на что-то твердое и острое. Гвоздь... Я стал вертеть головой в разные стороны; наконец мне удалось подцепить гвоздем тряпку, затыкавшую мне рот. Сжав челюсти, я резко дернулся. Напрасный труд, узел не поддавался... но в тот момент, когда боль вынудила меня вернуться в прежнее положение, тряпка не выдержала: рот мой был освобожден! Но я по-прежнему ничего не видел, и не мог знать, заметили ли незнакомцы мой маневр или нет. Решив об этом не думать, я набрал в грудь побольше воздуха и издал пронзительный клич: призыв о помощи, хорошо известный Кафи.

Тотчас же я получил такую сильную оплеуху, что свалился вместе с табуреткой. Рот мне заново заткнули тряпкой и так сильно затянули узел, что я чуть не задохнулся. Если Кафи меня не услышал, я пропал... а со мной и мои друзья.

Тут чей-то противный хриплый голос заорал:

— Эй, смотри! Это еще кто?

На улице послышался drobный топот. Злоумышленники бросились запирать дверь, но вспомнили, что потеряли ключ. Послышалась отборная ругань.

Донесся скрип передвигаемой мебели; что-то тяжелое (скорей всего, шкаф) тащили к двери. Потом с треском распахнулась оконная рама. Неужели негодяям удастся бежать?

Нет. Они опоздали. Внезапно раздался страшный грохот: это рухнул придвинутый к двери шкаф. Затем я услышал голоса наших товарищей и злой, яростный лай Кафи.

— Овчарка! — завопил один из мужчин.

Злоумышленники рванулись в окно, но наши товарищи и Кафи были уже в комнате.

— Быстрей, Кафи! Взять их!

Послышался шум борьбы. Наши друзья оказались втроем против двух взрослых мужчин, значительно сильнее их... Но с ними Кафи! Мой храбрый пес отважно ринулся в бой! Он прыгал то на одного, то на другого злодея, грозно рычал, хватал за одежду. Пусть только попробуют тронуть кого-нибудь из его друзей, сразу узнают, с кем имеют дело! Он тут же вцепится им в глотку!

— Смелей, Кафи, смелей! — подбадривал пса Сапожник.

Гвалт стоял страшный — борьба продолжалась. Кажется, нашим ребятам удалось повалить одного из незнакомцев, тот упал, покатился по полу и, судя по звуку, врезался в стол. Тогда второй, видимо, понял, что у них нет ни малейшего шанса ускользнуть.

Наконец друзья смогли заняться и нами: освободили нас от веревок и тряпок, не позволявших нам ни видеть, ни кричать.

— Мы слышали шум, но никак не могли понять, что случилось, — затараторил Стриженный, — мы все ждали, когда вы подадите сигнал, а его все не было и не было! Ох, если бы мы только знали!

Когда повязка была снята, тусклый свет лампочки показался мне таким ярким, что я зажмурился.

Глаза мои постепенно привыкали к свету. Когда же я, наконец, пришел в себя, взору моему предстала совершенно невероятная картина: оба злоумышленника, в разодранной одежде, с жалким видом жались к стене, а перед ними сидел Кафи и зорко следил за малейшими их движениями.

— Дружище Кафи! Храбрый мой Кафи! Ты спас нас! Пес на миг обернулся ко мне, но тут же, как и подбает вышколенной полицейской собаке, вернулся к своим обязанностям охранника. Неожиданно раздался громкий голос Корже: он тоже пришел в себя, и теперь опасался, как бы собирательнице книг не удалось ускользнуть.

— Быстро бегите в дом, — скомандовал он Сапожнику и Гию. — Только бы она уже не улизнула!

Он вовремя вспомнил о ней. Через несколько минут друзья привели подругу бандитов. Они чуть не опоздали. Услышав в мастерской шум драки, она схватила пальто и стала собираться: ее поймали возле самой двери. Она злобно взглянула на обоих мужчин; особенно ядовитым взглядом она удостоила четырехпалого.

— Ну и в хорошенькое же положеньице вы нас поставили! — воскликнула она. — Дать себя схватить какой-то жалкой кучке ребятишек! Вот уж не ожидала!

Мы отвели ее к сообщникам, под охрану Кафи, которому она явно пришлось не по душе.

— А теперь, — предложил Корже, — пора вызывать полицию. Давай, Стриженный, хватай велосипед и мчись на набережную. Там есть комиссариат. Требуй, чтобы сюда срочно прислали полицейскую машину, в которой перевозят заключенных. Ту, что они сами называют «корзинкой для салата».

Услышав слова «корзинка для салата», злоумышленники встрепенулись и попытались вновь броситься на нас с кулаками. Однако Кафи быстро призвал их к порядку, и они присмирели.

Но едва Стриженный вышел, как во дворе раздался шум мотора, и наш друг вновь ворвался в комнату.

— Они уже здесь!

В мастерскую вбежали трое полицейских в форме и один агент в штатском, наверное, следователь — инспектор или комиссар. Но кто же их вызвал?

Тут на пороге появилась Мади.

— Это я вызвала полицию, — объяснила она. — Когда голубая машина вернулась, я спряталась напротив дома и стала наблюдать. Вскоре до меня донеслись звуки борьбы; я поняла, что случилось что-то непредвиденное и вы в опасности. Тогда я позвонила в дверь соседнего дома; к счастью, у них оказался телефон. И я вызвала полицию.

Инспектор, которому девочка толком еще ничего не объяснила, с удивлением разглядывал стоявшую у стены троицу. Затем он повернулся и суровым взглядом окинул нас с головы до пят. Вид у нас, надо признаться, был весьма плачевный, и мы мало чем отличались от

наших пленников. У Корже на лбу вздулась огромная шишка, у Бифштекса была разодрана куртка, у меня из разбитой губы сочилась кровь.

— Поразительно! Что здесь произошло?

— Господин инспектор, — быстро ответил один из негодаев, — мы стали жертвой дерзкого налета... Эти гнусные малолетки напали на нас, и... сами видите, что сделала с нами их собака.

Мы возмутились от такой наглой лжи. А второй злоумышленник подхватил:

— Да, господин инспектор, мы здесь работали... как вы сами можете убедиться... Мы чертежники, вот наши чертежные принадлежности. Мы выполняем заказы лионских архитекторов...

Он указал на доски с чертежами, которые они, не смотря на спешку, не забыли положить обратно на стол.

— Неправда! — закричали мы. — Неправда!.. Эти чертежи валяются здесь просто так... скрывают что-то другое... Искать надо вон в том ящике и в чемоданах, с которыми они собирались бежать!

Инспектор посмотрел сначала на нас, потом на подозрительную троицу. Кто же прав? Очень странная история. Он приказал полицейским открыть ящик и чемоданы.

— Вы не имеет права, — хором воскликнули бандиты, — мы здесь у себя дома! Лучше спросите этих мальчишек, как они сюда попали!

Но инспектор не слушал их.

— Обыскать! — скомандовал он.

В разгромленной мастерской воцарилась мертвая тишина. Я был так поглощен действиями полицейских, что даже забыл про разбитую губу; стоявшая рядом со мной Мади достала носовой платок и осторожно вытерла стекавшую у меня по подбородку кровь.

Наконец я увидел вблизи тот странный и тяжелый аппарат, который не сумел толком разглядеть из-за плотной занавески. Аппарат состоял из двух литых пластин; на верхней пластине крепился винт с массивной ручкой.

— Пресс! — воскликнул инспектор. — Типографский пресс.

— Сейчас мы вам все объясним, инспектор, — начал человек без пальца. — В нашем ремесле иногда приходится размножать чертежи и рисунки. Вот, к примеру...

Он не успел договорить, ибо как раз в эту минуту один из полицейских извлек из чемодана металлическую пластинку непонятного предназначения. Инспектор взял ее и пристально взгляделся.

— А это что? Чертеж дома, как я понимаю? Забавные же дома вы тут чертите...

Мы подошли поближе. На пластину острым металлическим стержнем были нанесены маленькие квадратики, в центре которых помещалось рельефное изображение, напоминавшее, по моим понятиям, человеческую голову, то ли мужчины, то ли женщины.

— Что это? — быстро спросил Сапожник.

— Как? — удивленно воскликнул инспектор, протягивая ему пластину. — Ты не узнаешь изображения Республики? Не узнаешь голову Марианны?¹

Я даже побледнел от удивления. Итак, эти типы занимались изготовлением фальшивых почтовых марок... марок, которыми потом торговал хозяин магазинчика «Газеты — сигареты». Наконец-то все стало на свои места. Так, значит, в книгах, которые столь заботливо развозил Рике, преступники прятали свои фальшивки.

¹Женщина по имени Марианна является символом Французской республики. Она изображена на одной из популярных серий почтовых марок. (Примеч. пер.)

Я бросился к столу, где все еще лежали принесенные женщиной книги. Вместе с Корже и Бифштеком, которые, как и я, обо всем догадались, мы принялись перелистывать фолианты: ничего! Внезапно я вспомнил, с какой тщательностью женщина и оба злоумышленника рассматривали переплеты. В самом деле, для небольших книг эти переплеты казались излишне массивными... и пахли свежим клеем. Я попросил у Стриженого его перочинный ножик.

— Что вы ищете? — спросил инспектор.

— Сейчас увидите!

Лихорадочным движением я вскрыл обложку одной книги. Между двумя листами картона было пустое пространство, туда могло поместиться немало почтовых марок. Но тайник был пуст... как и в оставшихся трех книгах; но мы догадались, почему. Как сказала женщина, эти книги только что были «приведены в порядок», и она принесла их в мастерскую, чтобы злоумышленники заполнили их фальшивыми марками.

— Господин инспектор, мы точно знаем, в этом доме есть еще книги... гораздо более любопытные, чем эти.

Заинтересовавшись нашим открытием, инспектор отправил полицейских обыскивать дом. Они быстро вернулись, неся целые охапки книг, с виду довольно старых, зато с новыми переплетами. Увы! Эти тайники также были пусты... Но тут Бифштекс заметил пакет, тщательно перевязанный веревочкой и готовый к отправке.

— Я уверен, в нем мы непременно что-нибудь найдем.

В самом деле, переплетенные крышки пяти упакованных и готовых к отправке томов были набиты сложенными вдвое листами почтовых марок. В каждый переплет помещалось не менее десяти листов. Мы при-

кинули их стоимость, и сумма показалась нам целым состоянием. А как подумаешь, что не один десяток таких пакетов с книгами уже разошелся по Лиону...

Скрестив на груди руки, инспектор в изумлении засыл перед разложенными на столе листами марок.

— Подумать только, — воскликнул он, — еще полчаса назад, услышав в телефоне писклявый девчачий голос, я решил, что меня разыгрывают, и чуть было не повесил трубку! Поздравляю, друзья мои! Операция проведена просто великолепно!

Но Мади, явно не собиравшаяся почивать на лаврах, тут же затараторила:

— А знаете, господин инспектор, у них есть сообщник — это хозяин магазинчика «Газеты — сигареты» в квартале Круа-Русс.

— Хозяин магазинчика?

— Да, господин инспектор, очень подозрительный субъект, он обманывал беднягу Рике, заставлял его развозить фальшивые марки.

— Рике? Кто этот Рике?

— О, господин инспектор, только не надо его арестовывать. Он никак не замешан в этом деле, наоборот, он может вам помочь. Он, конечно, развозил книги, но не знал, что в них находится. Сейчас он поступил учеником электрика в мастерскую электроприборов на бульваре Круа-Русс.

— Отлично, — воскликнул инспектор, — благодарю за ценные сведения!

Затем он обернулся к полицейским:

— Отправляйтесь в Круа-Русс и доставьте мне хозяина этой мошеннической конторы! А по дороге заверните в мастерскую и захватите с собой юного Рике... только будьте с ним повежливей! И сразу скажите, что полиция не имеет к нему никаких претензий.

Полицейские вышли; на улице зафыркал двигатель машины. Тогда инспектор повернулся к нам:

— А теперь скажите мне, каким образом вам удалось до всего докопаться?

— Все очень просто, — улыбнулась Мади, — в этот раз нам даже не пришлось играть в сыщиков... мы просто хотели помочь нашему маленькому другу Лулу, который по вине этих мошенников попал в больницу: они ужасно напугали его.

И перебивая друг друга, мы подробно рассказали всю нашу историю. Злоумышленники пребывали под неусыпным надзором Кафи, поэтому инспектор спокойно слушал нас. Но как только я дошел до четырехпалой перчатки, найденной Кафи в подвале на улице Алуэтт, он нахмурился.

— Как ты сказал? Перчатка с четырьмя пальцами?

Я вытащил перчатку из кармана.

— Вот она, я ее сохранил.

Затем, обернувшись к преступникам, добавил:

— Она принадлежит вон тому, кто повыше ростом.

— Ого! — вдруг воскликнул инспектор, — но... это же знаменитый гангстер Ищи-Ветра, как он сам себя называет! Вот уже несколько месяцев полиция Лиона безуспешно разыскивает его. И как это я раньше не догадался!

Преступник тотчас спрятал руки за спиной, но инспектор попросил его показать их и убедился, что на правой действительно не хватало одного пальца.

— Не стоит жалеть этого негодяя, — сказал инспектор. — Знаете, когда он потерял палец? Во время кражи со взломом. Застигнутый на месте преступления, он начал отстреливаться, полицейский выстрелил в ответ, и пуля оторвала преступнику палец.

Я вздрогнул: мы и не подозревали, какой опасности

подвергались, вступив в единоборство с настоящими безжалостными бандитами. В эту минуту перед домом вновь затормозил автомобиль: из Круа-Русс вернулись полицейские.

Они без труда нашли указанный магазинчик, арестовали его хозяина и привезли сюда. Ох, ну и кислая же физиономия была у владельца «Газет — сигарет»!.. а вот и Рике, его тоже доставили к нам. Бедняга Рике! Когда в мастерской появились блюстители порядка, он от страха побелел как мел и до сих пор дрожал не переставая. Мади тотчас бросилась успокаивать его.

Ну вот вся преступная комиссия в сборе, осталось только найти получателей книг, этих пресловутых «коллекционеров редких изданий»; впрочем, вряд ли это будет сложно — ведь адреса их известны.

— А теперь, — заявил инспектор, повернувшись к четверем злоумышленникам, — ждем ваших объяснений. Вы слышали, что рассказали эти ребята? Сейчас ваша очередь давать показания.

Мы с любопытством ожидали, что скажут эти типы: некоторые детали все еще были нам неясны. Но мужчины, переглянувшись, отказались отвечать.

К счастью, женщина, которая все это время не переставала возмущаться вполголоса, оказалась более разговорчивой. Похоже, она даже находила какое-то удовольствие, топя своих сообщников.

Мы узнали, что главой предприятия был человек без пальца. Это ему пришла в голову мысль устроить типографию в подвале дома, принадлежавшего владельцу магазинчика... это он хотел вконец запугать Лулу, для чего писал ему анонимные письма с угрозами. Четырехпалый считал подвал на улице Алуэтт самым безопасным местом для подпольной типографии и рассчитывал вскоре туда вернуться. И он хотел быть уверен, что Лулу не проболтается.

Так как хозяин «Газет — сигарет» отказался давать показания, мы решили узнать у его сообщницы, почему он так неосторожно доверил доставку книг с тайниками Рике.

— Да потому, что соображает плохо, — ответила она, бросив убийственный взгляд в сторону владельца магазинчика. — И зачем только мы его послушались! Заявил, что посредник будет встречаться с клиентами, и стало быть, те не будут знать нас в лицо. И если полиция чего-нибудь разнюхает, нас никто не опознает. Как же, дождалась! А еще утверждал, что прекрасно разбирается в людях, уверял, что его мальчишка ни о чем не подозревает... Словом, убедил нас, что так безопасней. Божился, что рассыльный ничего не знает, говорил, что если его заметет полиция, то мы все вместе смоемся...

Даже когда из-за проклятого малыша нам пришлось перебраться из подвала в эту развалюху, он по-прежнему посылал к нам своего рассыльного. Но уже тогда мне было как-то беспокойно, и я предусмотрительно надевала очки и парик, чтобы, в случае чего, мальчишка меня не узнал.

И добавила, вновь повернувшись к владельцу магазинчика:

— Так что вот, можете гордиться своей выдумкой! Вот чем все это закончилось!

Теперь я понял, почему Рике говорил нам о старушке с седыми волосами.

Страх Рике прошел, и он с отвращением смотрел на своего бывшего хозяина. Негодяй! Вот что значили его сладкие улыбочки, его щедрые чаевые...

— Если бы я только сообразил... — прошептал Рике, яростно сжимая кулаки.

Мади принялась утешать его.

— Не волнуйся, Рике... зато благодаря тебе полиция сумеет взять всю банду... ведь правда, господин инспектор?

Инспектор утвердительно кивнул. Он записал в блокнот все имена (возможно, вымышленные), а также адреса подозрительных клиентов «Газет — сигарет». Рике так разозлился на своего бывшего хозяина, что вспомнил даже те адреса, которые, как ему казалось, он давно забыл.

— Черт возьми, какая удача! — повторял инспектор. — И все благодаря вам, ребята!

— Нет, — возразил Стриженный, — благодаря Кафи, собаке Тиду. Это пес нашел в подвале забытую перчатку. Если бы он не стал играть с перчаткой в магазине «Газеты — сигареты», хозяин бы не заподозрил нас, и мы бы никогда не взялись за расследование этого дела.

Да и сейчас, если бы Кафи не пришел нам на помощь, бандиты наверняка бы ускользнули от нас.

— Вы правы, — согласился инспектор. — Иди сюда, хорошая собака. Ты просто молодец!

И, потрепав Кафи по загривку, прибавил:

— Знаешь, умная собачка, сегодня вечером у полиции Лиона будет чем заняться... да и надзирателям в тюрьме работы хватит...

Потом он обратился к полицейским:

— Доставьте этих красавчиков куда следует... А вы, ребята, идите со мной в комиссариат, вы нам еще понадобятся.

— В комиссариат, — испуганно повторил Рике, — зачем в комиссариат?

— Чтобы завершить расследование, оно ведь еще не закончено.

Тогда вперед выступила Мади.

— А можно, — начала она, — мы сначала вернемся в Круа-Русс? Мы хотим повидать Лулу и сообщить ему радостную новость. Это из-за него мы ввязались в это дело... Если бы вы знали, какой он был несчастный!

Взглянув на Мади, инспектор улыбнулся.

— Хорошо, — ответил он, кладя руку ей на плечо, — разрешаю. Вы поедете в нашем фургоне... «Корзинка для салата» достаточно велика, а преступников мы посадим в самый дальний угол. Мы доставим вас в Круа-Русс... за это обещайте мне завтра утром непременно явиться в комиссариат!

— Договорились, господин инспектор! Мы обязательно придем и Кафи захватим!

ЛУЛУ БУДЕТ ЗДОРОВ!

«Корзинка для салата» медленно спускалась к набережной Соны. Было семь часов вечера, самое людное время на улицах города. Полицейская сирена гудела вовсю, и машины притормаживали, уступая дорогу черному фургону, который, переехав через мост, мчался к Круа-Русс. Через несколько минут мы остановились перед больницей.

— Не забудьте! — напутствовал на инспектор. — Завтра утром я жду вас в комиссариате.

Но мы уже не думали о нем, все наши мысли устремились к Лулу. Мы помнили, что он получил второе грозное письмо от человека в перчатке, но с тех пор мы больше не виделись с мальчиком, и поэтому очень волновались.

— А пустят ли нас к нему в неурочное время? — повторила Мади.

Дежурного, всегда с неудовольствием взиравшего на появление нашей компании, на месте не было. У входа сидела женщина в белом халате.

— Мы хотели бы повидать Лулу... Лулу Бурге, — робко попросила Мади.

Хотя дежурный и сменился, правила посещения по-прежнему были строги.

— О чем вы говорите! — возмутилась женщина. — Вам что, неизвестен распорядок? Время для посещений давно прошло!

— Но нам обязательно надо поговорить с ним. Это очень срочно.

— Ничем не могу помочь. Приходите завтра... Или напишите ему записку, и дежурная сиделка передаст ее.

— Это невозможно, — быстро сказал Стриженный, —

нам непременно надо повидать его. Пожалуйста, разрешите хотя бы одному из нас пройти к нему.

Но женщина в белом халате была непреклонна. Мы лихорадочно соображали, где можно получить разрешение проникнуть в больницу, как вдруг в конце коридора показалась сиделка Лулу. Мы бросились к ней.

— Вы нас знаете, пожалуйста, помогите нам. Нам обязательно надо увидеться с Лулу, а нас не пускают.

Сиделка удивленно посмотрела на нас.

— Лулу? — переспросила она. — Вы пришли к Лулу? Но, ребятки, Лулу больше нет здесь.

Мы испуганно переглянулись.

— А где же он?

— Бедняжка Лулу! Врачи ничем не смогли ему помочь. Его продолжали мучить кошмары, он совсем перестал есть. И сегодня скорая отвезла его домой.

Лулу выписали из больницы! Врачи не надеются его спасти! А мы-то летели, чтобы порадовать его! Неужели мы опоздали?

И, оставив недоумевающую сиделку, которой явно хотелось узнать, что же стряслось, мы выскочили на улицу и со всех ног помчались на улицу Ша-Борнь, где жил Лулу.

— Следуйте за мной, — крикнул на бегу Рике, — я знаю самый короткий путь.

Миновав бульвар Круа-Русс, мы свернули в узкую ведущую вверх улочку Ша-Борнь. Лулу (как и Рике) жил в большом старом доме с узкими, совершенно одинаковыми окнами. Задыхаясь от быстрого бега, мы взлетели на четвертый этаж. Дверь открыла мать Лулу; в руке она держала ложку. Видимо, наш звонок застал ее на кухне.

— А, это ты! — воскликнула она, увидев Рике.

Потом, заметив нас, топтавших в полумраке лестничной площадки, она изумленно всплеснула руками:

— Господи! Да сколько вас... Что случилось?

На свет выступила Мадн. Мать Лулу несколько раз видела ее в больнице у постели своего маленького сына.

— В больнице нам сказали, что Лулу выписали, — начала девочка, — и мы пришли навестить его; нам надо сообщить ему нечто очень важное.

Несчастливая женщина в растерянности взглянула на нее.

— Вы разве не знаете, что он очень болен? Именно поэтому его и отправили домой... Он отказывается от еды. Он никого не хочет видеть. И приказал мне никого к нему не пускать.

— И все же, мадам, разрешите нам войти... только на минуточку... мы принесли ему хорошую новость.

От удивления женщина широко раскрыла глаза.

— Хорошую новость? Бедняжка! Разве для него еще могут быть хорошие новости?

Но мы так уговаривали ее, что она, наконец, сдалась и провела нас на кухню, где двое белокурых, как и Лулу, малышей, лет четырех-пяти, сидели за столом и ели.

Кухня была такая маленькая, что мы с трудом поместились в ней. Возле окна, прямо на полу, лежал маленький матрас.

— Вот видите, — объяснила мать Лулу, — мой мальчик хочет быть один. До своей болезни он спал с братом, а теперь мне пришлось устроить Пьеро здесь.

Кафи вошел вместе с нами. Я приказал ему сесть в уголок возле плиты. Мать Лулу открыла дверь смежной с кухней комнаты.

— Тебя хотят видеть твои товарищи, — сообщила она Лулу, — те самые, что приходили к тебе в больницу... Я не хотела их впускать, но они так настаивали...

Друг за другом на цыпочках мы проникли в узкую, как и кухня, комнату с поблекшими обоями; единственная

лампочка пряталась под абажуром, поверх которого был накинута кусок темной ткани, отчего в помещении царил полумрак. Лулу неподвижно лежал в постели. Услышав шаги, он повернулся, в глазах его застыл испуг.

— Откуда вы узнали, что я дома? — едва слышно прошептал мальчик. — Кто вам сказал?

Мади подошла к кровати и осторожно присела на стул, служивший больному ночным столиком.

— Мы пришли в больницу навестить тебя, — начала она, взяв малыша за руку. — Сиделка сказала, что тебя отвезли домой. Прости, мы явились без приглашения, но у нас для тебя очень хорошие новости.

Мальчик нахмурился. Как и его мать, он недоверчиво переспросил:

— Хорошие новости?

— Да, Лулу, просто отличные. Конец твоим кошмарам, тебе больше никто не будет угрожать. Полиция только что арестовала всех твоих мучителей. Теперь они в тюрьме... слышишь, Лулу, в тюрьме!

Лулу уставился на Мади; казалось, он никак не может понять смысла ее слов. Потом печально покачал головой; лицо его искривилось в горькой усмешке:

— Зачем вы мне все это говорите? Ведь это неправда! Я знаю, стоит мне встать, как они найдут меня... но я больше никогда не встану... никогда.

И, отвернувшись, он зарыдал в подушку.

— Господи, — воскликнула мать, — что он такое говорит? Неужели опять бредит? Чего он так боится? Чего вы ему там наговорили?

— Успокойтесь, — обратилась Мади к несчастной женщине, — он не бредит. Простите, он не сказал вам, что случилось в тот день, когда он поранил ногу... Но вы вряд ли смогли бы ему помочь. Позвольте нам теперь рассказать ему конец этой истории.

Мади говорила так ласково и убедительно, что бедная женщина не стала ей возражать. Тогда Мади вновь повернулась к маленькому больному.

— Ты знаешь, Лулу, как мы все тебя любим, поэтому, пожалуйста, поверь нам. С того самого дня, когда ты рассказал нам о своих страхах, мы думали только об одном: как помочь тебе. Мы отыскивали незнакомцев, которые поймали тебя в подвале, и сегодня вечером мы помогли полиции арестовать их. Их только что забрали в тюрьму. Вот видишь, тебе больше нечего бояться.

Лулу слушал, но, судя по его взгляду, по-прежнему не верил нам. Зарывшись головой в подушку, он произнес:

— Этого не может быть, нет!

Мади всегда отличалась терпением. Звонким от волнения голосом она принялась рассказывать, как благодаря помощи Кафи и Рике мы напали на след таинственных недругов мальчика. Она говорила долго, очень долго, не пропуская ни единой мелочи. Девочка понимала, что убедить Лулу может только очень подробный и совершенно правдивый рассказ... Она не скрала ничего, даже нашу выдумку с письмами.

— Вот видишь, Лулу, с тех пор как мы тебя знаем, мы только и делаем, что пытаемся тебе помочь... и сегодня, наконец, мы можем сказать, что эта неприятная история удачно завершилась. И просим тебя забыть ее. Завтра все, что я тебе рассказала, появится в газетах, и ты убедишься, что мы тебя не обманываем.

Лулу пристально смотрел на Мади, словно пытаясь прочесть в ее взгляде что-то недоговоренное.

— Ох, — вздохнул он, — значит, это и в самом деле правда?

Мальчик повернулся к нам, словно ища подтверждения своим словам. Никогда мы еще не испытывали

подобного волнения. Стоявший рядом со мной Бифштекс усиленно сморкался. Стриженный вытирал глаза собственным беретом. В комнате надолго воцарилась тишина. Наконец, оглядев всех нас, Лулу принялся озираться, словно отыскивая кого-то.

— Кафи, — прошептал он, — я хочу взглянуть на Кафи.

Я подозвал собаку. До сих пор пес, исполняя мое приказание, смиренно сидел на кухне. Увидев лежащего на кровати Лулу, Кафи поднял морду и посмотрел на меня, словно хотел спросить: «Можно мне подойти к нему?»

— Можно, Кафи, можно!

Тогда мой славный пес, положив передние лапы на одеяло, потянулся мордой к мальчику. Изумленный Лулу сначала отпрянул, но Кафи, этот грозный враг бандитов, смотрел на него так умильно, что малыш сразу перестал бояться. Протянув руку, он ласково погладил густую шерсть пса. И тут случилось чудо. Кафи, о котором Лулу столько слушал, но которого мы, разумеется, не могли проводить в больницу, убедил Лулу, что мы говорим правду. Мальчик гладил собаку, и в глазах его постепенно загорался радостный огонек, а на лице расцветала счастливая улыбка.

Внезапно он повернулся к матери:

— Мама, знаешь, мне хочется есть...

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА «ЛЕТУЧЕЙ БРИГАДЫ» (Перевод <i>Е. Мурашкинцевой</i>)	5
ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЧАТКЕ (Перевод <i>Е. Морозовой</i>)	111

П.-Ж. Бонзон

- Б81** Тайна человека в перчатке: Пер. с фр. — М.:
Коллекция «Совершенно секретно», 1997. — 240 с., ил. —
(Детский детектив).

Приключения полюбившейся юным читателям неразлучной шестерки друзей из Круа-Русс и их верного пса Кафи продолжаются!

Компания решает провести каникулы в Испании. Но на границе случается целый ряд происшествий, изменивших их планы. Найденный ребятами загадочный предмет непонятного предназначения становится началом сложного расследования, которое приводит к самым неожиданным результатам...

Кто бы мог подумать, что обыкновенный мячик, выбивший стекло заброшенного подвала, может навлечь на своего хозяина такие страшные неприятности! Хорошо, что шестеро друзей из Круа-Русс всегда готовы прийти на помощь тому, кто в ней нуждается.

Выясняется, что в старом подвале происходит какая-то таинственная жизнь, течение которой оказалось нарушено...

Поль-Жак Бонзон

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЧАТКЕ

**Редактор *О. Васильская*
Технический редактор *Л. Самсонова*
Корректор *Л. Логанова*
Компьютерная верстка *Л. Фирсовой*
Изготовление диапозитивов *Д. Попкова***

ЛР № 063742 от 13.12.94.

**Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.10.97. Формат 84х106/32. Бумага тип. № 1.
Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 15000 экз. Заказ 1310. С 64**

**Набор и верстка выполнены ТОО «Коллекция «Совершенно секретно».
109004, Москва, ул. Земляной вал, д. 64, стр. 2.**

**Отпечатано на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфокомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.**

КОЛЛЕКЦИЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

**представляет
новую книгу серии
«ДЕТСКИЙ ДЕТЕКТИВ»**

Буало-Нарсежак

«ТАЙНА НЕВИДИМОГО УБИЙЦЫ»

**Небывалая жара обрушилась на курортный городок,
где четырнадцатилетний Франсуа по прозвищу Без Козыря
проводит свои каникулы;
она принесла с собой засуху,
невиданное нашествие мышей и гадюк и...
два таинственных убийства.**

**Франсуа с помощью отца, знаменитого адвоката,
удается разгадать эту тайну — как и другую,
классическую загадку «убийства в запертой комнате»,
случившегося в старинном замке,
в окружении сотен миниатюрных оловянных солдатиков...**

КОЛЛЕКЦИЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

**представляет
новую книгу серии
«ДЕТСКИЙ ДЕТЕКТИВ»**

Энид Блайтон

«ТАЙНА ДОЛИНЫ СОКРОВИЩ»

**Приключения неразлучной четверки друзей
и их хулиганистого попугая Кики
продолжаются!**

**На этот раз неугомонная компания,
притягивающая необычные происшествия,
превзошла саму себя.**

**Ребята оказываются в оторванной от мира долине,
полной загадочных, почти сказочных пещер,
таящих в себе несметные сокровища...**

**Но, к сожалению, друзья попадают туда не одни,
а... с самыми настоящими опасными бандитами!**

**По вопросам оптовых закупок обращаться:
109004, Москва, ул. Земляной вал, д. 64, стр. 2,
комн. 405;**

офис: (095) 915-55-34, 915-55-39;

тел/факс: (095) 915-34-92

оптовый склад: (095) 465-12-00

**Вы можете приобрести наши книги
по издательским ценам в отделе реализации
Тел.: (095) 915-55-34, 915-55-39**

